

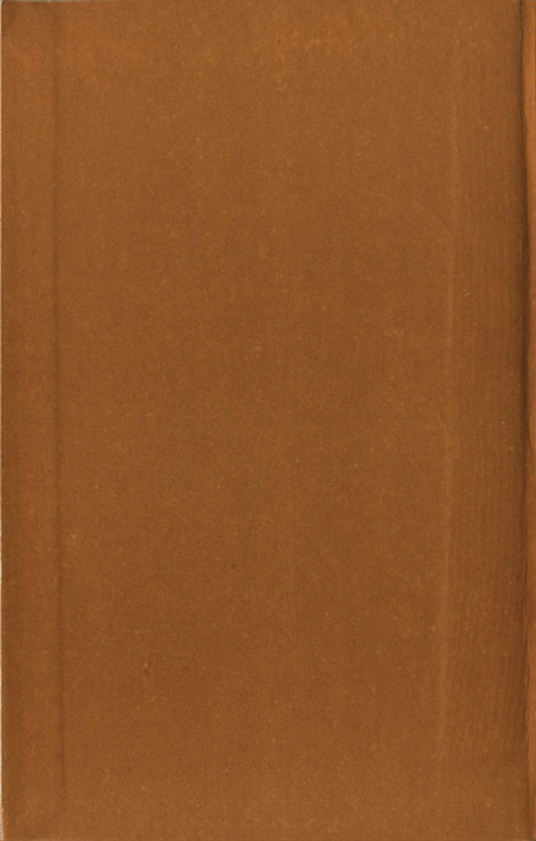
Эдуард Асадов

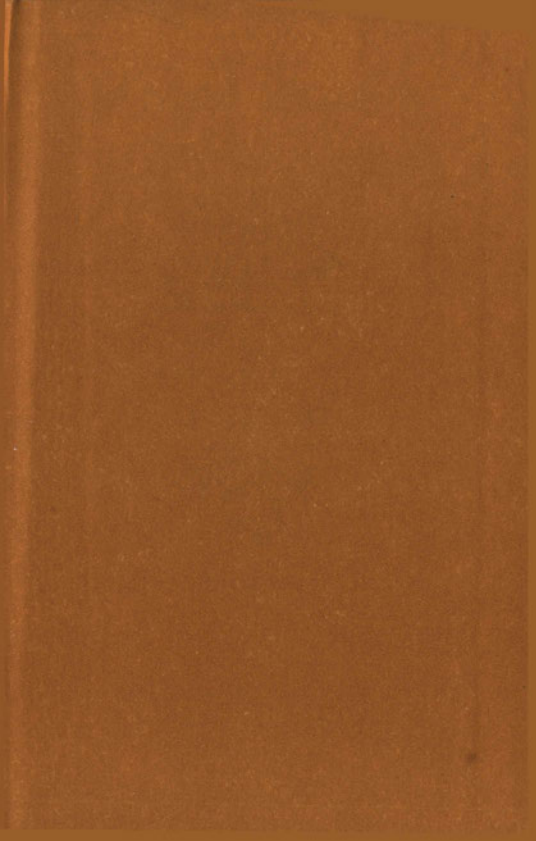
ГОДЫ
МУЖЕСТВА
И ЛЮБВИ

Эдуард Асадов

1612 p. 45 к.

Эдуард Асадов

ГОДЫ
МУЖЕСТВА
И ЛЮБВИ

СТИХИ, ПОЭМЫ

*Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1978*

P2
A90

Λ $\frac{70402-109}{068(02)-78}$ 167-78

© Воениздат, 1978

ЗАПОМИНАЙТЕ НАС, ПОКА МЫ ЕСТЬ!

Запоминайте нас, пока мы есть!
Ведь мы еще на многое соглосимся.
Никто не знает, сколько мы продлимся,
А вот сейчас мы с вами, рядом, здесь.

Кто мы такие? В юности — солдаты,
Потом — трудяги, скромно говоря,
Но многие торжественные даты
Вписали мы в листки календаря.

Мы победили дьявольское пламя
И вознесли над пеплом города.
Видать, нам вечно быть фронтовиками:
И в дни войны, и в мирные года!

Зазнались? Нет, смешно и ни к чему!
Нам не пришло б и в голову такое.
Когда пройдешь сквозь самое крутое,
Тогда плюешь на эту кутерьму.

Что нам чины, восторгов междометья!
Да мы их и не ведали почти.
Нам важно, чтоб смогли вы обрести
Все то, что мы достигли в лихолетья.

А чтобы жить нам светлою судьбою
И взмыть под звезды выше
во сто раз —
Возьмите все хорошее от нас,
А минусы мы унесем с собою...

Мы вечно с вами толковать бы рады,
Но всех ветра когда-то унесут...
Запоминайте ж нас, пока мы тут,
И нас по письмам познавать не надо!

Когда ж потом, в далекие года,
Воспоминаний потускнеют нити,
Вы подойдите к зеркалу тогда
И на себя внимательно взгляните.

И от взаимной нашей теплоты
Мир вспыхнет вдруг, взволнованный
и зыбкий.
И мы, сквозь ваши проступив черты,
Вам улыбнемся дружеской улыбкой...

ЗОЛОТАЯ КРОВЬ

*Ученые Грузии нашли золото
в составе крови человека.
(Из журнальной статьи)*

Не так давно ученые открыли
Пусть небольшой, но золотой запас.
Они его не в рудниках отрыли —
Они его нашли в крови у нас.

И пусть всего-то малая частица,
Не в этом суть, а суть, наверно, в том,
Что в нашем сердце золото стучится,
И мы весь век живем, как говорится,
Согреты этим золотым огнем.

Мы знаем фразу «золотые руки!»
Иль, скажем, «золотая россыпь слов!».
Теперь буквально, с помощью науки,
Сказать мы вправе: «Золотая кровь!»

И может быть, с момента первородства
Чем было больше золота в крови,
Тем больше было в людях благородства,
И мужества, и чести, и любви.

И я уверен в том, что у Чапая,
У Фучика, у Зои, у таких,
Кто отдал жизнь, не дрогнув, за других,
Струилась кровь по жилам золотая!

И, право, пусть отныне медицина,
Ребят готовя в трудные бои,
Глядит не на процент гемоглобина,
А на проценты золота в крови.

И нет верней проверки на любовь,
На мужество и стойкость до конца.
Где полыхает золотая кровь,
Там быются настоящие сердца!

БАЛЛАДА О ЛЕНИНЕ И КОМСОРГЕ

1

Густой рассвет, улыбчивый и яркий,
Гудком разбужен, вспыхнул над рекой.
Перед заводом в Комсомольском парке
Стоит Ильич с простертою рукой.

А среди лип, над самою водою,
Где ветерок прохладой напоен,
Могильный холм под красною звездою
Чугунною оградой обнесен.

На обелиске, убранном цветами,
Портрет парнишки в ленте кумача,
Глядящего влюбленными глазами
На светлую фигуру Ильича.

2

Штурмфюрер Бранк был истинным
баварцем.
Он, черт возьми, умел воображать!
И он считал, что с русским государством
Одной стрельбою трудно воевать.

Для россиян нужны любые меры.
Огонь и плеть, конечно, хороши,
И все-таки неплохо, для примера,
Разрушить символ — гордость их души!

И тут, в сраженном русском городке,
Штурмфюрер Бранк придумает такое,
За что потом умнейшей головою
Он прослывет и здесь и вдалеке!

Как жили тут? И чем всегда дышали?
Увы, для Бранка это не секрет.
Для них здесь ничего дороже нет,
Чем Ленин, что стоит на пьедестале.

Бранк — шеф гестапо. Так чего же
проще!

Он все обдумал и назначил срок:
Назавтра сгонят жителей на площадь,
И он им славный преподаст урок!

Он утвердит порядок новой жизни.
С рассветом залп громовый прогремит,
И рухнет Ленин — символ коммунизма,
А над штандартом свастика взлетит!

И грянул гром, но раньше, до рассвета,
Когда дежурный в страхе прибежал
И доложил, что памятника нету.
Нет памятника, только пьедестал!

Вернуть! Найти! Перетряхнуть весь
город!

Всем объявить, чтоб не хитрили зря:
Что целый город будет перепорот
И каждый третий выслан в лагерь!

Бранк брызгал пеной. Замысел срывался!
Но кто-то подлый в сумерки пришел
И нашептал, что в дело замешался,
Скорей всего, подпольный комсомол.

Где комсомол? Никто о том не знает.
Но он проведаль, тайно, стороной,
Что тут одно семейство укрывает
Их вожака ячейки заводской.

— Я вам клянусь, хоть отрубите бороду,
Что это их подпольный атаман!
Он ранен был при обороне города
И не сумел уйти, он партизан.

Но хоть и ранен, а немало знает.
К нему ведут все тайные пути.
Я не пойду... меня они узнают...
Но я скажу вам, как его найти...

3

На площади, покрытой снегом талым,
В полукольце винтовок и солдат,
Едва живой, не гнулсЯ, а стоял он,
Стоял, как победители стоят.

Штурмфюрер Бранк терпение терял.
Он вынул «кольт» и крикнул, багровея:
— Где Ленин? Слышишь? Говори
жйвее! —
И указал кивком на пьедестал.

— Хитрить не вздумай. Открывай секрет!
— Ильич ушел! — вдруг ясно прозвенело.
— Ушел!.. По государственному делу!..
И тут секрета никакого нет!

— Ах вот как! А куда? Ты знаешь?
— Знаю! —
Глаза как будто вспыхнули слегка.

ПАДАЕТ СНЕГ

Падает снег, падает снег —
Тысячи белых ежат...
А по дороге идет человек,
И губы его дрожат.

Мороз под шагами хрустит, как соль,
Лицо человека — обида и боль,
В зрачках два черных тревожных
флажка
Выбросила тоска.

Измена? Мечты ли разбитой звон?
Друг ли с подлой душой?
Знает об этом только он
Да кто-то еще другой.

Случись катастрофа, пожар, беда —
Звонки тишину встревожат.
У нас милиция есть всегда
И «Скорая помощь» тоже.

А если просто: падает снег,
И тормоза не визжат,
И если просто идет человек,
И губы его дрожат?

А если в глазах у него тоска —
Два горьких черных флажка?
Какие звонки и сигналы есть,
Чтоб подали людям весть?!

И разве тут может в расчет идти
Какой-то там этикет,
Удобно иль нет к нему подойти,
Знаком ты с ним или нет?

Падает снег, падает снег,
По стеклам шуршит узорным.
А сквозь метель идет человек,
И снег ему кажется черным...

И если встретишь его в пути,
Пусть вздрогнет в душе звонок,
Рваниць к нему сквозь людской поток:
Останови! Подойди!

МОЯ ЗВЕЗДА

Наверно, так уж повелось от века,
В народе говорится иногда,
Что где-то есть порой у человека
Далекая, счастливая звезда.

А коль звезда по небу покатилась,
В глубокой тьме прочерчивая след,
То где-то, значит, жизнь остановилась
И что кого-то в мире больше нет.

Звезда моя! Прозрачно-голубая!
Всю жизнь воюя, споря и любя,
Как ты добра — я в точности не знаю,
Но с детских лет я верую в тебя.

Когда мне было радостно до боли
При свете милых удивленных глаз,
И в час, когда читал я в нашей школе
На выпускном стихи в последний раз,

И в час, когда шагал я с аттестатом
В лучах надежды утренней Москвой,
Когда я был счастливым и крылатым —
Ты в полный жар сияла надо мной!

И в дни, когда под грохот эшелонов,
Под пенье пуль, навстречу воронью,
Я шел без сна в шинели и погонах
Сквозь сто смертей за Родину мою,

Когда я стыл под вьюгой ледяною,
Когда от жажды мучился в пути,
И в тихий час, и в самом пекле боя
Я знал, что ты мне светишь впереди.

Но так уж в мире, кажется, бывает,
Что дальняя счастливая звезда
Не всякий раз приветливо мигает
И полным жаром блещет не всегда...

И в том бою, когда земля горела
И Севастополь затянула мгла,
Ты, видимо, меня не разглядела
И уберечь от горя не смогла.

И вот, когда дыханье пропадает,
Уходят силы, а сознание — дым...
Тогда для смерти время наступает,
И смерть пришла за сердцем за моим.

Да не сумела, не остановила.
То ль потому, что молодость жила,
Иль потому, что комсомольским было,
Но только зря старуха прождала!

Звезда моя! Я вовсе не стараюсь
Всего добиться даром, без труда.
Я снова сам работаю, сражаюсь,
И все же ты свети хоть иногда...

Ведь как порою нелегко бывает,
Когда несутся стрелы мне вослед,
И недруги бранят не умолкая,
Тогда сижу, курю я и не знаю,
Горишь ты надо мною или нет!

А впрочем, что мне недруги и стрелы!
Звезда моя! Горячая звезда!
Да, ты горишь! А если бы не горела,
Я не достиг бы счастья никогда!

А я достиг... Чего мне приbedняться!
Я знаю цель. Тверды мои шаги.
И я умею даже там смеяться,
Где слабый духом выл бы от тоски!

Звезда моя! Ты тоже не сдаешься,
Как я, таким же пламенем горя!
И в час, когда ты, вздрогнув,
оборвешься, —
Не скажут нам, что мы горели зря!

И я мечтаю вопреки примете,
Когда судьба нас вычеркнет навек,
Пусть в этот миг родится на планете
Какой-нибудь счастливый человек!

ДОБРОТА

Если друг твой в словесном споре
Мог обиду тебе нанести,
Это горько, но это не горе,
Ты потом ему все же прости.

В жизни всякое может случиться,
И, коль дружба у вас крепка,
Из-за глупого пустяка
Ты не дай ей зазря разбиться.

Если ты с любимой в ссоре,
А тоска по ней горяча,
Это тоже еще не горе,
Не спеши, не руби с плеча.

Пусть не ты явился причиной
Той размолвки и резких слов,
Встань над ссорою, будь мужчиной!
Это все же твоя любовь!

В жизни всякое может случиться,
И, коль ваша любовь крепка,
Из-за глупого пустяка
Ты не должен ей дать разбиться.

И чтоб после себя не корить
В том, что сделал кому-то больно,—

Лучше добрым на свете быть,
Злого в мире и так довольно!

Но в одном лишь не отступай:
На разрыв иди, на разлуку,
Только подлости не прощай.
И предательства не прощай
Никому: ни любимой, ни другу!

РОССИЯ НАЧИНАЛАСЬ НЕ С МЕЧА

Россия начиналась не с меча,
Она с косы и плуга начиналась.
Не потому, что кровь не горяча,
А потому, что русского плеча
Ни разу в жизни злоба не касалась...

И стрелами звеневшие бои
Лишь прерывали труд ее всегдашний.
Недаром конь могучего Ильи
Оседлан был хозяином на пашне.

В руках, веселых только от труда,
По добродушью иногда не сразу
Возмездие вздымалось. Это да.
Но жажды крови не было ни разу.

А коли верх одерживали орды,
Прости, Россия, беды сыновей.
Когда бы не усобицы князей,
То как же ордам дали бы по мордам!

Но только подлость радовалась зря.
С богатырем недолговечны шутки:
Да, можно обмануть богатыря,
Но победить — вот это уже дудки!

Ведь это было так же бы смешно,
Как, скажем, биться с солнцем
и луною.

Тому порукой — озеро Чудское,
Река Непрядва и Бородино.

И если тьмы тевтонцев иль Батяя
Нашли конец на родине моей,
То нынешняя гордая Россия
Стократ еще прекрасней и сильней!

И в схватке с самой лютой войною
Она и ад сумела превозмочь.
Тому порукой — города-герои
В огнях салюта в праздничную ночь!

И вечно тем сильна моя страна,
Что никого нигде не унижала,
Ведь доброта сильнее, чем война,
Как бескорыстье действеннее жала.

Встает заря, светла и горяча.
И будет так вовеки нерушимо.
Россия начиналась не с меча,
И потому она — непобедима!

МОЯ ЛЮБОВЬ

Ну каким ты владеешь секретом?
Чем взяла меня и когда?
Но с тобой я всегда, всегда,
Днем и ночью, зимой и летом!

Площадями ль иду большими
Иль за шумным сажу столом,
Стоит мне шепнуть твое имя —
И уже мы с тобой вдвоем.

Когда радуюсь или грущу я
И когда обиды терплю,
И в веселье тебя люблю я,
И в несчастье тебя люблю.
Даже если крепчайше сплю,
Все равно я тебя люблю!

Говорят, что дней круговерть
Настоящих чувств не тревожит.
Говорят, будто только смерть
Навсегда погасить их может.

Я не знаю последнего дня,
Но без громких скажу речей:
Смерть, конечно, сильнее меня,
Но любви моей не сильнее.

И когда мой звонок пробьет
И окончу я путь земной,

Знай: любовь моя не уйдет,
А останется тут с тобой.

Подойдет без жалоб и слез
И незримо для глаз чужих,
Словно верный и добрый пес,
На колени положит нос
И свернется у ног твоих...

ПИСЬМО С ФРОНТА

Мама, тебе эти строки пишу я,
Тебе посылаю сыновний привет,
Тебя вспоминаю, такую родную,
Такую хорошую — слов даже нет!

Читаешь письмо ты, а видишь
мальчишку,
Немного лентяя и вечно не в срок
Бегущего утром с портфелем
под мышкой,
Свистя беззаботно, на первый урок.

Грустила ты, если мне физик, бывало,
Суровою двойкой дневник «украшал»,
Гордилась, когда я под сводами зала
Стихи свои с жаром ребятам читал.

Мы были беспечными, глупыми были,
Мы все, что имели, не очень ценили,
А поняли, может, лишь тут, на войне.
Приятели, книжки, московские споры —
Все сказка, все в дымке, как снежные
горы...
Пусть так. Возвратимся — оценим
вдвойне!

Сейчас передышка. Сойдясь у опушки,
Застыли орудья, как стадо слонов,

И где-то по-мирному в гуще лесов,
Как в детстве, мне слышится голос
кукушки...

За жизнь, за тебя, за родные края
Иду я навстречу свинцовому ветру.
И пусть между нами сейчас километры —
Ты здесь, ты со мною, родная моя!

В холодной ночи, под неласковым небом,
Склонившись, мне тихую песню поешь
И вместе со мною к далеким победам
Солдатской дорогой незримо идешь.

И чем бы в пути мне война ни грозила,
Ты знай: я не сдамся, покуда дышу!
Я знаю, что ты меня благословила.
И утром, не дрогнув, я в бой ухожу!

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Метелица, как медведица,
Весь вечер буянит зло,
То воет внизу под лестницей,
То лапой скребет стекло.

Дома под ветром сутулятся,
Плывут в молоке огоньки,
Стоят постовые на улицах,
Как белые снеговики.

Сугробы выгнули спины,
Пушистые, как из ваты,
И жмутся к домам машины,
Как зябнувшие щенята...

Кружится ветер белый,
Посвистывает на бегу...
Мне нужно заняться делом,
А я никак не могу.

Приемник бурчит бессвязно,
В доме прохладней к ночи,
Чайник мурлычет важно,
А закипать не хочет.

Все в мире сейчас загадочно,
Все будто летит куда-то,
Метельно, красиво, сказочно...
А сказкам я верю свято.

— Не ждал меня? Скажешь,
дурочка? —
Полночь гудит тревожная...
Где ты, моя Снегурочка,
Сказка моя невозможная?..

РОДИНЕ

(Лирический монолог)

Как жаль мне, что гордые наши слова:
«Держава», «Родина» и «Отчизна» —
Порою затерты, звенят едва
В простом словаре повседневной
жизни.

Я этой болтливостью не грешил,
Шагая по жизни путем солдата.
Я просто с рожденья тебя любил
Застенчиво, тихо и очень свято.

Какой ты была для меня всегда?
Наверное, в разное время разной.
Да, именно разною, как когда,
Но вечно моей и всегда прекрасной!

В каких-нибудь пять босоногих лет
Мир — это улочка, мяч футбольный,
Сабля, да синий змей треугольный,
Да голубь, вспарывающий рассвет.

И если б тогда у меня, примерно,
Спросили: какой представляю я
Родину? Я бы сказал, наверно:
— Она такая, как мама моя!

А после я видел тебя иною,
В свисте метельных уральских дней,

Тоненькой, строгой, с большой
Первой учительницей моей. косою —

Жизнь открывалась почти как в сказке,
Где с каждой минутой иная ширь,
Когда я шел за твоей указкой
Все выше и дальше в громадный мир!

Случись, рассержу я тебя порою —
Ты, пожурив, улыбнешься вдруг
И скажешь, мой чуб потрепав рукою:
— Ну, ладно. Давай выправляйся,
друг!

А помнишь встречу в краю таежном,
Когда, заблудившись, почти без сил
Я сел на старый сухой валежник
И обреченно глаза прикрыл?

Сочувственно кедры вокруг шумели,
Стрекозы судачили с мошкаррой:
— Отстал от ребячьей грибной
артели...
Жалко... Совсем еще молодой!

И тут, будто с суриковской картины,
Светясь от собственной красоты.
Шагнула ты, чуть отведя кусты,
С корзинкою, алою от малины.

Взглянула и все уже поняла:
— Ты городской?.. Ну дак что ж,
бывает...
У нас и свои-то, глядишь, плутают.
Пойдем-ка! — И руку мне подала.

И, сев на разъезде в гремящий поезд,
Хмельной от хлеба и молока,
Я долго видел издалека
Тебя, стоящей в заре по пояс...

Кто ты, пришедшая мне помочь?
Мне и теперь разобраться сложно:
Была ты и впрямь лесникова дочь
Или «хозяйка» лесов таежных?

А впрочем, в каком бы я ни был краю
И как бы ни жил и сейчас и прежде,
Я всюду, я сразу тебя узнаю —
Голос твой, руки, улыбку твою,
В какой ни явилась бы ты одежде!

Помню тебя и совсем иной
В дымное время, в лихие грозы,
Когда завывли над головой
Чужие черные бомбовозы!

О, как же был горестен и суров
Твой образ, высоким гневом объятый,
Когда ты смотрела на нас с плакатов
С винтовкой и флагом в дыму боев!

И, встав против самого злого зла,
Я шел, ощущая двойную силу:
Отвагу, которую ты дала,
И веру, которую ты вселила.

А помнишь, как встретились мы
с тобой,
Солдатской матерью, чуть усталой,
Холодным вечером подо Мгой,
Где в поле солому ты скирдовала.

Смуглая, в желтой сухой пыли,
Ты, распрямившись, на миг застыла,
Затем поклонилась до самой земли
И тихо наш поезд перекрестила...

О, сколько же, сколько ты мне потом
Встречалась в селах и городищах —
Вдовой, угощавшей ржаным ломтем,
Крестьянкой, застывшей
над пепелищем...

Я голос твой слышал
среди всех тревог,
В затишье и в самом разгаре боя.
И что бы я вынес? И что бы я смог?
Когда бы ни ты за моей спиной!

А в час, когда, вскинут столбом огня,
Упал я на грани весны и лета,
Ты сразу пришла. Ты нашла меня.
Даже в бреду я почуял это...

И тут, у гибели на краю,
Ты тихо шинелью меня укрыла
И на колени к себе положила
Голову раненую мою.

Давно это было или вчера?
Как звали тебя: Антонида? Алла?
Имени нету. Оно пропало.
Помню лишь — плакала медсестра.
Сидела, плакала и бинтовала...

Но слезы не слабость. Когда гроза
Летит над землей в орудийном гуле,
Отчизна, любая твоя слеза
Врагу отольется штыком и пулей!

Но вот свершилось! Пропели горны!
И вновь сверкнула голубизна,
И улыбнулась ты в мир просторный,
А возле ног твоих птицей черной
Лежала замершая война!

Так и стояла ты: в гуле маршей,
В цветах после бед и дорог крутых,
Под взглядом всех наций
 рукоплескавших —
Мать двадцати миллионов павших
В объятьях двухсот миллионов живых!

Мчатся года, как стремнина быстрая...
Родина! Трепетный гром соловья!
Росистая, солнечная, смолистая,
От вьюг и берез белоснежно-чистая,
Счастье мое и любовь моя!

Ступив мальчуганом на твой порог,
Я верил, искал, наступал, сражался.
Прости, если сделал не все, что мог,
Прости, если в чем-нибудь ошибался!

Возможно, что, вечно душой горя
И никогда не живя бесстрастно,
Кого-то когда-то обидел зря,
А где-то кого-то простил напрасно.

Но пред тобой никогда, нигде —
И это, поверь, не пустая фраза! —
Ни в споре, ни в радости, ни в беде
Не погрешил, не схитрил ни разу!

Пусть редко стихи о тебе пишу
И не трублю о тебе в газете —

Я каждым дыханьем тебе служу
И каждой строкою тебе служу,
Иначе зачем бы и жил на свете!

И если ты спросишь меня сердечно,
Взглянув на прожитые года:

— Был ты несчастлив?

Отвечу: — Да.

— Знал ли ты счастье?

Скажу: — Конечно!

А коли спросишь меня сурово:

— Ответь мне: а беды, что ты сносил,

Ради меня пережил бы снова?

— Да! — я скажу тебе. — Пережил!

— Да! — я отвечу. Ведь если взять

Ради тебя даже злей напасти,

Без тени рисовки могу сказать:

Это одно уже будет счастьем!

Когда же ты скажешь мне

в третий раз:

— Ответь без всякого колебання:

Какую просьбу или желанье

Хотел бы ты высказать в смертный

час?

И я отвечу: — В грядущей мгле

Скажи поколениям иного века:

Пусть никогда человек в человека

Ни разу не выстрелит на земле!

Прошу: словно в пору мальчишечьих

лет,

Коснись меня доброй своей рукою.

Нет, нет, я не плачу... Ну, что ты, нет...
Просто я счастлив, что я с тобою...

Еще передай, разговор итожа,
Тем, кто потом в эту жизнь придут,
Пусть так они тебя берегут,
Как я. Даже лучше, чем я,
быть может.

Пускай, по-своему жизнь кроя,
Верят тебе они непреложно.
И вот последняя просьба моя:
Пускай они любят тебя, как я.
А больше любить уже невозможно!

ЛЕСНАЯ РЕКА

Пускай не качает она кораблей,
Не режет плечом волну океана,
Но есть первозданное что-то в ней,
Что-то от Шишкина и Левитана.

Течет она медленно век за веком,
В холодных омутах глубока.
И — ни единого человека,
Ни всплеска, ни удочки рыбака!

В ажурной солнечной паутине,
Под шорох ветра и шум ветвей
Течет, отливая небесной синью,
Намытой жгутами тугих дождей.

Так крепок и густ травяной настой,
Что черпай хоть ложкой его столовой!
Налим лупоглазый, почти пудовый,
Жует колокольчики над водой...

Березка пригнулась в густой траве.
Жарко. Сейчас она искупается!
Но платье застряло на голове,
Бьется под ветром и не снимается.

Над заводью вскинул рога сохатый,
И замер пружинисто и хитро,
И только с морды его губатой
Падает звонкое серебро.

На дне, неподвижно, как для парада,
Уставясь носами в одну струю,
Стоят голавли черноспинным рядом,
Как кони в едином литом строю.

Рябина, красуясь, грустит в тиши
И в воду смотрится то и дело:
Сережки рубиновые надела,
Да кто ж их оценит в такой глуши?!

Букашка летит не спеша на свет,
И зяблик у речки пришел в волнение.
Он клюнул букашкино отражение
И изумился: букашки нет!

Удобно устроившись на суку,
Кукушка ватагу грибов считает.
Но, сбившись, мгновение отдыхает
И снова упрямо: «Ку-ку, ку-ку!».

А дунет к вечеру холодком —
По глади речной пробегут барашки,
Как по озябшей спине мурашки,
И речка потянется перед сном.

Послушает ласково и устало,
Как перепел выкрикнет: — Спать пора!
Расправит туманное одеяло
И тихо укроется до утра.

Россия степная, Россия озерная,
С ковыльной бескрайнею стороною,
Россия холмистая, мшистая, горная,
Ты вся дорога мне! И все же
бесспорно я
Всех больше люблю тебя вот такой!

Такой: с иван-чаем, с морошкой
хрусткой
В хмельном и смолистом твоём раю,
С далекой задумчивой песней русской,
С безвестной речушкой в лесном краю.

И вечно с тобой я в любой напасти,
И в солнечных брызгах, и в черной
мгле,
И нет мне уже без тебя ни счастья,
Ни песни, ни радости на земле!

ОТЦЫ И ДЕТИ

Сегодня я слово хочу сказать
Всем тем, кому золотых семнадцать,
Кому окрыленных, веселых двадцать,
Кому удивительных двадцать пять.

По-моему, это пустой разговор,
Когда утверждают, что есть на свете
Какой-то нелепый извечный спор,
В котором воют отцы и дети.

Пускай болтуны что хотят твердят,
У нас же не две, а одна дорога.
И я бы хотел вам, как старший брат,
О ваших отцах рассказать немного.

Когда веселитесь вы или даже
Танцуете так, что дрожит звезда,
Вам кто-то порой с осуждением скажет:
— А мы не такими были тогда!

Вы строгою меркою их не мерьте.
Пускай. Ворчуны же всегда правы!
Вы только, пожалуйста, им не верьте,
Мы были такими же, как и вы!

Мы тоже считались порой пижонами
И были горласты в своей правоте,
А если не очень-то были модными,
То просто возможности были не те.

Когда ж танцевали мы или бузили,
Да так, что срывалась с небес звезда,
Мы тоже слышали иногда:
— Нет, мы не такими когда-то были!

Мы бурно дружили, мы жарко мечтали.
И все же порою — чего скрывать! —
Мы в парты девчонкам мышей совали,
Дурили, скелетам усы рисовали,
И нам, как и вам, в дневники писали:
«Пусть явится в срочном порядке мать!»

И все-таки в главном, большом,
серьезном
Мы шли не колеблясь, мы прямо шли.
И в лихолетье свинцово-грозном
Мы на экзамене самом сложном
Не провалились, не подвели.

Поверьте, это совсем не просто —
Жить так, чтоб гордилась тобой страна,
Когда тебе вовсе еще не по росту
Шинель, оружие и война.

Но шли ребята назло ветрам
И умирали, не встретив зрелость,
По рощам, балкам и по лесам,
А было им столько же, сколько вам,
И жить им, конечно, до слез хотелось.

За вас, за мечты, за весну ваших снов
Погибли ровесники ваши — солдаты:
Мальчишки, не брившие даже усов,
И не слыхавшие нежных слов,
Еще не целованные девчата.

Я знаю их, встретивших смерть в бою.
Я вправе рассказывать вам об этом,

Ведь сам я, лишь выживший чудом, стою
Меж их темнотою и вашим светом.

Но те, что погибли, и те, что пришли,
Хотели, надеялись и мечтали,
Чтоб вы, их наследники, в светлой дали
Большое и звонкое счастье земли
Надежно и прочно потом держали.

Но быть хорошими значит ли жить
Стерильными ангелочками?
Ни станцевать, ни спеть, ни сострить,
Ни выпить пива, ни закурить,
Короче: крахмально белея, быть
Платочками-уголочками?!

Кому это нужно и для чего?
Не бойтесь шуметь нисколько.
Резкими будете — ничего!
И даже дерзкими — ничего!
Вот бойтесь цинизма только.

И суть не в новейшем покрое брюк,
Не в платьях, порой кричащих,
А в правде, в честном пожатии рук
И в ваших делах настоящих.

Конечно, не дай только бог, ребята,
Но знаю я, если хлестнет гроза,
Вы твердо посмотрите ей в глаза,
Так же, как мы смотрели когда-то.

И вы хулителям всех мастей
Не верьте. Нет никакой на свете

Нелепой «проблемы» отцов и детей.
Есть близкие люди: отцы и дети!

Идите ж навстречу ветрам событий,
И пусть вам всю жизнь поют соловьи.
Красивой мечты вам, друзья мои!
Счастливых дорог и больших открытий!

КРАСОТА НАРОДА

Наконец-то в числе реликвий
Оказались в стране моей
Древний Суздаль, Ростов Великий,
Деревянная вязь Кижей!

Наконец наступили годы
Величаво-седую стать,
Красоту, мастерство народа
Из забвения воскрешать!

Кружевную и величавую,
Белопенную, как прибой,
Неразлучную с русской славою,
С русской радостью и бедой.

Возродить и навек взметнуть
Все, что дорого нам и свято.
Жаль вот только, что не вернуть
То, что прахом легло когда-то.

Сколько яркого озарения
Древних зодчих — певцов труда
В исторических потрясениях
Бурей сорвано навсегда!..

Впрочем, были еще любители
Штурмовщины и крайних мер.
Где сегодня Христа Спасителя
Храм невиданный, например?

Он стоял над Москвой-рекою,
Гордо вскинув свою главу,
Белым лебедем над водою,
Русской сказкою наяву!..

Кто вернет устремленный в небо,
Что горел, в облаках паря,
Древний храм Бориса и Глеба,
Алый, праздничный, как заря.

И снесли до чего ж умело,
Даже гид не найдет следа!
Как же славно, что с этим делом
Ныне кончено навсегда!

Но сейчас не об этом хочется!
Слава богу, поди спроси,
Сколько ярких шедевров зодчества
Нынче радует на Руси!

Тех, что стройно-легки, как птицы,
Будь то башня, собор иль храм,
Чьим творцам и сейчас учиться
Не зазорно в любой столице
И сегодняшним мастерам!

И смогли ведь. Вершили чудо.
Удивишься аж за версту!
Так храните же, люди, всюду
Эту светлую красоту!

И отлично, что комсомольцы
Возрождать взялись старину
С той же страстью, с какой
добровольцы
Мчались прежде на целину.

И когда средь новейших зданий,
Прежних красок вернув наряд,
Словно древние могикане,
Храмы праздничные стоят,

И горит на заре лучисто
Золотой пожар куполов —
Лишь таращат глаза туристы,
Не найдя подходящих слов.

А слова будто светом брызжутся,
Даже кружится голова,
Только вслушайтесь: «звонница»,
«ризница» —
Жар малиновый, не слова!

И горды мы, горды по праву
У порогов священных мест.
Словно книги великой главы —
Бородинское поле славы,
Севастопольский комплекс славы,
И Мамаев курган, и Брест!

И сверкают в лучах рассвета
Песней мужества и труда
Монументы Страны Советов,
Космодромы и города!

Вот вам старое, вот вам новое,
Ну так что же, что рядом, что ж?!
Все ведь кровное, все — история,
Ничего ведь не оторвешь!

Потому так светло и бережно
Нынче связаны навсегда
День вчерашний и день теперешний,
Как с былинным Кремлем звезда!

В ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Как загадочные гномики,
Чуть пробил полночный час,
Сели сны на подоконники
Вдоль всей улицы у нас.

Сели чинно и торжественно,
Щуря мудрые зрачки,
И, раскланявшись, приветственно
Приподняли колпачки.

Попищали как комарики —
И конец. Пора за труд!
По волшебному фонарику
Из карманов достают.

Прямо в душу направляется
Луч, невидимый для глаз.
Сновиденье начинается,
То, какое назначается
Человеку в этот час.

У лучей оттенки разные:
Светлый, темный, золотой.
Сны веселые и страшные
Видят люди в час ночной.

Я не знаю, чьим велением
Луч мне светит в тишине,
Только в каждом сновидении
Ты являешься ко мне.

И, не споря, не преследуя,
Я смотрю в твой строгий взгляд,
Будто сам того не ведая,
В чем-то вечно виноват.

Хоть вина моя, наверное,
Только в том, что все терплю,
Что тебя давно и верно я
До нелепого люблю!

Как легко ты можешь темное
Сделать ярким навсегда:
Снять лишь трубку телефонную
И сквозь даль и мглу бессонную
В первый раз мне крикнуть:
— Да!

В переулок звезды грохнутся
Звоном брызнувших монет.
Дрогнет сердце, полночь кончится,
В окна кинется рассвет.

Удирай же, сон загадочный,
В реку, в облако, в траву,
Ибо в мире самый радостный,
Самый песенный и сказочный —
Сон, пришедший наяву!

1966—1975 гг.

БАЛЛАДА О НЕНАВИСТИ И ЛЮБВИ

I

Метель ревет, как седой исполин,
Вторые сутки не утихая,
Ревет, как пятьсот самолетных турбин,
И нет ей, проклятой, конца и края!

Пляшет огромным белым костром,
Глушит моторы и гасит фары.
В замяти снежной аэродром,
Служебные здания и ангары.

В прокуренной комнате тусклый свет,
Вторые сутки не спит радист.
Он ловит, он слушает треск и свист,
Все ждут напряженно: жив или нет?!

Радист кивает: — Пока еще да.—
Но боль ему не дает распрямиться.
А он еще шутит: мол, вот беда,
Левая плоскость моя никуда!
Скорее всего, перелом ключицы...

Где-то буран, ни огня, ни звезды
Над местом аварии самолета.
Лишь снег заметает обломков следы
Да замерзающего пилота.

Ищут тракторы день и ночь,
Да только впустую. До слез обидно.
Разве найти тут, разве помочь?
Руки в полуметре от фар не видно.

А он понимает, а он и не ждет,
Лежа в ложбинке, что станет гробом.
Трактор, если даже придет,
То все равно в двух шагах пройдет
И не заметит его под сугробом.

Сейчас любая зазря операция.
И все-таки жизнь покуда слышна.
Слышна, ведь его портативная рация
Чудом каким-то, но спасена.

Встать бы, но боль обжигает бок,
Теплой крови полон сапог,
Она, остывая, смерзается в лед,
Снег набивается в нос и рот.

Что перебито? Понять нельзя.
Но только не двинуться, не шагнуть!
Вот и окончен, видать, твой путь!
А где-то сынишка, жена, друзья...

Где-то комната, свет, тепло...
Не надо об этом! В глазах темнеет...
Снегом, наверно, на метр замело.
Тело сонливо деревенеет...

А в шлемофоне звучат слова:
— Алло! Ты слышишь! Держись,
дружище! —
Тупо кружится голова...
— Алло! Мужайся! Тебя разыщут!..

Мужайся? Да что он, пацан или трус?!
В каких ведь бывал переделках

грозных.
— Спасибо... Вас понял... Пока держусь! —

А про себя добавляет: «Боюсь,
Что будет все, кажется, слишком
поздно...»

Совсем чугунная голова.
Кончаются в рации батареи.
Их хватит еще на час или два.
Как бревна руки... спина немеет...

— Алло! — Это, кажется, генерал.—
Держитесь, родной, вас найдут,
откопают...—

Странно: слова звенят, как кристалл,
Бьются, стучат, как в броню металл,
А в мозг остывший почти не влетают...

Чтоб стать вдруг счастливейшим
на земле,
Как мало, наверное, необходимо:
Замерзнув вконец, оказаться в тепле,
Где доброе слово, да чай на столе,
Спирта глоток, да затяжка дыма...

Опять в шлемофоне шуршит тишина.
Потом сквозь метельное завыванье:
— Алло! Здесь в рубке твоя жена!
Сейчас ты услышишь ее. Вниманье!

С минуту гуденье тугой волны,
Какие-то шорохи, трески, пiski,
И вдруг далекий голос жены,
До боли знакомый, до жути близкий!

— Не знаю, что делать и что сказать.
Милый, ты сам ведь отлично знаешь,
Что, если даже совсем замерзаешь,—
Надо выдержать, устоять!

Хорошая, светлая, дорогая!
Ну как объяснить ей в конце концов,
Что он не нарочно же здесь погибает,
Что боль даже слабо вздохнуть мешает
И правде надо смотреть в лицо.

— Послушай! Синоптики дали ответ:
Буря окончится через сутки.

Продержишься? Да?

— К сожалению, нет...

— Как нет? Да ты не в своем
рассудке!

Увы, все глуше звучат слова.
Развязка — вот она, как ни тяжело.
Живет еще только одна голова,
А тело — остывшая деревяшка.

А голос кричит: — Ты слышишь,
ты слышишь?!

Держись! Часов через пять рассвет.
Ведь ты же живешь еще! Ты же
дышишь?!

Ну есть ли хоть шанс?

— К сожалению, нет...

Ни звука. Молчанье. Наверно, плачет.
Как трудно последний привет послать!
И вдруг: — Раз так, я должна
сказать! —

Голос резкий, нельзя узнать.
Странно. Что это может значить?

— Поверь, мне горько тебе говорить.
Еще вчера я б от страха скрыла.
Но раз ты сказал, что тебе не дожить,
То лучше, чтоб после себя не корить,
Сказать тебе коротко все, что было.

Знай же, что я дрянная жена
И стою любого худого слова.
Я вот уже год, как тебе не верна,
И вот уже год, как люблю другого!

О, как я страдала, встречая пламя
Твоих горячих восточных глаз.—
Он молча слушал ее рассказ,
Слушал, может, последний раз,
Сухую былинку зажав зубами.

— Вот так целый год я лгала,
скрывала,
Но это от страха, а не со зла.
— Скажи мне имя!..—
Она помолчала,
Потом, как ударив, имя сказала,
Лучшего друга его назвала!

Затем добавила торопливо:
— Мы улетаем на днях на юг.
Здесь трудно нам было бы
жить счастливо.
Быть может, все это не так красиво,
Но он не совсем уж бесчестный друг.

Он просто не смел бы, не мог, как и я,
Выдержать, встретясь с твоими
глазами.

За сына не бойся. Он едет с нами.
Теперь все заново: жизнь и семья.

Прости. Не ко времени эти слова.
Но больше не будет иного времени.—
Он слушает молча. Горит голова...
И словно бы молот стучит по темени...

— Как жаль, что тебе ничем
 не поможешь!
Судьба перепутала все пути.
Прощай! Не сердись и прости,
 если можешь!
За подлость и радость мою прости!

Полгода прошло или полчаса?
Наверное, кончились батареи.
Все дальше, все тише шумы... голоса...
Лишь сердце стучит все сильнее
и сильнее!

Оно грохочет и бьет в виски!
Оно полыхает огнем и ядом.
Оно разрывается на куски!
Что больше в нем: ярости или тоски?
Взвешивать поздно, да и не надо!

Обида волной заливает кровь.
Перед глазами сплошной туман.
Где дружба на свете и где любовь?
Их нету! И ветер, как эхо, вновь:
— Их нету! Все подлость, и все обман!

Ему в снегу суждено подыхать,
Как псу, коченея под стоны вьюги,
Чтоб два предателя, там, на юге,
Со смехом бутылку открыв на досуге,
Могли поминки по нем справлять?!

Они совсем затиранят мальчика
И будут усердствовать до конца,
Чтоб вбить ему в голову имя другого
И вырвать из памяти имя отца!

И все-таки светлая вера дана
Душонке трехлетнего пацана.
Сын слушает гул самолетов и ждет.
А он замерзает, а он не придет!..

Сердце грохочет, стучит в виски,
Взведенное, словно курок нагана.
От нежности, ярости и тоски
Оно разрывается на куски.
А все-таки рано сдаваться, рано!

Эх, силы! Откуда вас взять, откуда?
Но тут ведь на карту не жизнь,
а честь!
Чудо? Вы скажете, нужно чудо?
Так пусть же! Считайте, что чудо есть!

Надо любой ценой подняться
И, всем существом устремясь вперед,
Грудью от мерзлой земли оторваться,
Как самолет, что не хочет сдаваться,
А сбитый, снова идет на взлет!

Боль подступает такая, что, кажется,
Замертво рухнешь назад, ничком!
И все-таки он, хрипя, поднимается.
Чудо, как видите, совершается!
Впрочем, о чуде потом, потом...

Швыряет буран ледяную соль,
Но тело горит, будто жарким летом,

Сердце колотится в горле где-то,
Багровая ярость да черная боль!

Вдали сквозь дикую карусель
Глаза мальчишки, что верно ждут,
Они большие, во всю метель,
Они, как компас, его ведут!

— Не выйдет! Неправда,
 не пропаду! —
Он жив. Он двигается, ползет!
Встает, качается на ходу,
Падает снова и вновь встает...

11

К полудню буран захирел и сдал.
Упал и рассыпался вдруг на части.
Упал, будто срезанный наповал,
Выпустив солнце из белой пасти.

Он сдал, в предчувствии скорой весны,
Оставив после ночной операции
На чахлых кустах клочки седины,
Как белые флаги капитуляции.

Идет на бреющем вертолет,
Ломая безмолвие тишины.
Шестой разворот, седьмой разворот,
Он ищет... ищет... и вот и вот —
Темная точка средь белизны!

Скорее! От рева земля тряслась.
Скорее! Ну что там: зверь? Человек?
Точка качнулась, приподнялась
И рухнула снова в глубокий снег...

Все ближе, все ниже... Довольно! Стоп!
Ровно и плавно гудят машины.
И первой без лесенки прямо в сугроб
Метнулась женщина из кабины!

Припала к мужу: — Ты жив, ты жив!
Я знала... Все будет так, не иначе!..—
И, шею бережно обхватив,
Что-то шептала, смеясь и плача.

Дрожа, целовала, как в полусне,
Замерзшие руки, лицо и губы.
А он еле слышно, с трудом,
сквозь зубы:
— Не смей... ты сама же сказала мне...

— Молчи! Не надо! Все бред,
все бред!
Какой же меркой меня ты мерил?
Как мог ты верить?! А впрочем, нет,
Какое счастье, что ты поверил!

Я знала, я знала характер твой!
Все рушилось, гибло... хоть вой,
хоть реви!
И нужен был шанс, последний, любой!
А ненависть может гореть порой
Даже сильнее любви!

И вот говорю, а сама трясусь,
Играю какого-то подлеца.
И все боюсь, что сейчас сорвусь,
Что-нибудь выкрикну, разревусь,
Не выдержав до конца!

Прости же за горечь, любимый мой!
Всю жизнь за один, за один твой
взгляд...

Да я как дура пойду за тобой,
Хоть к черту! Хоть в пекло!
Хоть в самый ад!

И были такими глаза ее,
Глаза, что любили и тосковали,
Таким они светом сейчас сияли,
Что он посмотрел в них и понял все!

И, полузамерзший, полуживой,
Он стал вдруг счастливейшим
на планете.
Ненависть, как ни сильна порой,—
Не самая сильная вещь на свете!

ДЕВУШКА И ЛЕСОВИК

(Сказка-шутка)

На старой осине в глуши лесной
Жил леший, глазастый и волосатый.
Для лешего был он еще молодой —
Лет триста, не больше. Совсем не злой,
Задумчивый, тихий и неженатый.

Однажды у Черных болот, в лощине,
Увидел он девушку над ручьем,
Красивую, с полной грибной корзиной
И в ярком платьице городском.

Видать, заблудилась. Стоит и плачет.
И леший вдруг словно затосковал...
Ну как ее выручить? Вот задача!
Он спрыгнул с сучка и, уже не прячась,
Склонился пред девушкой и сказал:

— Не плачь! Ты меня красотой смутила.
Ты — радость! И я тебе помогу! —
Девушка вздрогнула, отскочила,
Но вслушалась в речи и вдруг решила:
— Ладно. Успею еще! Убегу!

А тот протянул ей в косматых лапах
Букет из фиалок и хризантем.
И так был прекрасен их свежий запах,
Что страх у девчонки пропал совсем...

Свиданья у девушки в жизни были.
Но если по-честному говорить,
То в общем ей редко цветы дарили.
И радостей мало преподносили,
Больше надеялись получить.

А леший промолвил: — Таких
обаятельных
Глаз я нигде еще не встречал! —
И дальше, смутив уже окончательно,
Тихо ей руку поцеловал.

Из мха и соломки он сплел ей шляпу.
Был ласков, приветливо улыбался.
И хоть и не руки имел, а лапы,
Но даже «облапить» и не пытался.

И, глядя восторженно и тревожно,
Он вдруг на секунду наморщил нос
И, сделав гирлянду из алых роз,
Повесил ей на плечи осторожно.

Донес ей грибы, через лес провожая,
В трудных местах впереди идя,
Каждую веточку отгибая,
Каждую ямочку обходя.

Прощаясь у вырубки обгоревшей,
Он грустно потупился, пряча вздох.
А та вдруг подумала: «Леший, леший,
А вроде, пожалуй, не так и плох!»

И, пряча смущенье в букет, красавица
Вдруг тихо промолвила на ходу:
— Мне лес этот, знаете, очень нравится,
Наверно, я завтра опять приду!

Мужчины, встревожьтесь! Ну кто ж не знает,
Что женщина, с нежной своей душой,
Сто тысяч грехов нам простит порой,
Простит, может, даже ночной разбой!
Но вот невнимания не прощает...

Вернемся же к рыцарству в добрый час
И к ласке, которую мы забыли,
Чтоб милые наши порой от нас
Не начали бегать к нечистой силе!

Шли слухи, что даже начштаба тайком
В стихах перед ней изливался.

Полковник и тот забывал про года,
Болтая с сестрицею нашей.
А ей, без сомнения, мнилось тогда,
Что всех она девушек краше.

Ее посещение казалось бойцам
Звездой, сверкнувшей в землянке.
И шла медсестра по солдатским сердцам
С уверенно-гордой осанкой.

Но вот и Победа!.. Колес перестук...
И всюду, как самых достойных,
Встречали нас нежные взгляды подруг,
Веселых, красивых и стройных.

И радужный образ сестры полковой
Стал сразу бледнеть, расплываться.
Сурова, груба, некрасива собой...
Ну где ей с иными тягаться!

Ну где ей тягаться, а все-таки с ней
Мы стыли в промозглой траншее,
Мы с нею не раз хоронили друзей,
Шагали под пулями с нею.

Бойцы возвращались к подругам своим.
Ужель их за то осудить?
Влюбленность порой исчезает как дым,
Но дружбу нельзя позабыть!

Солдат ожидали невесты и жены.
Встречая на каждом вокзале,

Они со слезами бежали к вагонам
И милых своих обнимали.

Шумел у вагонов народ до утра,
Улыбки, букеты, косынки...
И в час расставанья смеялась сестра,
Старательно пряча слезинки.

А дома не раз еще вспомнит боец
О девушке в ватнике сером,
Что крепко держала семь сотен сердец
В своем кулачке загорелом!

О СЛАВЕ РОДИНЫ

Сколько раз над моей страной
Била черным крылом война.
Но Россия — всегда сильна —
Лишь крепчала от боя к бою!

Ну а если ни злом, ни горем
Не сломить ее и не взять,
То нельзя ли в лукавом споре
Изнутри ее «ковырять»?

И решили: побольше наглости!
Для таких, кто на слякоть падки,
Подливайте фальшивой жалости,
Критикуйте ее порядки.

Ну а главное, ну а главное
(Разве подлость не путь к успеху?!),
На святое ее и славное —
Больше яда и больше смеха!

Пусть глупцы надорвут животики,
Плюнув в лица себе же сами!
И ползут по стране ужами
Пошловатые анекдотики.

До чего же выходит здорово,
Не история, а игра:

Анекдотики про Суворова,
Про указы царя Петра!

Тарахтит суесловье праздное
И роняет с гнилым смешком
То о Пушкине штучки разные,
То скабрезы о Льве Толстом!

И, решив, что былое пройдено,
Нынче так уже разошлись,
Что дошли до героев Родины,
До Чапаева добрались!

Будто был боевой начдив,
Даже молвить-то странно, жаден!
Неразумен-то и нескладен,
И, смешнее того,— труслив!

Это он-то, храбрец и умница!
(Ах ты подлый вороний грай!)
Это гордость-то Революции!
Это светлый-то наш Чапай!

И не странно ль: о славе Родины
Не смолкает визгливый бред,
А о Фордах иль, скажем, Морганах
Анекдотов как будто нет...

Впрочем, сколько вы там ни воете
И ни ржете исподтишка,
Вы ж мизинца его не стоите,
Даже просто его плевка!

Что от вас на земле останется?
Даже пыли и то не будет!

А ему будут зори кланяться!
А его будут помнить люди!

И в грядущее, в мир просторный
Будет вечно, сражая зло,
Мчатся вихрем он в бурке черной
С острой шашкою наголо!

НА ИСХОДНЫЙ РУБЕЖ

— Позволь-ка прикурить, земляк!—
Склонились... Огонек мелькает...
— Да легче ты, кури в кулак.
Опять патруль ночной летает.

С утра был дождик проливной,
Но к ночи небо чистым стало,
И в щелях, залитых водой,
Луна, качаясь, задрожала...

Шли по обочине гуськом,
Еще вчера был путь хороший,
А нынче мокрый чернозем
Лип к сапогам пудовой ношей.

Страхни его — ступи ногой,
И снова то же повторится.
А утром с ходу прямо в бой...
— Эй, спать, товарищ, не годится!

Пехотный батальон шагал
Туда, где лопались ракеты,
Где высился Турецкий вал,
Еще не тронутый рассветом.

Все шли и думали. О чем?
О том ли, что трудна дорога?
О доме, близких иль о том,
Что хорошо б поспать немного?

Не спят уж третью ночь подряд,
Счет потеряли километрам,
А звезды ласково горят,
И тянет мягким южным ветром...

Конец дороге. Перекоп!
Но сон упрямо клеит веки...
Видать, привычка в человеке:
Ночлег бойцу — любой окоп.

Посмотришь — оторопь возьмет.
Повсюду: лежа, сидя, стоя,
В траншеях, в ровиках — народ
Спит, спит всего за час до боя!

Все будет: грохот, лязг и вой...
Пока ж солдатам крепко спится.
Глядят луна да часовой
На сном разглаженные лица.

Я ПОЭТ СУГУБО КОМСОМОЛЬСКИЙ

Мои друзья! Я вам скажу по-свойски:
Хотя я больше лирику пишу,
Но я поэт сугубо комсомольский!
И вы об этом помните. Прошу!

Я рассказал бы, как цеха дымятся,
Познал бы все, увидел, превзошел,
Когда б в свои мальчишеских
семнадцать
Я на войну с винтовкой не ушел.

Да вышло так, что юность трудовая
В судьбу мою не вписана была.
Она была другая — боевая,
Она в аду горела, не сгорая,
И победила. Даром не прошла!

Я всей судьбою с комсомолом слился,
Когда учился и когда мечтал.
Я им почти что даже не гордился,
Я просто им как воздухом дышал!

Я взял шинель. Я понимал в те годы,
Что комсомол, испытанный в огне,
Хоть до зарезу нужен на заводе,
Но все же трижды нужен на войне.

Над лесом орудийные зарницы,
А до атаки — несколько часов.

Гудит метель на сорок голосов,
Видать, и ей в такую ночь не спится.

А мой напарник приподнимет бровь
И скажет вдруг: — Не посчитай
за службу!
Давай, комсорг, прочти-ка нам
про дружбу,—
И улыбнется: — Ну и про любовь...

И я под вздохи тяжкие орудий,
Сквозь треск печурки и табачный дым
Читал стихи моим пристрастным
судьям
И самым первым критикам моим.

К чему хитрить, что все в них
было зрело,
И крепок слог и рифма хороша.
Но если в них хоть что-нибудь да пело,
Так то моя мальчишечья душа.

Давно с шинелей спороты погоны,
И напрочь перечеркнута война,
Давно в чехлах походные знамена,
И мир давно, и труд, и тишина.

Цветет сирень, в зенит летят ракеты,
Гудит земля от зерен налитых.
Но многих нету, очень многих нету
Моих друзей, товарищей моих...

Горячие ребята, добровольцы,
Мечтатели, безусые юнцы,
Не ведавшие страха комсомольцы,
Не знавшие уныния бойцы!

Могилы хлопцев вдалеке от близких,
В полях, лесах и в скверах городов,
Фанерные дощечки,obelisks
И просто — без дощечек и цветов.

Но смерти нет и никогда не будет!
И если ухо приложить к любой —
Почудится далекий гул орудий
И отголосок песни фронтовой.

И я их слышу, слышу! И едва ли
В душе моей затихнет этот гром.
Мне свято все, о чем они мечтали,
За что дрались и думали о чем!

Всего не скажешь — тут и жизни
мало.

Есть тьма имен и множество томов.
Мне часто ночью грезятся привалы
И тихие беседы у костров.

Порой напарник приподнимет бровь
И скажет вдруг: — Не посчитай
за службу,
А ну, давай прочти-ка нам
про дружбу! —
И улыбнется: — Ну и про любовь...

И я, навек той верою согрет,
Пишу о дружбе в память о друживших
И о любви за них не долюбивших,
За них, за тех, кого сегодня нет!

Горячие ребята, добровольцы!
Мечтатели, безусые юнцы,

Не ведавшие страха комсомольцы,
Не знавшие уныния бойцы!

И всем, кто спросит, говорю
по-свойски:

Я потому и лирику пишу,
Что я поэт сугубо комсомольский!
И вы об этом помните. Прошу!

Девять раз мы в атаку вставали,
Девять раз отползали назад.

Только взяли мы Малую Влою.
Взяли кровью, упорством, штыками,
Взяли вместе с германской мукою,
Складом мин и «трофейными»
вшами.

Расскажу, как убит был в сраженье
Мой дружок возле Волхов-реки,
Как неделю я был в окруженье
И в ладонь шелушил колоски.

Я настолько был полон войною,
Что, казалось, вернись я живым,
Я, пожалуй, и рта не закрою
И своим расскажу и чужим!

Переправы, походы, метели...
Разве вправе о них я забыть?!
Если даже крючки на шинели —
Дай язык им — начнут говорить!

Так я думал в холодной землянке,
Рукавом протирая прицел,
На разбитом глухом полустанке,
Что на подступах к городу Л.

Только вышло, что мы опоздали.
И пока мы шагали вперед,
Про войну, про суровый поход
Здесь немало уже рассказали.

Даже то, как мы бились за Влою,
Описали в стихах и романе

Те, кто, может быть, был под Уфою
Или дома сидел на диване.

Только нам ли, друзья, обижаться,
Если первыми тут не успели?
Все же НАМ доводилось сражаться,
Все же НАШИ походы воспели!

Значит, мы не в убытке в итоге,
И спасибо за добрые книжки.
Еще долго любому мальчишке
Будут грезиться наши дороги...

А рассказы? И мы не отстанем,
И расскажем, и песню затынем.
А к тому же нашивки и раны —
Это тоже стихи и романы!

Снова песни звенят по стране.
Рожь встает, блиндажи закрывая.
Это тоже рассказ о войне,
Наше счастье и слава живая!

**МОЕМУ СТАРОМУ ДРУГУ
БОРИСУ ШПИЦБУРГУ**

Над Киевом апрельский, журавлиный
Играет ветер клейкою листвою.
Эх, Борька, Борька! Друг ты мой
старинный,
Ну вот и вновь мы встретились с тобой.

Под сводами завода «Арсенала»,
Куда стихи читать я приглашен,
Ты спрятался куда-то в гущу зала,
Мол, я не я и, дескать, он не он...

Ах ты мой скромник, милый чудачина!
Видать, таким ты будешь весь свой век.
Хоть в прошлом сквозь бои за Украину
Шагал отнюдь не робкий человек.

Вечерний город в звездах растворился,
А мы идем, идем по-над Днепром.
Нет, ты совсем, совсем не изменился,
Все так же ходишь чуточку плечом,

И так же ногу раненую ставишь,
И так же восклицаешь: — Это да!
И так же «р» отчаянно картавишь,
И так же прямодушен, как всегда.

Как два солдата летом и зимою,
Беря за перевалом перевал,

Уж двадцать с гаком дружим мы
с тобою,
А кстати, «гак» не так уже и мал.

Но что, скажи, для нас с тобою годы?
Каких еще нам проб, каких преград?
Ведь если дружба рождена в невзгодах,
Она сильнее всех прочих во сто крат!

Ты помнишь госпитальную палату,
В которой всех нас было двадцать пять,
Где из троих и одного солдата,
Пожалуй, сложно было бы собрать...

Я трудным был. Порою брежу ночью,
Потом очнусь, а рядом ты сидишь,
И губы мне запекшиеся мочишь,
И что-нибудь смешное говоришь.

Моя сиделка с добрыми руками!
Нет, ничего я, Боря, не забыл:
Ни как читал ты книги мне часами,
Ни как, бывало, с ложечки кормил.

А в дни, когда со смертью в трудном
споре
Хирург меня кромсал и зашивал,
Ты, верно, ждал за дверью в коридоре,
Сидел и ждал. И я об этом знал.

И все же, как нам ни бывало горько,
Мы часто были с шуткою на «ты»
И хохотали так, ты помнишь, Борька,
Что чуть порой не лопались бинты?!

А помнишь, вышло раз наоборот:
Был в лежку ты, а я кормить пытался,

И как сквозь боль ты вдруг расхохотался,
Когда я пролил в нос тебе компот.

Эх, Борька, Борька! Сколько звонких лет
С тех пор уплыло вешним ледоходом!
А дружбе нашей, видно, сносу нет,
Она лишь все надежней с каждым годом.

И хоть не часто видимся порою,
Ведь тыща верст и сотни разных дел...
Но в трудный час любой из нас с тобою
За друга бы и в пекло не сробел!

Мы хорошо, мы горячо живем
И ничего не делаем халтурно:
Ни ты, я знаю, в цехе заводском,
Ни я, поверь, в цеху литературном!

Уже рассвет над Киевом встает,
Ну вот и вновь нам надо расставаться.
Тебе, наверно, скоро на завод,
А мне в Москву... В дорогу собираться...

Не смей, злодей, покашливать
так горько!
Не то и я... Я тоже ведь живой...
Дай поцелую... добрый, славный мой...
Мой лучший друг! Мой самый светлый,
Борька!..

В ЛЕСНОМ КРАЮ

Грозою до блеска промыты чаши,
А снизу, из-под зеленых ресниц,
Лужи наивно глаза таращат
На пролетающих в небе птиц.

Гром, словно в огненную лису,
Грохнул с утра в горизонт багряный,
И тот, рассыпавшись, как стеклянный,
Брызгами ягод горит в лесу.

Ежась от свежего ветерка,
Чуть посинев, крепыши маслята,
Взявшись за руки, как ребята,
Топают, греясь, вокруг пенька!

Маленький жук золотою каплей
Висит и качается на цветке,
А в речке на длинной своей ноге
Ива нахохлилась, будто цапля,

Дремлет, лесной ворожкой объята...
А мимо, покачиваясь в волнах,
Пунцовый воздушный корабль заката
Плывет на распушенных парусах...

Сосны беседуют не спеша.
И верю я тверже, чем верят дети,
Что есть у леса своя душа,
Самая добрая на планете.

Самая добрая потому,
Что, право, едва ли не все земное,
Вечно живущее под луною
Обязано жизнью своей ему.

И будь я владыкой над всей планетой,
Я с детства бы весь человеческий род
Никак бы не меньше, чем целый год,
Крестил бы лесной красотой этой.

Пусть сразу бы не было сметено
Все то, что издревле нам жить
мешало,
Но злобы и подлости все равно
Намного бы меньше на свете стало!

Никто уж потом не предаст мечту
И веру в светлое не забудет,
Ведь тот, кто вобрал в себя красоту,
Плохим человеком уже не будет!

СОЗВЕЗДИЕ ГОНЧИХ ПСОВ

Мимо созвездия Девы,
Созвездий Льва и Весов
Несется по темному небу
Созвездие Гончих Псов.

Клубится, шурша по следу их,
Космическая пурга.
Комету ль они преследуют?
Иль гонят во тьме врага?

Я видел их тени тугие
Сквозь дымку мальчишьях снов.
И были они как живые,
К тому же слова какие:
«Созвездие Гончих Псов»!

Детство прошло, умчалось,
Растаяло без следа,
А песня в душе осталась,
И, кажется, навсегда.

Несется собачья стая
Миллионы веков вперед.
И я, как в детстве, гадаю:
Куда они? Кто их ждет?

Какая их гонит тайна
Средь стужи и тишины?
А вдруг они там отчаянно

Ищут во тьме хозяина,
С которым разлучены?

Он добрый, веселый, звездный.
Но с очень дальних времен
Где-то во мгле морозной
Чудищами пленен.

В безбрежье миров и столетий,
Где не был ни звук, ни взгляд,
Он к черной гигантской планете
Магнитным кольцом прижат.

Там странные измерения:
Сто верст — только малый шаг,
Столетье — одно мгновение,
А озеро — жидкий мрак...

Чудища, плавая в реках,
И после, сушась на скале,
Звездного Человека
Держат в пещерной мгле.

Столапые Электриды —
В каждой лапище — мозг —
Внушают ему, чтоб выдал
Он все, что когда-то видел,
А главное — тайну звезд!

Как они загораются,
Стужу гоня с планет?
Чем они остужаются?
Как погасить их свет?

Так молча и некрасиво,
Жуя студенистую мглу,

Волю свою терпеливо
Они внушают ему.

А он не дает ответа.
И только упрямое: SOS! —
С черной, как мрак, планеты
Шлет светлomu миру звезд!

Зов по вселенной несется,
И все, что хоть где-то живет,
Говорит: — Високосный год.—
Или: — Год активного солнца.

И только в бездонном мраке,
Где нет ни ночей, ни дней,
Огненные собаки
Мчатся еще быстрее!

Все ярче глаза сверкают,
Струной напряглись хребты,
И жаркие искры роняют
Пламенные хвосты.

Вселенная бьет клубами
Космической пыли в грудь.
И тонко звенит под когтями
Серебряный Млечный Путь...

Но сквозь века и пространства
Домчат они, и найдут
Планету Черного Царства,
И чудищ перегрызут.

Лапы — на плечи хозяину,
И звездный вздохнет Человек.
Вот она, главная тайна,
Основа всего мирозданья:

В любви при любом испытанье
И преданности навек!

Невзгодам конец! Победа!
Гремите, звезд бубенцы.
Пусть волны тепла и света
Помчатся во все концы!

И вправо помчат и влево,
Неся серебристый гам.
И радостно вскрикнет Дева,
Поверить боясь вестям!

Рукою за сердце схватится,
Щекою прильнет к Тельцу,
И звездные слезы покатятся
По вспыхнувшему лицу!

Фантазия? Пусть! Я знаю!
И все-таки с детских лет
Я верю в упрямую стаю,
Что мчится за другом вслед!

Спадает с души все бренное,
Истории быют часы,
Звенит серебром вселенная.
Летят по вселенной Псы...

Горят причудливо краски,
И, как ни мудра голова,
Вы все-таки верьте сказке.
Сказка всегда права!

ПИСЬМО ЛЮБИМОЙ

Мы в дальней разлуке. Сейчас
 между нами
Узоры созвездий и посвист ветров,
Дороги с бегущими вдаль поездами
Да скучная цепь телеграфных столбов.

Как будто бы чувствуя нашу разлуку,
Раскидистый тополь, вздохнув горячо,
К окну протянувшись, зеленую руку
По-дружески мне положил на плечо.

Душа хоть какой-нибудь весточки просит,
Мы ждем, загораемся каждой строкой.
Но вести не только в конвертах приносят,
Они к нам сквозь стены проходят порой

Представь, что услышишь ты вести о том,
Что был я обманут в пути подлецом,
Что руку, как другу, врагу протянул,
А он меня в спину с откоса толкнул...

Все тело в ушибах, разбита губа...
Что делать? Превратна порою судьба!
И пусть тебе станет обидно, тревожно,
Но верить ты можешь. Такое —
возможно!

А если вдруг весть, как метельная мгла,
Ворвется и скажет словами глухими,

Что смерть недопетую песнь прервала
И черной каймой обвела мое имя.

Веселые губы сомкнулись навек...
Утрата, ее ни понять ни измерить!
Нелепо! И все-таки можешь поверить:
Бессмертны лишь скалы, а я — человек!

Но если услышишь, что вешней порой
За новым, за призрачным счастьем
в погоне
Я сердце свое не тебе, а другой
Взволнованно вдруг протянул
на ладони,—

Пусть слезы не брызнут, не дрогнут
ресницы,
Колючею стужей не стиснет беда!
Не верь! Вот такого не может случиться!
Ты слышишь? Такому не быть никогда!

ОБИДНАЯ ЛЮБОВЬ

Пробило десять. В доме — тишина.
Она сидит и напряженно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна,
Вдруг позвонит любимый, вдруг придет?!

Пусть вечер люстру звездную включил,
Не так уж поздно, день еще не прожит.
Не может быть, чтоб он не позвонил!
Чтобы не вспомнил — быть того
не может!

«Конечно же, он рвался, и не раз,
Но масса дел: то это, то другое...
Зато он здесь и сердцем и душою».
К чему она хитрит перед собою
И для чего так лжет себе сейчас?

Ведь жизнь ее уже немало дней
Течет отнюдь не речкой Серебрянкой:
Ее любимый постоянно с ней —
Как хан Гирей с безвольной полонянкой.

Случалось, он под рюмку умилялся
Ее душой: «Так преданна всегда!»
Но что в душе той — радость иль беда?
Об этом он не ведал никогда,
Да и узнать ни разу не пытался.

Хвастлив иль груб он, трезв или хмелек,
В ответ — ни возражения, ни вздоха.

Прав только он, и только он умен,
Она же лишь «чудачка» и «дуреха».

И ей ли уж не знать о том, что он
Ни в чем и никогда с ней не считался,
Сто раз ее бросал и возвращался,
Сто раз ей лгал и был всегда прощен.

В часы невзгод твердили ей друзья:
— Да с ним пора давным-давно
расстаться.
Будь гордою. Довольно унижаться!
Сама пойми: ведь дальше так нельзя!

Она кивала, плакала порой.
И вдруг смотрела жалобно на всех:
— Но я люблю... Ужасно... Как на грех!..
И он уж все же не такой плохой!

Тут было бесполезно препираться,
И шла она в свой добровольный плен,
Чтоб вновь служить, чтоб снова
унижаться
И ничего не требовать взамен.

Пробило полночь. В доме тишина...
Она сидит и неотступно ждет.
Ей не до книг сейчас и не до сна:
Вдруг позвонит? А вдруг еще придет?

Любовь приносит радость на порог.
С ней легче верить, и мечтать, и жить.
Но уж не дай, как говорится, бог
Вот так любить!

ПУСТЬ МЕНЯ ВОЛШЕБНИКОМ НАЗНАЧАТ

(Шутка)

Эх, девчата! Чтоб во всем удача,
Чтоб была нетленною краса,
Пусть меня волшебником назначат,
И тогда наступят чудеса.

Я начну с того, что на планете —
Сразу ни обманов, ни тревог.
Все цветы, какие есть на свете,
Я, как бог, сложу у ваших ног!

Я вам всем, брюнетки и блондинки,
Раскрою на кофточки зарю,
Радугу разрежу на косынки,
Небо на отрезы раздарю.

С красотой будет все в порядке:
Каждый профиль хоть в музей неси!
Ну, а чтоб какие недостатки
Я оставил? Боже упаси!

А для танцев и нарядов балных
В виде дополнения к красоте
Я вручил бы каждой персонально
По живой мерцающей звезде.

Ну, а чтобы не было примеров
Ни тоски, ни одиноких слез,

Я по сотне лучших кавалеров
Каждой бы на выбор преподнес!

Я волшебной утвердил бы властью
Царство весен, света и стихов,
Чтоб смеялась каждая от счастья
В день от трех и до восьми часов!

Эх, девчата! Чтоб во всем удача,
Чтоб всегда звенели соловьи,
Хлопочите, милые мои,
Пусть меня волшебником назначат!

БАЛЛАДА О ГРАНИТЕ

Грохнул взрыв — качнулись небеса,
Над карьером пыль взметнулась
тучей.

Вздрыгнули окрестные леса,
Эхо с гулом понеслось под кручи.

Выпрыгнув из щели без труда,
Подрывник встряхнулся деловито,
Взял осколок красного гранита
И сказал: — А камень хоть куда!

Из него дворец сложить не стыдно,—
Помолчал, сигарку закурил,
Не спеша, со вкусом раскурил
И сказал товарищу солидно:

— Динамит иль, скажем, аммонал.
Я их норы досконально знаю
И не первый год уже взрываю,
Нынче вот в трехсотый раз взрывал!

А когда дойду до пятисот,
Не иначе стану бригадиром,—
Он не знал, что мир простился
с миром,
Что война над Родиной встает.

И что через месяц средь болот
Сам он по приказу командира
Подорвет впервые вражий дот.

Так и было: рушились дома,
Шли враги в дыму, сквозь грохот
стали.

Крепко, насмерть русские стояли,
Грудь на грудь сходились свет и тьма!

А пока земля в огне дымит,
Всюду шарит враг рукой нечистой.
Даже там, в Карелии лесистой,
Из-под снега извлекли фашисты
Красный, с черной жилкою гранит.

И чванливый оберст приказал,
Жадным взглядом весь карьер окинув:
— Пусть стоит на площади Берлина
Из гранита грозный пьедестал.

В день, когда мы разгромим Советы
И пожар взметнется над Москвой,
Мы воздвигнем памятник победы,
Свастику поднявший над собой.

Перед ним века и поколения
Лягут, распростертые, в пыли.
Это будет символ устрашения,
Символ покорения земли!

Только вышло, все наоборот.
День настал — и пробил час расплаты:
В сорок пятом русские солдаты
У рейхстага кончили поход.

В глубине двора сапер гвардейский
Каменную грудку увидал.
Поднял камень и к груди прижал:

— Братцы, это ж наш гранит,
каральский.
Сам я этот камень добывал!

...Новый дом поднялся над Москвою,
Стеклами сверкая на рассвете.
Во дворе играют шумно дети,
Рядом липы шелестят листвою...

Дом построен мирными руками,
Зданию нарядный придал вид
Красный, с темной жилкою гранит,
Что из плена вызволен бойцами.

Друг, москвич! Воскресным днем
с рассветом
Улицею Горького пройдишь.
Перед домом тем остановись:
Вот гранит, объехавший полсвета,
Над гранитом дом взметнулся ввысь...
Номер девять, возле Моссовета!

МОЕМУ СЫНУ

Я на ладонь положил без усилия
Туго спеленатый теплый пакет.
Отчество есть у него и фамилия,
Только вот имени все еще нет...

Имя найдем. Тут не в этом вопрос.
Главное то, что мальчишка родился!
Угол пакета слегка приоткрылся,
Видно лишь соску да пуговку-нос...

В сад заползают вечерние тени,
Спит и не знает недельный малец,
Что у кровати сидят в восхищенье
Гордо застывшие мать и отец!

Раньше смеялся я, встретив родителей,
Слишком пристрастных к младенцам
своим.

Я говорил им: «Вы просто вредители,
Главное — выдержка, строгость, режим!»

Так поучал я. Но вот наконец
В комнате нашей заплакал малец.
Где наша выдержка? Разве ж мы строги?
Вместо покоя — сплошные тревоги:

То наша люстра нам кажется яркой,
То сыну холодно, то сыну жарко,
То он покашлял, а то он вздохнул,
То он поморщился, то он чихнул...

Раньше в них было кипение боя,
В них отражались пожаров огни,
Нынче глаза эти видят иное,
Стали спокойней и мягче они,
Чистой ребячьей умыты слезою...

Ты береги их, мой маленький сын!
Их я не прятал от правды суровой,
Я их не жмурил в атаке стрелковой,
Встретясь со смертью один на один.

Ими я видел и сирот и вдов,
Ими смотрел на гвардейское Знамя,
Ими я видел бегущих врагов,
Видел победы далекое пламя.

С ними шагал я уверенно к цели,
С ними страну расчищал от руин.
Эти глаза для Отчизны горели!
Ты береги их, мой маленький сын!

Тени в саду все длиннее ложатся...
Где-то пропел паровозный гудок...
Ветер, устав по дорогам слоняться,
Чуть покружил и улегся у ног...

Спит мой мальчишка на даче
 под соснами,
Стиснув пустышку беззубыми деснами...
Мир перед ним расстелился дорогами
С радостью, горем, покоем, тревогами...

Нет! Не пойдет он тропинкой кривою.
Счастье себе он добудет иное:
Выкует счастье, как в горне кузнец!
Верю я в счастье его золотое.
Верю всем сердцем! На то я — отец!

НА РАССВЕТЕ

У моста, поеживаясь спросонок,
Две вербы ладошками пьют зарю,
Крохотный месяц, словно котенок,
Карабкаясь, лезет по фонарю.

Уж он-то работу сейчас найдет
Веселым и бойким своим когтям!
Оглянется, вздрогнет и вновь ползет
К стеклянным пылающим воробьям.

Город, как дымкой, затянут сном,
Звуки в прохладе дворов упрятаны,
Двери домов еще запечатаны
Алым солнечным сургучом.

Спит катерок, словно морж, у пляжа,
А сверху задиристые стрижи
Крутят петли и виражи
Самого высшего пилотажа!

Месяц, прозрачным хвостом играя,
Сорвавшись, упал с фонаря в газон.
Вышли дворники, выметая
Из города мрак, тишину и сон.

А ты еще там, за своим окном,
Спишь, к сновиденьям припав щекою.
И вовсе не знаешь сейчас о том,
Что я разговариваю с тобою...

Да волосы, мягко с плеча спадая,
Льются, как бронзовый водопад...

А мне (ведь любовь посильней,
чем джин,
А нежность — крылатей любой
орлицы),
Мне надо, ну пусть хоть на миг один,
Возле тебя сейчас очутиться.

Волос струящийся водопад
Поглажу ласковыми руками,
Ресниц еле слышно коснусь губами,
И хватит. И кончено. И — назад!

Ты сядешь и, шурясь при ярком свете,
Вздохнешь, удивления не тая:
— Свежо, а какой нынче знойный
ветер! —
А это не ветер. А это — я!

И все-таки спасибо им за это
Святое вдохновение поэта,
За пламя, воплощенное в стихи!

На всей планете и во все века
Поэты тосковали и любили.
И сколько раз прекрасная рука
И ветер счастья даже в полглотка
Их к песенным вершинам возносили!

А если песни были не о них,
А о мечтах или родном приволье,
То все равно в них каждый звук и стих
Дышали этим счастьем или болью.

Ведь если вдруг бесстрастна голова,
Где взять поэту буревые силы?
И как найти звенящие слова,
Коль спит душа и сердце отлюбило?!

И к черту разговоры про грехи.
Тут речь о вспышках праздничного
света.

Да здравствуют влюбленные поэты!
Да здравствуют прекрасные стихи!

«НИЧЬЯ»

Зал. Напряженное ожидание.
На сцене безмолвный суровый бой.
Склонились гроссмейстеры над доской.
Идет турнирное состязанье.

Игра все опаснее накаляется.
Вот тут-то бы драться и побеждать!
И вдруг перемирие предлагается.
Оно с удовольствием принимается,
Обоим не хочется рисковать.

Конечно, манера у всех своя,
Но как-то, увы, жидковато все же:
Сегодня ничья, и завтра ничья,
И послезавтра нередко тоже...

«Ничья» — безусловно же, это слово
Противно для подлинного бойца.
Бойцы даже в шквальном огне готовы
Бороться смело и до конца.

«Ничья» — это жить без особых бед,
Ничем себя сложным не озаботив.
«Ничья» — это в общем и «да» и «нет»,
«Ничья» — это вроде и «за»
и «против».

Не знаю, важны ли вопросы эти,
А шахматы все же игра к тому ж.

Да слишком уж много на белом свете
Вот этих ничейно-несмелых душ!

В политике, в дружбе, любви, труде,
Где надо, не трусая, принять решение,
Ничейные души везде, везде
Ищут ничейного округленья.

Ну, честное слово, вот так и кажется,
Что обтекаемая душа
Не ходит по жизни, а просто катится,
Как мячик, удобно и не спеша!

И хочется мне без дискуссий злых
Упрямо и радостно с разворота
Забить этот «мяч», словно гол
в ворота,—
И все! И уже никаких «ничьих»!

В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Встал троллейбус. Шум как
на вокзале!

Кто-то за милицией сходил.

— Что случилось?

— Жулика поймали!

Трешницу, мерзавец, утащил!..

— Слишком к ним уж много
снисхожденья!—

Женщина воскликнула в сердцах.

А мужчина в роговых очках

Даже закурил от возмущенья.

Жулик пойман. И уже давно

Катится троллейбус по предместью.

А внутри клокочет все равно,

И бурлят, как крепкое вино,

Люди с незапятнанною честью.

Жулик — дрянь. И мы, ему желая

Строгого и крепкого суда,

Все же сами что-то упускаем,

Ибо слово «совесть» понимаем

Как-то странновато иногда.

Если б вдруг грабителем был назван

Тот мужчина в роговых очках,

Он, наверно, за такую фразу

Вас мгновенно обратил бы в прах!

А ведь сам у друга одолжил
Как-то деньги, мило и культурно.
И отнюдь устроился недурно:
Взять-то взял, а возвратить «забыл».

Вор, стянувший трешницу сейчас,
Негодяй отныне и навек.
А урвавший больше в десять раз —
«Честный» и «приличный» человек!

Так уж, видно, издавна считается.
Только, если честно говорить,
Между «не отдать» и «утащить»
Разницы большой не получается.

Впрочем, дело не в одних рублях,
Не в одном стяжательстве, конечно,
А в других, «не денежных» делах
Так ли мы, порою, безупречны?

Женщина, что жулика кляла,
Том стихов из сумочки достала.
Как она его приобрела?
Да когда-то у друзей взяла
И, как говорится, «зачитала»...

Если тайно в магазине взять
С полки книгу — это кража.
А у друга взять и «зачитать» —
Тут неловко и сказать-то даже.

А скажи — и впрямь услышишь смех,
Даже вскинет брови в изумленье:
— Не вернула книгу? Вот так грех!
Тоже мне, простите, преступленье!

И подите растолкуйте ей,
Что тому хозяину, быть может,
Книга эта важного важней,
И богатства всякого дороже.

Жулик пойман и под стражу взят.
Мягко мчит троллейбус
по предместью...

А внутри всё спорят и шумят,
И бесчестность подлую бранят
Люди с «незапятнанною честью»!..

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Гроза фиолетовым языком
Лижет с шипеньем мокрые тучи,
И кулаком стопудовым гром
Струи, звенящие серебром,
Вбивает в газоны, сады и кручи.

И в шуме пенистой кутерьмы
С крыш, словно с гор, тугие потоки
Смывают в звонкие водостоки
Остатки холода и зимы.

Но ветер уж вбил упругие клинья
В сплетения туч. И усталый гром
С ворчаньем прячется под мостом,
А небо смеется умытой синью.

В лужах здания колыхаются,
Смешные, раскосые, как японцы.
Падают капли. И каждая кажется
Крохотным, с неба летящим солнцем.

Рухлядь выносится с чердаков,
Забор покрывается свежей краской,
Вскрываются окна, летит замазка,
Пыль выбивается из ковров.

Весна даже с душ шелуху снимает:
И горечь, и злость, что темны
как ночь,

МОГИЛА НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА

Могила Неизвестного солдата!
О, сколько их от Волги до Карпат!
В дыму сражений вырытых когда-то
Саперными лопатами солдат.

Зеленый горький холмик у дороги,
В котором навсегда погребены
Мечты, надежды, думы и тревоги
Безвестного защитника страны.

Кто был в боях и знает край передний,
Кто на войне товарища терял,
Тот боль и ярость полностью познал
Когда копал «окоп» ему последний.

За маршем — марш, за боем —
новый бой!
Когда же было строитьobelisks?!
Доска да карандашные огрызки,
Ведь вот и все, что было под рукой!

Последний «послужной листок» солдата:
«Иван Фомин», и больше ничего.
А чуть пониже две коротких даты
Рождения и гибели его.

Но две недели ливневых дождей,
И остается только темно-серый
Кусок промокшей, вздувшейся фанеры,
И никакой фамилии на ней.

За сотни верст сражаются ребята.
А здесь, от речки в двадцати шагах,
Зеленый холмик в полевых цветах —
Могила Неизвестного солдата...

Но Родина не забывает павшего!
Как мать не забывает никогда
Ни павшего, ни без вести пропавшего,
Того, кто жив для матери всегда!

Да, мужеству забвенья не бывает.
Вот почему погибшего в бою
Старшины на поверке выкликают
Как воина, стоящего в строю!

И потому в знак памяти сердечной
По всей стране от Волги до Карпат
В живых цветах и день и ночь горят
Лучи родной звезды пятиконечной.

Лучи летят торжественно и свято,
Чтоб встретиться в пожатии немом,
Над прахом Неизвестного солдата,
Что спит в земле перед седым Кремлем!

И от лучей багровое, как знамя,
Весенним днем фанфарами звеня,
Как символ славы возгорелось пламя —
Святое пламя Вечного огня!

СВИДАНИЕ С ДЕТСТВОМ

(Лирический монолог)

Не то я задумчивей стал с годами,
Не то где-то в сердце живет печаль,
Но только все чаще и чаще ночами
Мне видится в дымке лесная даль.

Вижу я озеро с сонной ряской,
Белоголовых кувшинок дым...
Край мой застенчивый, край уральский,
Край, что не схож ни с каким иным.

Словно из яшмы глаза морошки
Глядят, озорно заслонясь листком.
Красива морошка, словно Матрешка
Зеленым схвачена пояском.

А там, где агатовых кедров тени
Да малахитовая трава,
Бродят чуткие, как олени,
Все таинственные слова...

Я слышал их, знаю, я здесь как дома.
Ведь каждая ветка и каждый сук
До радостной боли мне тут знакомы,
Как руки друзей моих и подруг!

И в остром волнении, как в тумане,
Иду я мысленно напрямиком,

Сквозь пегий кустарник и бурелом
К одной неприметной лесной поляне.

Иду будто в давнее забытье,
Расстроганно, тихо и чуть несмело,
Туда, где сидит на пеньке замшелом
Детство веснушчатое мое...

Костром полыхает над ним калина,
А рядом лежат, как щенки у ног,
С грибами ивовая корзина
Да с клюквой березовый туесок.

Скоро и дом. Торопиться нечего.
Прислушайся к щебету, посиди...
И детство мечтает сейчас доверчиво
О том, что ждет его впереди...

Разве бывает у детства прошлое?
Вся жизнь — где-то там, в голубом дыму.
И только в светлое и хорошее
Детству верится моему.

Детство мое! У тебя рассвет,
Ты только стоишь на пороге дома,
А я уже прожил довольно лет,
И мне твое завтра давно знакомо...

Знаю, как будет звенеть в груди
Сердце, то радость, то боль итожа.
И все, что сбудется впереди,
И все, что не сбудется, знаю тоже.

Фронты будут трассами полыхать,
Будут и дни отрешенно-серы,
Хорошее будет, зачем скрывать,
Но будет и тяжкого свыше меры...

Ах, если б я мог тебе подсказать,
Помочь, ну хоть слово шепнуть одно!
Да только вот прошлое возвращать
Нам, к сожалению, не дано.

Ты словно на том стоишь берегу
И докричаться нельзя, я знаю.
Но раз я помочь тебе не могу,
То все же отчаянно пожелаю:

Сейчас над тобой светлым-светло,
Шепот деревьев да птичий гам,
Смолисто вокруг и теплым-тепло,
Настой из цветов, родника стекло
Да солнце с черемухой пополам.

Ты смотришь вокруг и спокойно дышишь,
Но как невозвратны такие дни!
Поэтому все, что в душе запишешь,
И все, что увидишь ты и услышишь,
Запомни, запомни и сохрани!

Видишь, как бабка-ольха над пальцами
Подремлет и вдруг, заворчав безголосо,
Начнет заплетать корявыми пальцами
Внучке-березе тугую косу.

А рядом, наряд расправляя свой,
Пихта топорщится вверх без толку.
Она похожа сейчас на елку,
Растущую сдуру вниз головой.

Взгляни, как стремительно в бликах света
Перепонками лап в вышине руля,
Белка межзвездной летит ракетой,
Огненный хвост за собой стеля.

Сноп света, малиновка, стрекоза,
Ах, как же для нас это все быстротечно!
Смотри же, смотри же во все глаза
И сбереги навсегда, навечно!

Шагая сквозь радости и беду,
Нигде мы скупцами с тобой не будем.
Бери ж эту светлую красоту,
Вбирай эту мудрую доброту,
Чтоб после дарить ее щедро людям!

И пусть тебе еще неизвестно,
Какие бураны ударят в грудь,
Одно лишь скажу тебе: — Этот путь
Всегда будет только прямым и честным!

Прощай же! Как жаль, что нельзя сейчас
Даже коснуться тебя рукою,
Но я тебя видел. И в первый раз
Точно умылся живой водою!

Смешное, с восторженностью лица,
С фантазией, бурным потоком бьющей,
Ты будешь жить во мне до конца,
Как первая, вешняя песнь сковорца,
Как лучик зари, к чистоте зовущий!

Шагни ко мне тихо и посиди,
Как перед дальней разлукой рядом:
Ну вот и довольно... Теперь иди!
А я пожелаю тебе в пути
Всего счастливого теплым взглядом...

У РЕКИ

Что-то мурлыча вполголоса,
Дошли они до реки.
Девичьи пушистые волосы
Касались его щеки.

Так в речку смотрелись ивы,
И так полыхал закат,
Что глянешь вокруг с обрыва —
И не уйдешь назад!

Над ними по звездному залу
Кружила, плыла луна.
— Люблю я мечтать! — сказал он.
— Я тоже... — вздохнула она.

Уселись на край обрыва,
Смотрели в речную тьму.
Он очень мечтал красиво!
Она кивала ему.

А речь шла о том, как будет
С улыбкой душа дружить,
О том, что без счастья людям
Нельзя, невозможно жить.

Счастье не ждет на пригорке,
К нему нелегки пути,
И надо быть очень зорким,
Чтоб счастье свое найти!

Звонят их умные речи,
За дальней летя мечтой...
А счастье... Счастье весь вечер
Стоит у них за спиной.

— А мне,— подсолнух сказал,—
не смешно.

При чем тут скворешник или оконце?!

Не знаю, мало ли мне дано,

Ты прав, я действительно вижу одно,

Но это одно — солнце!..

**СТИХИ, НЕ ПРЕТЕНДУЮЩИЕ
НА УЧЕНЫЙ ТРАКТАТ**

Бывает ли переселенье душ?
Наука говорит, что не бывает.
— Все, что живет,— бесследно
исчезает.—
Так скажет вам любой ученый муж.

И уточнит: — Ну, правда, не совсем,
Ты станешь вновь материей, природой:
Азотом, водородом, углеродом,
Железом, хлором, ну, буквально, всем!

Ответ как прост, так и предельно ясен.
Но человек есть все же человек,
И превратиться в атомы навек
Я как-то не особенно согласен...

Ну как же так! Живешь, живешь и вдруг
Изволь потом в частицу превратиться.
Нет, я далек от всяких адских мук,
Но ведь нельзя ж кончать и на частицах!

Одних глупцов способен утешать
Поклон богам иль идолам отвешенный!
И все-таки обидно как-то стать
Частицей, пусть хотя бы даже
взвешенной...

Прости меня, наука! Разум твой
Всю жизнь горел мне яркою зарею.

Я и сейчас стою перед тобою
С почтительно склоненной головой.

Да, после нас останется работа.
А нас, скажи, куда в конце пути?
Стать углекислым газом? Нет, прости.
Наверно, ты недооткрыла что-то!

Ведь даже муж с ученой эрудицией
При неудачах шепчет: — Не везет...
И от судьбы порой чего-то ждет,
И очень даже верит в интуицию.

Нет, нам не надо всякой ерунды!
Мы знаем клетку, биотоки знаем,
И все же мы отнюдь не отрицаем,
Что есть подчас предчувствие беды!

А разве вы порою не ловили
Себя на мысли где-нибудь в кино
Иль глядя на гравюру, что давно
Вы в том краю уже когда-то были?..

Или в пути, совсем вдали от дома,
Какой-то город, речка или храм
Покажутся до боли вам знакомы,
Так, словно детство прожили вы там!

Переселенье душ? Сплошная мистика?
Кто ведает? И пусть скажу не в лад,
А все же эта самая «глупистика»
Поинтересней как-то, чем распад.

Да и возможно ль с этим примириться:
Любил, страдал, работал с огоньком,

Был вроде человеком, а потом
Стал сразу менделеевской таблицей.

А атому — ни спеть, ни погрузить,
Ни прилететь к любимой на свиданье,
Ни поработать всласть, ни закурить,
Одно научно строгое молчанье.

Нет, я никак на это не гожусь!
И ну их: клетки, биотоки, души...
Я просто вновь возьму вот и рожусь,
Рожусь назло ученому чинуше!

И если вновь вы встретите поэта,
Что пишет на лирической волне,
Кого ругают критики в газетах,
А он идет упрямо по стране,

Идет, все сердце людям отдавая,
Кто верит, что горит его звезда,
Чей суд — народ. Ему он присягает,
И нету выше для него суда.

Кто смерть пройдет и к людям
 возвратится,
Он — их поэт. Они — его друзья.
И если так, товарищи, случится,
Не сомневайтесь: это снова я!

ЦВЕТА ЧУВСТВ

Имеют ли чувства какой-нибудь цвет,
Когда они в душах кипят и зреют?
Не знаю, смешно это или нет,
Но часто мне кажется, что имеют.

Когда засмеются в душе подчас
Трели, по-вешнему соловьиные,
От дружеской встречи, улыбок, фраз,
То чувства, наверно, пылают в нас
Небесного цвета: синие-синие.

А если вдруг ревность сощурит взгляд
Иль гнев опалит грозovým рассветом,
То чувства, наверно, в нас горят
Цветом пожара — багряным цветом.

Когда ж захлестнет тебя вдруг тоска,
Да так, что вздохнуть невозможно даже,
Тоска эта будет, как дым, горька,
А цветом черная, словно сажа.

Если же сердце хмельным-хмельно,
Счастье, какое ж оно, какое?
Мне кажется, счастье как луч. Оно
Жаркое, солнечно-золотое!

Назвать даже попросту не берусь
Все их — от ласки до горьких встрясок.

Наверное, сколько на свете чувств,
Столько цветов на земле и красок.

Судьба моя! Нам ли с тобой не знать,
Что я под выюгами не шатаюсь.
Ты можешь любые мне чувства дать,
Я все их готов, не моргнув, принять
И даже черных не испугаюсь.

Но если ты даже и повелишь,
Одно, хоть убей, я отвергну! Это
Чувства, крохотные, как мышь,
Ничтожно-серого цвета!

ЛЕДЯНАЯ БАЛЛАДА

Льды все туже сжимают круг,
Весь экипаж по тревоге собран.
Словно от чьих-то гигантских рук
Трещат парохода стальные ребра.

Воеет пурга среди колких льдов,
Злая насмешка слышится в голосе:
— Ну что, капитан Георгий Седов,
Кончил отныне мечтать о полюсе?

Зря она, старая, глотку рвет,
Неужто и вправду ей непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем лейтенант повернет обратно!

Команда — к Таймыру, назад,
гуськом!
А он оставит лишь компас, карты,
Двух добровольцев, веревку, нарты
И к полюсу дальше пойдет пешком!

Фрам — капитанский косматый пес
Идти с командой назад не согласен.
Где быть ему? Это смешной вопрос!
Он даже с презреньем наморщил нос,
Ему-то вопрос абсолютно ясен!

Встал впереди на привычном месте
И на хозяина так взглянул,

Что тот лишь с улыбкой рукой махнул:
— Ладно, чего уж... Вместе
так вместе!

Одежда твердеет, как жель,
под ветром,
А мгла не шутит, а холод жжет,
И надо не девять взять километров,
Не девяносто, а — девятьсот!

Но если на трудной стоишь дороге
И светит мечта тебе, как звезда,
То ты ни трусости, ни тревоги
Не выберешь в спутники никогда!

Вперед, вперед, по торосистым льдам!
От стужи хрипит глуховатый голос.
Седов еще шутит: — Ну что,
брат Фрам,
Отыщешь по нюху Северный полюс?

Черную шерсть опушил мороз,
Но Фрам ничего — моряк нескулящий.
И пусть он всего лишь навсего пес —
Он путешественник настоящий!

Снова медведем ревет пурга,
Пища — худое подобье рыбы.
Седов бы любого сломил врага:
И холод, и голод. Но вот цинга...
И ноги, распухшие, точно глыбы...

Матрос расстроенно-озабочен,
Сказал: — Не стряслось бы
какой беды.
Путь еще дальний, а вы не очень...

А полюс... Да бог с ним! Ведь там,
 между прочим,
Все то же: ни крыши и ни еды...

Добрый, но, право, смешной народ!
Неужто и вправду им непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем капитан повернет обратно!

И, лежа на нартах, он все в метель,
Свераясь с картой, смотрел упрямо,
Смотрел и шурился, как в прицел,
Как будто бы видел во мраке цель,
Там, впереди, меж ушами Фрама.

Солнце все ниже.. Мигнуло —
и прочь...
Пожалуй, шансов уже никаких.
Над головой полярная ночь,
И в сутки — по рыбине на двоих...

Полюс по-прежнему впереди.
Седов приподнялся над изголовьем:
— Кажется, баста! Конец пути...
Эх, я бы добрался, сумел дойти,
Когда б на недельку еще здоровья...

Месяц желтым горел огнем,
Будто маяк во мгле океана.
Боцман лоб осенил крестом:
— Ну вот и нет у нас капитана!..

Последний и вечный его покой:
Холм из льда под салют прощальный,
При свете месяца как хрустальный,
Зеленоватый и голубой...

Молча в обратный путь собрались.
Горько, да надо спешить, однако.
Боцман, льдинку смахнув с ресниц,
Сказал чуть слышно: — Пошли,
собака!

Их дома дела и семейства ждут,
У Фрама же нет ничего дороже,
Чем друг, что навеки остался тут.
И люди напрасно его зовут:
Фрам уйти от него не может!

Снова кричат ему, странный народ,
Неужто и вправду им непонятно,
Что раньше растает полярный лед,
Чем Фрам хоть на шаг повернет
обратно!

Взобрался на холм, заскользив
отчаянно,
Улегся и замер там недвижим,
Как будто бы телом хотел своим
Еще отогреть своего хозяина.

Шаги умолкли. И лишь мороз
Да ветер, в смятенье притихший
рядом,
Видели, как костенеющий пес
Свою последнюю службу нес,
Уставясь в сумрак стеклянным
взглядом.

Льдина кружится, кружат года,
Кружатся звезды над облаками...
И внукам бессоннейшими ночами,
Быть может, увидится иногда,

Как медленно к солнцу плывут
из мрака
Герой, чье имя хранит народ,
И Фрам — замечательная собака,
Как черный памятник вросшая в лед!

МОЕЙ МАМЕ

Пускай ты не сражалась на войне,
Но я могу сказать без колебання,
Что кровь детей, пролитая в огне,
Родителям с сынами наравне
Дает навеки воинское званье!

Ведь нам, в ту пору молодым бойцам,
Быть может, даже до конца не снилось,
Как трудно было из-за нас отцам
И что в сердцах у матерей творилось.

И лишь теперь, мне кажется, родная,
Когда мой сын по возрасту — солдат,
Я, как и ты десятки лет назад,
Все обостренным сердцем принимаю.

И хоть сегодня ни одно окно
От дьявольских разрывов не трясется,
Но за детей тревога все равно,
Во все века, наверно, остается.

И скажем прямо (для чего лукавить?!),
Что в бедах и лишениях грозových,
Стократ нам легче было бы за них
Под все невзгоды головы подставить!

Да только ни в труде, ни на войне
Сыны в перестраховке не нуждались.
Когда б орлят носили на спине,
Они бы в кур, наверно, превращались!

И я за то тебя благодарю,
Что ты меня сгибаться не учила,
Что с детских лет не тлею, а горю
И что тогда, в нелегкую зарю,
Сама в поход меня благословила.

И долго-долго средь сплошного грома
Все виделось мне в дальнем далеке,
Как ты платком мне машешь у райкома,
До боли вдруг ссутулившись знакомо
С забытыми гвоздиками в руке.

Да, лишь когда я сам уже отец,
Я до конца, наверно, понимаю
Тот героизм родительских сердец,
Когда они под бури и свинец
Своих детей в дорогу провожают.

Но ты поверь, что в час беды и грома
Я сына у дверей не удержу,
Я сам его с рассветом до райкома,
Как ты меня когда-то, провожу.

И знаю я: ни тяготы, ни войны
Не запугают парня моего.
Ему ты верь и будь всегда спокойна;
Все, что светло горело в нас, достойно
Горит сегодня в сердце у него!

И пусть судьба, как лист календаря,
У каждого когда-то обрывается.
Дожди бывают на земле не зря:
Пылает зелень, буйствуют моря,
И жизнь, как песня, вечно продолжается!

МЕЩАНСТВО

Есть, говорят, мещанские предметы,
И даже есть мещанские цветы.
Вот эта вещь — мещанская, а эта —
Хороший вкус. И с красотой на «ты».

Считают, что герань — мещанский вкус,
Зато выюны по стенам — превосходно!
Открытки — минус, а картины — плюс.
Хрусталь — мещанство, а торшеры —
модно!

На всем висят незримо этикетки,
Живи и моды постигай язык:
Предел мещанства — канарейка в клетке,
А вот бульдог в машине — это шик!

«Высокий вкус» всеведущ, как коран,
И ханжество в нем радужно-лучисто:
Гитара с бантом — атрибут мещан,
А вот без банта — спутница туриста.

Нет, что-то здесь не в том, совсем
не в том!
Мещанство есть. Оно ползет из трещин.
Но все-таки, при чем тут чей-то дом,
Цветы, собаки, птицы или вещи?!

Есть вкус плохой, и есть хороший вкус,
Как есть на свете заводи и реки.

**И все-таки я утверждать берусь,
Мещанство не в цветах, а в человеке!**

Живя судьбою сытенькой своей,
Он друга в горе обойдет стороной.
Мещане — совы с крохотной душой,
Чей бог не вещь, а стоимость вещей.

Тут не герань, не плюшевый диван
В просторной кухне, в спальне ли,
в столовой,
Нюх мешанину в этом смысле дан,
Все — первый сорт. Все
ультрамодерново!

Но вещь почти не служит мещанину.
Он сам как сторож при своих вещах:
При хельгах, лакированных полах,
Не пользуясь добром и вполнину.

Любой урон считая за беду,
Он, иногда в душе почти что воя,
Готов убить за кляксу на обоях,
За сорванное яблоко в саду.

Нет, суть здесь не в гераньке на окне,
Все дело тут совсем иного сорта.
Мещанство это: «Я», «Мое» и «Мне»!
А мир хоть провались, хоть лопни

к. черту!

Оно живуче! Там оно и здесь —
Тупое, многоликое мещанство.
На службе это подленькая лесть,
А дома это мелкое тиранство.

При чем тут зонт, калоши иль замки?
Мещанство — это пошленькие песни,
Мещанство — это слухи и слушки,
Злорадный шепот, гаденькие сплетни.

Сражаться с ним все яростней и злей,
Не выбирая средств или ударов,
Все время, жестко, до последних дней,
Ибо мещанство часто пострашней
Открытых битв, невзгод или пожаров.

«ЧУДАЧКА»

Одни называют ее «чудачкой»,
И пальцем на лоб — за спиной,
тайком.
Другие — «принцессою» и
«гордячкой»,
А третьи — просто «синим чулком».

Птицы — и те попарно летают,
Душа стремится к душе живой.
Ребята подруг из кино провожают,
А эта одна убегает домой.

Зимы и весны цепочкой пестрой
Мчатся, бегут за звеном звено...
Подруги, порой невзрачные просто,
Смотришь — замуж вышли давно.

Вокруг твердят ей: — Пора решаться.
Мужчины не будут ведь ждать, учти!
Недолго и в девах вот так остаться!
Дело-то катится к тридцати...

Неужто не нравился даже никто? —
Посмотрит мечтательными глазами:
— Нравиться нравились. Ну и что? —
И удивленно пожмет плечами.

Какой же любви она ждет, какой?

Ей хочется крикнуть: —

Любви-звездопада!

Красивой-красивой! Большой-большой!

А если я в жизни не встречу такой,

Тогда мне совсем никакой не надо!

ВСЕГДА В БОЮ

Когда война катилась, подминая
Дома и судьбы сталью гусениц,
Я был где надо — на переднем крае,
Идя в дыму обугленных зарниц.

Бывало все: везло и не везло,
Но мы не гнулись и не колебались,
На нас ползло чудовищное зло,
И мира быть меж нами не могло,
Тут кто кого. Контакты исключались!

И думал я: окончится война
И все тогда переоценят люди.
Навек придет на землю тишина
И ничего-то скверного не будет.

Обид и боли годы не сотрут.
Ведь люди столько вынесли на свете,
Что, может статься, целое столетье
Ни ложь, ни зло в сердцах
не прорастут.

Имея восемнадцать за спиною,
Как мог я знать в мальчишеских
мечтах,
Что зло подчас сразить на поле боя
Бывает даже легче, чем в сердцах.

И вот войны уж и в помине нет,
А порохом тянуть не перестало.

Мне стало двадцать, стало
тридцать лет,
И больше тоже, между прочим, стало.

А все живу, волнуясь и борясь.
Да можно ль жить спокойною судьбою,
Коль часто в мире возле правды

И где-то подлость рядом с добротой?!

И где-то нынче в гордое столетье
Порой сверкают выстрелы во мгле,
И есть еще предательство на свете,
И есть еще несчастья на земле.

И под ветрами с четырех сторон
Иду я в бой, как в юности когда-то,
Гвардейским стягом рдеет небосклон,
Наверно, так вот в мир я и рожден —
С душой поэта и судьбой солдата.

За труд, за честь, за правду и любовь
По подлецам, как в настоящем доте,
Машинка бьет очередями слов
И мчится лента, словно в пулемете...

Вопят? Ругают? Значит, все
как должно.

И правду молвить, все это по мне.
Ведь на войне — всегда как на войне!
Тут кто кого. Контакты невозможны!

Когда ж я сгину в ветре грозовом,
Друзья мои, вы жизнь мою измерьте
И молвите: — Он был фронтовиком
И честно бился пулей и стихом
За свет и правду с юности до смерти!

ТОВАРИЩУ ПО ВОЙНЕ

Лайне Баруздиной

За легкой шторой буйствуют лучи,
Горячий зайчик бродит по палате.
Ученые и важные врачи
Склоняются над вашей кроватью.

Спит во дворе усталая метель,
А за стеной тревожную морзянку
Выстукивает пестрая капель
И все зовет куда-то спозаранку.

Бияты, уколы, бодрые слова
(Ах, до чего ж мне это все знакомо!),
А за окном — гудящая Москва,
И мысли где-то у порога дома...

И не ахти ведь сколько и жилось,
А вот уже и горе навязалось,
И счастье вроде только началось,
И дел еще по маковку осталось.

И, значит, надо, как в дыму сраженья,
Шепнуть себе упрямо: — Победим! —
И из невзгоды, как из окруженья,
Любой ценою выходить к своим!

Есть в каждом доме мудрый домовой.
Живет он и в больнице, но особый.

В больнице он, наверное, такой:
Не своенравный и не озорной,
А беленький, мохнатенький и добрый.

Он слышит и печалей голоса,
И всяческими чарами владеет,
И он умеет делать чудеса,
Каких порою люди не умеют.

И в час, когда сквозь злую полутьму
Вползает боль лазутчиком в палату,
Вы только тихо молвите ему:
— Приди, дружище, помоги солдату!

И он придет, конечно же, придет,
В ладонь вам лапку ласково положит
(Солдата он особо бережет),
И снимет боль, и выстоять поможет...

А там, за шторой, гулкая Москва
С родимым домом, песнями, друзьями.
Они вам шлют хорошие слова
И руки жмут вам верными руками.

И знаю я: в упорстве и боренье
Мы в этой вере до конца правы.
Когда солдат не одинок в сраженье —
Он никогда не склонит головы!

СЛОВО О ЛЮБВИ

Любить — это прежде всего —
отдавать.

Любить — значит чувства свои,
как реку,
С весенней щедростью расплескать
На радость близкому человеку.

Любить — это только глаза открыть
И сразу подумать еще с зарею:
Ну чем бы порадовать, одарить
Того, кого любишь ты всей душою?!

Любить — значит страстно вести бой
За верность и словом и каждым
взглядом,
Чтоб были сердца до конца свои
И в горе и в радости вечно рядом.

А ждет ли любовь? Ну конечно, ждет!
И нежности ждет и тепла, но только
Подсчетов бухгалтерских не ведет:
Отдано столько-то, взято столько.

Любовь не копилка в зашкафной мгле.
Песне не свойственно замыкаться.
Любить — это с радостью откликаться
На все хорошее на земле!

Любить — это видеть любой предмет,
Чувствуя рядом родную душу:

Вот книга: читал он её или нет?
Груша... А как ему эта груша?

Пустяк? Отчего? Почему пустяк?!
Порой ведь и каплею жизнь спасают.
Любовь — это счастья вишневый стяг,
А в счастье пустячного не бывает!

Любовь — не сплошной фейерверк
страстей.

Любовь — это верные в жизни руки,
Она не страшится ни черных дней,
Ни обольщений и ни разлуки.

Любить — значит истину защищать,
Даже восстав против всей вселенной.
Любить — это в горе уметь прощать
Все, кроме подлости и измены.

Любить — значит сколько угодно раз
С гордостью выдержать все лишения,
Но никогда, даже в смертный час,
Не соглашаться на униженья!

Любовь — не веселый бездумный бант
И не упреки, что быют под ребра.
Любить — это значит иметь талант,
Может быть, самый большой
и добрый.

И к черту жалкие рассужденья,
Что чувства уйдут, как в песок вода.
Временны только лишь увлеченья.
Любовь же, как солнце, живет всегда!

И мне наплевать на циничный смех
Того, кому звездных высот не мерить.
Ведь эти стихи мои лишь для тех,
Кто сердцем способен любить
и верить!

ДРЕВНЕЕ СВИДАНИЕ

В далекую эру родной земли,
Когда наши древние прародители
Ходили в нарядах пещерных жителей,
То дальше инстинктов они не шли.

А мир красотой полыхал такою,
Что было немыслимо совместить
Дикое варварство с красотой,
Кто-то должен был победить.

И вот, когда буйствовала весна
И в небо взвивалась заря крылатая,
К берегу тихо пришла она —
Статная, смуглая и косматая.

И так клокотала земля вокруг
В щебете, в радостной невесомости,
Что дева склонилась к воде и вдруг
Смутилась собственной обнаженности.

Шкуру медвежью с плеча сняла,
Кроила, мучилась, примеряла,
Тут припустила, там забрала,
Надела, взглянула и замерла:
Ну, словно бы сразу другою стала!

Волосы взбила пышной волной,
На шею повесила, как игрушку,
Большую радужную ракушку
И чисто умылась в воде речной.

И тут, волосат и могуч, как лев,
Парень шагнул из глуши зеленой,
Увидел подругу и, онемев,
Даже зажмурился, потрясенный.

Она же, взглянув на него несмело,
Не рывкнула весело в тишине
И даже не треснула по спине,
А нежно потупившись, покраснела...

Что-то неясное совершалось...
Он мозг неподатливый напрягал,
Затылок поскребывал и не знал,
Что это женственность зарождалась!

Но вот в ослепительном озаренье
Он быстро вскарабкался на курган,
Сорвал золотой, как рассвет, тюльпан
И положил на ее колени!

И, что-то теряя привычно-злое,
Не обнял ее без тепла сердец,
Как сделали б дед его и отец,
А мягко погладил ее рукою.

Затем, что-то ласковое ворча,
Впервые не дик и совсем не груб,
Коснулся губами ее плеча
И в изумленье раскрытых губ...

Она, пораженная, заволновалась,
Заплакала, радостно рассмеялась,
Прижалась к нему и не знала, смеясь,
Что это на свете любовь родилась!

РАЗГОВОР С ДРУГОМ

Знакомя, друг сказал мне сокровенно:
— Рекомендую: Коля. Пианист.
Прекрасный парень и душою чист,
И ты его полюбишь непременно!

«Прекрасный парень» в меру был
живой.
Сел за рояль, Прокофьева сыграл,
Смеялся шуткам, подымал бокал,
Потом простился и ушел домой.

Ушел и канул в темноту и снег...
И я спросил у друга своего:
— Вот ты прекрасным называл его.
А чем прекрасен этот человек?

С минуту друг растерянно молчал.
Ходил, курил и молвил наконец:
— Он никому вреда не причинял,
Не лицемер, не склочник, не подлец...

И вновь спросил я друга своего:
— А доброго он людям сделал
много? —

Мой друг вздохнул: — Да вроде
ничего.
И все-таки он неплохой, ей-богу!

И тут мелькнуло: а не так ли я
Хвалю порой того, кто не подлец?

Но сколько рядом истинных сердец?
И все ль друзья действительно друзья?

Не прямодушен — ладно, ничего!
Не сделал зла — приветствуем его.
Мог утащить, а он не утащил
И чуть ли уж не подвиг совершил.

Иль, скажем, парень в девушку
влюбился,
Жениться обещал. И под конец
Не оскорбил, не бросил, а женился —
И вот уже герой и молодец!

А то вдруг вам как на голову снег
Свалилось горе. Друг о том проведаль.
Он мог добить, предать, но он
не предал.
Нет, не помог ничем, а лишь
не предал —
И вот уж он «прекрасный человек».

Смешно, но факт: мы, будто с ценной
ношей,
Со странной меркой носимся порой:
«Прекрасный» — лишь за то, что
не плохой,
А не за то, что истинно хороший!

Так не пора ли действительно начать
С других позиций доблести считать?

О БРАНИ

Это будут стихи не о том,
Что взволнованно в душу просится,
А совсем о другом, о таком,
И писать-то о чем не хочется.

Но молчанием зла не пресечь.
И без длительных предисловий
Скажем коротко: эта речь,
Уж простите, о сквернословии.

Существует оно давно,
Злое, грубое, озорное.
И отнюдь не секрет, что оно
Где-то в древности рождено
Горем, пьянством и все такое.

Почему же теперь, когда
Человек, оседлав надежды,
Сел в могучие поезда,
Взмыл на спутнике, как звезда,
Сквернословье живет, как прежде?

Да еще обрело сейчас
И такую, увы, тенденцию:
Отходя от народных масс,
Зреет в сферах интеллигенции.

Видно, ругань, ее того:
От дряпойцы услышать тошно,

А с ученостью ничего,
При высокой культуре — можно!

В общем, чуть ли не высший шик:
Как узор на дорожке скатертной,
Как второй иностранный язык,
Скажем: русский, французский
и матерный!

Вот друзья домой возвращаются,
Обсуждая премьеру драмы.
О, как звучно они выражаются!
И всех чаще упоминается
Незабвенное имя мамы.

Человек, даже очень важный,
Верх учености и культуры,
Так вдруг брякнет многоэтажно,
Что такой в чертежах бумажных
Не бывало архитектуры...

Раньше в семьях, смеряя плач,
Говорили: — Пьет, как сапожник!
Скоро скажут: — Он пьет, как врач!
Он ругается, как художник!

Впрочем, их ли одних осуждать,
Если женщины, даже девчата,
Вдруг такое могут сказать,
Так припомнят родную мать,
Как не вспомнят порой ребята!

Ну неужто неясно им,
Что все чары и все их прелести
Исчезают почти как дым.
От такой непристойной «смелости».

Все найдешь в языке богатом:
Юмор, нежность и гневный меч.
Так зачем же чугунным матом
Уснащать человечью речь?

Говорят: в технический век
Человек — это мысль и дерзание.
Значит, должен такому званию
Соответствовать человек!

ЛЕНИНГРАДУ

Не ленинградец я по рожденью.
И все же я вправе сказать вполне,
Что я — ленинградец по дымным
сраженьям,
По первым окопным стихотвореньям,
По холоду, голоду, по лишениям,
Короче: по юности, по войне!

В Синявинских топях, в боях подо Мгою,
Где снег был то в пепле,
то в бурой крови,
Мы с городом жили одною судьбою
Словно как родственники, свои.

Было нам всяко: и горько и сложно.
Мы знали: можно, на кочках скользя,
Сгинуть в болоте, замерзнуть можно,
Свалиться под пулей, отчаяться можно,
Можно и то, и другое можно,
И лишь Ленинграда отдать нельзя!

И я его спас, навсегда, навечно:
Невка, Васильевский, Зимний дворец...
Впрочем, не я, не один, конечно,
Его заслонил миллион сердец!

И если бы чудом вдруг разделить
На всех бойцов и на всех командиров

Дома и проулки, то, может быть,
Выйдет, что я сумел защитить
Дом. Пусть не дом, пусть одну квартиру.

Товарищ мой, друг ленинградский мой,
Как знать, но, быть может, твоя квартира
Как раз вот и есть та, спасенная мной
От смерти для самого мирного мира!

А значит, я и зимой, и летом
В проулке твоём, что шумит листвою,
На улице каждой, в городе этом
Не гость, не турист, а навеки свой.

И, всякий раз сюда приезжая,
Шагнув в толкотню, в городскую зарю,
Я, сердца взволнованный стук унимая,
С горячей нежностью говорю.

— Здравствуй, по-вешнему строг
и молод,
Крылья раскинувший над Невой,
Город-красавец, город-герой,
Неповторимый город!

Здравствуйте, врезанные в рассвет
Проспекты, дворцы и мосты всякие,
Здравствуй, память далеких лет,
Здравствуй, юность моя горячая!

Здравствуйте, в парках ночных соловьи
И все, с чем так радостно мне
встречаться.

Здравствуйте, дорогие мои,
На всю мою жизнь дорогие мои,
Милые ленинградцы!

В ЗЕМЛЯНКЕ

(Шутка)

Огонек чадит в жестянке,
Дым махорочный столбом...
Пять бойцов сидят в землянке
И мечтают кто о чем.

В тишине да на покое
Помечтать оно не грех.
Вот один боец с тоскою,
Глаз сощуря, молвил: «Эх!»

И замолк, второй качнулся,
Подавил протяжный вздох,
Вкусно дымом затянулся
И с улыбкой молвил: «Ох!»

«Да», — ответил третий, взявшись
За починку сапога,
А четвертый, размечтавшись,
Пробасил в ответ: «Ага!»

«Не могу уснуть, нет мочи! —
Пятый вымолвил солдат. —
Ну чего вы, братцы, к ночи
Разболтались про девчат!»

ДРУЖЕСКИЙ СОВЕТ

Когда ты решишься в любви
открыться

Однажды и навсегда,
Возможно, вначале она смутится
И сразу не скажет «Да».

Ну что же, не надо обид и вздохов!
Тут только не спорь и жди.
Смущение это не так уж плохо,
Все главное — впереди!

И вряд ли всерьез что-то
будет значить,
Когда на твои слова
Она вдруг потупится и заплачет
Иль даже сбежит сперва.

Ведь слезы такие звучат, наверно,
Как пение соловья.
Слезы, ей-богу, совсем не скверно,
Считай, что она — твоя!

А впрочем, бывает и невезенье,
Когда прозвучит ответ
На фразы, полные восхищенья,
Сурово и горько: «Нет».

И все-таки если не потеряться,
А снова идти вперед,

**Если надеяться, добиваться,
Быть сильным и нежным, то,
может статься,
Счастье еще придет!**

Но если ничто ее не встревожит
И с милою простотой
Она тебе дружбу свою предложит,
Вот тут даже бог тебе не поможет,
Простись и ступай домой!

Ничем-то от сотен других людей
Не может в сущности отличаться?!

Нет, если ты любишь, то вся она,
Бесспорно же, самая романтическая,
Самая-самая необычная,
Ну, словно из радости соткана.

И в синей дали, и в ненастной мгле
Горит она радугой горделивою,
Такая умная и красивая,
Что равных и нету ей на земле!

В КАФЕ

Рюмку коньячную поднимая
И многозначаше щуря взор,
Он вел «настоящий мужской
разговор»,
Хмельных приятелей развлекая.

Речь его густо, как мед, текла
Вместе с хвастливым смешком
и перцем.
О том, как, от страсти сгорев дотла,
Женщина сердце ему отдала,
Ну и не только, конечно, сердце...

— Постой, ну а как вообще она?..—
Вопросы прыгали словно жабы:
— Капризна? Опытна? Холодна?
В общих чертах опиши хотя бы!

Ах, если бы та, что от пылких встреч
Так глупо скатилась к нелепой связи,
Смогла бы услышать вот эту речь,
Где каждое слово грязнее грязи!

И если б представить она могла,
Что, словно раздетую до булавки,
Ее поставили у стола
Под взгляды, липкие, как пиявки.

Виновна? Наверно. И тем не менее
Неужто для подлости нет границ?!

ОТТЕПЕЛЬ

Звенит капель, звенит капель:
От-те-пель, от-те-пель!
Однако это не весна,
Еще январь, а не апрель.

Вчера буран, беря разбег,
Дул в лица стужей ледяной.
И было все — зима и снег,
Совсем как и у нас с тобой...

Сегодня злобная метель
Вползла под арку у ворот.
Сегодня — синяя капель
И в лужах — мир наоборот!

Сегодня — в радуге стекло
И легкий пар над мостовой,
Сегодня — временно тепло,
Совсем как и у нас с тобой...

Но долго лужам не сверкать.
Ведь это солнце и вода,
С утра исчезнут без следа,
Когда мороз придет опять.

Метель, надвинув шаль на бровь,
Дохнет колючею тоской,
И все заледенеет вновь,
Совсем как и у нас с тобой...

Но сколько бы пурге ни месть,
И как ни куралесить зло,
Однако у природы есть
И настоящее тепло.

Оно придет с тугим дождем,
С веселой, клейкою листвою,
Придет, швыряя гулкий гром,
И станет радостно кругом,
Совсем не как у нас с тобой...

БАЛЛАДА О ДРУГЕ

Когда я слышу о дружбе твердой,
О сердце мужественном и скромном,
Я представляю не профиль гордый,
Не парус бедствия в вихре шторма.

Я просто вижу одно окошко
В узорах пыли или мороза,
И рыжеватого, щуплого Лешку —
Парнишку-наладчика с «Красной
Розы»...

Дом два по Зубовскому проезду
Стоял без лепок и пышных фасадов.
И ради того, что студент Асадов
В нем жил, управдом не белил
подъездов.

Ну что ж — студент небольшая сошка,
Тут «бог жилищный» не ошибался.
Но вот для тщедушного, рыжего Лешки
Я бы, наверное, постарался!

Под самой крышей, над всеми нами
Жил летчик с нелегкой судьбой своей,
С парализованными ногами,
Влюбленный в небо и голубей.

Они ему были дороже хлеба,
Всего вероятнее, потому,

Что были связными меж ним и небом
И синь высоты приносили ему.

А в доме напротив, окошко в окошко,
Меж теткой и кучей рыбацких снастей,
Жил его друг — конопатый Лешка,
Красневший при девушках до ушей.

А те, на «Розе», народ языкастый,
Окружат в столовке его порой:
— Алешка, ты что же еще не женатый?—
Тот вспыхнет сразу алей заката
И брякнет: — Боюсь еще... молодой...

Шутки как шутки, и парень как парень,
Пройди — и не вспомнится никогда.
И все-таки как я ему благодарен
За что-то светлое навсегда!

Каждое утро перед работой
Он к другу бежал на его этаж,
Входил и шутя козырял пилоту:
— Лифт подан. Пожалте дышать
на пляж!..

А лифта-то в доме как раз и не было.
Вот в этом и пряталась вся беда.
Лишь «бодрая юность» по лестницам
бегала,
Легко, «как по нотам», туда-сюда...

А летчику просто была б хана:
Попробуй в скверик попасть к воротам!
Но лифт объявился. Не бойтесь. Вот он!
Плечи Алешкины и спина!

— Алеша, Мохнач прилетел назад!
— Алеша, скорей! Гроза начинается!

А гот все знает и сам. Чутьем.
— Спасибо, курносый, ты просто
гений! —
И туча не брызнет еще дождем,
А он во дворе.— Не замерз? Идем! —
И снова: ступени, ступени, ступени...

Пот градом... Перила скользят, как ужи...
На третьем чуть-чуть постоять,
отдыхая.
— Алешка, брось ты!
— Сиди, не тужи!..—
И снова ступени, как рубежи:
Одна — вторая, одна — вторая...

И так не день, и не месяц только,
Так годы и годы: не три, не пять,
Трудно даже и сосчитать —
При мне только десять. А после
сколько?!

Дружба, как видно, границ не знает.
Все так же упрямо стучат каблуки.
Ступеньки, ступеньки, шаги, шаги...
Одна — вторая, одна — вторая...

Ах, если вдруг сказочная рука
Сложила бы все их разом,
То лестница эта наверняка
Вершиной ушла бы за облака,
Почти невидная глазом.

И там, в космической вышине
(Представьте хоть на немножко!),
С трассами спутников наравне
Стоял бы с товарищем на спине
Хороший парень Алешка!

Пускай не дарили ему цветов,
И пусть не писали о нем в газете,
Да он и не ждет благодарных слов,
Он просто на помощь прийти готов,
Если плохо тебе на свете.

И если я слышу о дружбе твердой,
О сердце мужественном и скромном,
Я представляю не профиль гордый,
Не парус бедствия в вихре шторма,

Я просто вижу одно окошко
В узорах пыли или мороза
И рыжеватого, щуплого Лешку,
Простого наладчика с «Красной Розы»...

ЗВЕЗДЫ СВЕТАТ ВЛЮБЛЕННЫМ

Реки служат судам,
Травы служат стадам,
Рельсы — гулким колесам вагонным.
Птицы служат садам,
Маяки — морякам,
Звезды служат влюбленным.

Льют созвездья на землю таинственный свет,
Но ни трасс, ни путей к ним космических нет,
К ним, всегда добела раскаленным.
Космодром для ракет —
Лишь прохлада планет.
Звезды ж светят одним влюбленным.

Говорят, что влюбленный — это чудак.
Внешне, может, и так, но по сути не так.
Просто он изнутри озаренный.
Не косись на него с недоверьем, профком,
Кто рекорды дает и живет с огоньком?
Да, конечно же, он, влюбленный!

Кто влюблен — тот не ищет покойных путей,
Рвется к ветру и к звездам с любимой своей,
Всей земной красотой окрыленный.
«Жить с романтикой!» — это влюбленных
закон.

Ну, а кто не романтик, то попросту он
Вообще никакой не влюбленный.

Майский вечер затих в синеве тополей,
И гирлянды мигающих дальних огней
Над широким зажглись небосклоном.
Это так хорошо, что составы бегут,
Что на свете есть счастье, что птицы поют
И что звезды горят влюбленным!..

Рассыпалась трубы медноголосой
Горячая, раскатистая трель.

Как от удара, вздрогнул старый конь!
Он разом встрепенулся, задрожал,
По сонным жилам пробежал огонь,
И он вдруг, вскинув голову, заржал!

Потом пошел. Нет, нет, он поскакал!
Нет, полетел! Под ним земля
качалась,
Подковами он пламень высекал!
По крайней мере, так ему казалось...

Взглянул и вскинул брови
эскадронный:
Стараясь строго соблюдать равненье,
Шел конь без седока и снаряженья,
Пристроившись в хвосте его колонны.

И молвил он: — А толк ведь есть
в коне!
Как видно, он знаком с военным
строем! —
И, старика похлопав по спине,
Он весело сказал: — Привет героям!

Четыре дня в селе стоял отряд.
«Пенсионер» то навещал обозы,
То с важным видом обходил наряд,
То шел на стрельбы, то на рубку лозы.

Он сразу словно весь помолодел:
Стоял ровнее, шел — не спотыкался.
Как будто шкуру новую надел,
В живой воде как будто искупался!

ОДНА

К ней всюду относились с уваженьем:
И труженик, и добрая жена.
А жизнь вдруг обошлась
 без сожаленья:
Был рядом муж — и вот она одна...

Бежали будни ровной чередой.
И те ж друзья и уваженье то ж,
Но что-то вдруг возникло и такое,
Чего порой не сразу разберешь:

Приятели, сердцами молодые,
К ней заходя по дружбе иногда,
Уже шутили так, как в дни былые
При муже не решались никогда.

И, говоря, что жизнь почти ничто,
Коль будет сердце лаской не согрето,
Порою намекали ей на то,
Порою намекали ей на это...

А то при встрече предрекут ей скуку
И даже раздражатся сгоряча,
Коль чью-то слишком ласковую руку
Она стряхнет с колена иль с плеча.

Не верили: ломается, играет,
Скажи, какую сберегает честь!

Одно из двух: иль цену набивает,
Или давно уж кто-нибудь да есть...

И было непонятно никому,
Что и одна, она верна ему!

РОМАНТИКИ ДАЛЬНИХ ДОРОГ

Прихлынет тоска или попросту скука
Однажды присядет к тебе на порог,
Ты знай, что на свете есть славная
штука —
Романтика дальних и трудных дорог.

Конечно же, есть экзотичные страны:
Слоны и жирафы средь зелени вечной,
Где ночью на пальмах кричат обезьяны
И пляшут туземцы под грохот тамтамов,
При этом почти без одежды, конечно.

Экзотика... Яркие впечатленья.
Романтика с этим не очень схожа.
Она не пираты, не приключенья,
Тут все и красивей гораздо и строже:

Соленые брызги, как пули, захлопали
По Графской пристани в Севастополе,
Но в ночь штормовую в дозор до утра
Уходят торпедные катера,

А возле Кронштадта грохочет Балтика,
Курс — на Вайгач. Рулевой на посту.
А рядом незримо стоит Романтика
И улыбается в темноту.

А где-то в тайге, в комарином гуде,
Почти у дьявола на рогах,

Сидят у костра небритые люди
В брезенте и стоптанных сапогах.

Палатка геологов — сесть и пригнуться.
Приборы, спецовки — сплошной неуют.
Скажи о Романтике им, усмехнутся:
— Какая уж, к черту, романтика тут?!

Но вы им не верьте! В глухие чащобы
Не рубль их погнал за родимый порог.
Это романтики чистой пробы,
Романтики дальних и трудных дорог!

Один романтик штурмует науку,
Другой разрыл уникальный храм,
А кто-то завтра протянет руку
К новым созвездиям и мирам.

Вот мчит он, вцепившись в кресло
из пластика,
Взор сквозь стекло устремив к луне,
А рядом незримо висит Романтика
В невесомости и тишине...

Бродяги морей, покорители Арктики!
А здесь, посреди городской голкотни,
Есть ли в обычной жизни романтики?
Кто они? Где? И какие они?

Да те, кто живут по макушку счастливые
Мечтам, любимым своим трудом,
Те, кто умеют найти красивое
Даже в будничном и простом.

Кто сделает замком снежную рощицу,
Кому и сквозь тучи звезда видна,

Кто к женщине так, между прочим,
относится,
Как в лучшие рыцарские времена.

Немного застенчивы и угловаты,
Живут они так до момента, когда
Однажды их властно потянут куда-то
Дороги, метели и поезда.

Не к пестрой экзотике — пальмам
и зебрам
Умчат они сердцем, храня мечту,
Чтоб где-то обжить необжитые дебри,
Чтоб вырвать из мрака алмазные недра
И людям потом подарить красоту!

Мешать им не надо. Успеха не будет.
Ведь счастье их — ветры борьбы
и тревог.
Такие уж это крылатые люди —
Романтики дальних и трудных дорог!

НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТОЙ ВЕСНЫ

На пороге двадцатой весны
Снятся людям хорошие сны.
Снятся грозы, и летний день,
И застенчивая сирень.

Снятся: фильм, и ночная звезда,
И далекие поезда,
Пальма снится, и горный грот,
Снится легкий, как пух, зачет.

Снится все: и свиданья час,
И смешинки любимых глаз,
Снятся матчи и гул ракет,
Даже дети, которых нет.

На пороге двадцатой весны
Мне не снились такие сны.
В эту пору в тугих бинтах
Я валялся в госпиталях.

Снов не видел тогда ни я,
Ни гвардейцы — мои друзья,
Потому, что под тяжкий гром
Спали люди чугунным сном.

Но хотя мы там не могли
Видеть этих хороших снов,
Мы их все для вас сберегли,
Пронеся сквозь огни боев.

Далеко позади война.
Нынче мир над страной и весна...
В переулках садов аромат,
Спят ребята, девчата спят.

Спят под звездами всей страны,
Им хорошие снятся сны.
Спите! Добрый привет вам шлю,
Я вас очень сейчас люблю!

За отсутствие пошлых драм,
За мечты и любовь к стихам,
За дела, что для вас легки
Там, где ежатся старики.

Да за то, что я вижу в вас,
Будто в зеркале давних дней,
Крылья битвы, горячность фраз
Комсомольской души моей!

Кружит ветер вдоль всей страны
Паутинками ваши сны.
Как дневальный в полночный час,
Я незримо пройду средь вас.

Друг ваш добрый и старший брат,
Я поглажу чубы ребят,
И у девушек в головах
Я поставлю сады в цветах.

С неба сыплется звездопад...
Спят девчата, ребята спят...
На пороге двадцатой весны
Пусть красивые снятся сны!

Спите! Добрый привет вам шлю.
Я вас очень сейчас люблю!

ДВА МАРШРУТА

Он ей предлагал для прогулок
Дорогу — простого проще:
Налево сквозь переулок
В загородную рощу.

Там тихое птичье пенье,
Ни транспорта, ни зевак,
Травы, уединенье
И ласковый полумрак...

А вот ее почему-то
Тянуло туда, где свет,
Совсем по иному маршруту:
Направо и на проспект.

Туда, где новейшие зданья,
Реклама, стекло, металл.
И где, между прочим, стоял
Дворец бракосочетанья...

Вот так, то с шуткой, то с гневом,
Кипела у них война.
Он звал ее все налево,
Направо звала она.

Бежали часы с минутами,
Ни он, ни она не сдавались.
Так наконец и расстались.
Видать, не сошлись маршрутами...

ВАЖНЫЕ МИНУТЫ

Беда ли это, если иногда
Бывает в жизни кто-то мягкотелым,
Доверчивым, застенчиво-несмелым,
Беда все это или не беда?

Навряд ли это повод к обсуждению.
У всех, как говорят, своя стезя.
И все же есть минуты и мгновенья,
Когда безвольным быть уже нельзя.

Ведь ты порой и сам не замечаешь,
Как средь житейских горестей и благ
То там, то здесь кому-то уступаешь.
И вдруг однажды словно замираешь:
Тебя толкают на бесчестный шаг.

Тот шаг нередко выгоден кому-то,
Кто может все. Какой же дать ответ?
Вот и пришла та самая минута,
Чтоб встать, чтоб бросить как гранату:
— Нет!

Весна! Планета, будто сердце, бьется!
Любовь пришла. Она к тебе летит!
Душа твоя ей в чувствах признается,
А вот язык предательски молчит.

Но милая, едва у дома встанешь,
Уже спешит проститься до утра.

И ты идешь обратно и не знаешь,
Пора признаться или не пора?

А вот сейчас, задумчиво-робка,
Она стоит и медлит почему-то.
Пора! Пришла та самая минута!
Скажи. Не то пропал наверняка!

Вы с другом в горы как-то забрались.
Стучали бодро крепкие ботинки,
Вдруг, оступившись, друг слетел
с тропинки
И на скале над пропастью повис...

Судьба вдруг разом повернулась
круто.
Ползти к обрыву — жизнью рисковать.
Пусть так. Смелей! Сейчас пришла
минута,
Иль вместе жить, иль вместе умирать!

Года спешат, друг друга обгоняя.
Но сколько же порою там и тут,
В большом и малом людям выпадает
Решительных мгновений и минут!

О, как мы спорим, если иногда
Бывает в жизни кто-то мягкотелым,
Доверчивым, застенчиво-несмелым,
Беда все это или не беда?

Пустяк — цена всем этим
обсужденьям!
А чтоб людьми серьезно дорожить,
О них не худо было бы судить
Вот по таким минутам и мгновеньям!

РАЗГОВОР В ПОЕЗДЕ

(Дорожная поэма)

— Прошу прощенья... Знаю: вы — поэт,
Позвольте к вам всего с одним

вопросом?! —

Он спрыгнул с полки, чуть убавил свет,
Подсел ко мне и вынул папиросы.

— Вот вы писали о большой любви,
Да и не только вы. Спасибо, знаю,
Что есть любовь красивая, большая,
Ты только с ней душою не криви!

Что ж, я как раз ни в чем и не кривил.
Был чист, как лист под вешними

дождями.

А что нашел, достиг и сохранил?
Вот слушайте и рассудите сами.

Представьте двух влюбленных
в жаркий день,

Сердца звенят, как два щегла
восторженных.

Я усадил ее в густую тень

И притащил ей яблоко с мороженым.

Ну, подвиг не ахти какой блистательный.
Но сколько счастья вспыхнуло в ответ:

— О господи, какой же ты внимательный!
Нет, ты, конечно, самый
замечательный! —
И вся зарделась, будто маков цвет.

И так во всем: большое или малость —
В ответ улыбка, словно майский стяг.
И мне тогда, счастливому, казалось,
Что будет так. Что вечно будет так!

Эх, если бы и впрямь все было так бы!
Но жизнь, увы, всегда разделена.
В ней два удела: до и после свадьбы,
Два полюса: невеста и жена...

Теперь не только яблоки и розы,
Теперь я нес ей все, ну все, что мог.
Все: от стихов до черно-бурой прозы.
Но странная, увы, метаморфоза —
Восторгом глаз ни разу не зажег!

А оброни, хоть мельком, замечание —
Ответ ударит, как холодный душ.
Она, конечно, удивится крайне:
— Внимание? Какое ж тут внимание?
Ты просто должен. Для того и муж!

Вы скажете: возможно, острота
В душе с годами как-то притуплялась.
Я тоже так считал. Но оказалось,
Что все это сплошная ерунда!

Осталось все: и свежесть восприятия,
И благодарность, даже свыше мер.
Вручит цветы знакомый, например,
И сразу тут же чуть ли не объятия.

И вдруг пошел к сотруднице знакомой
С сиренью и коробочкой конфет.

Она мне раз в работе помогла.
А тут такое было настроенье...
Была, как говорится, не была!
Зайду, поздравлю с солнышком
весенним!

Ответный взгляд был даже
не признательный,
Нет, это был счастливый ураган:
— О господи, какой же вы
внимательный!
Нет, вы же просто самый замечательный!
Не то что мой бесчувственный чурбан!

И, верите ль, когда мне доводилось
Прийти опять вот в этот самый дом
С каким-нибудь буквально пустяком,
Все точно так же радостно светилося.

Поймите: муж в заботах постоянных
Ей тащит все: от «Мишек» до пальто.
И век живет в «бесчувственных
чурбанах».

А я — зашедший мельком и неожиданно —
Герой, увы, почти и ни за что!

Нелепо, скверно? Может быть, не спорю!
Но это, повторяю, оттого,
Что он, по той циничнейшей теории,
Обязан все, а я вот — ничего...

О нет, я вовсе не стою на том,
Что жизнь людей — одна зола чадаящая.

Я видел, верю в счастье настоящее!
Но сколько ж и обидного кругом...

Теперь скажите: как мне поступать.
Не важно, я плохой или хороший.
Задаром ли награды получать
И благодарность пылкую встречать —
Иль жить, как вол, с неблагодарной
ношей?!

Он нервно встал: — Ну вот и вся история,
Про это «развеселое» житье,
Где в центре идиотская теория,
Что все чужое лучше, чем свое!

Вздохнул печально, портсигаром
щелкнул.
— Нет, я себя не думаю хвалить.
Но и вот так обидно как-то жить.
Эх, ну да ладно! — И полез на полку.

А поезд мчал в клубящуюся тьму
И громыхал: «Вот же-нятся, вот
же-нятся,
А после, после ни-чего не це-нится.
А почему-у-у-у?»
И впрямь: а почему?

* * *

Ты часто вздыхаешь: — Легко
дуракам,
Безоблачно им живется!
Иль скажешь в сердцах: — Хорошо
подлецам,
Им все всегда удастся!

Конечно, дорога глупца легка,
Но не лукавь с собою:
Ты согласишься на жизнь дурака
С безоблачной той судьбою?

А согласишься стать подлецом,
Чтоб грабить, топить кого-то?
Ну что стоишь с возмущенным лицом?!
Вот то-то, брат, и оно-то!..

* * *

Плохой ли, хорошей рождается
птица —

Ей суждено летать.
Человеку же так не годится.
Человеком мало родиться,
Им еще надо стать.

Недвижно навеки уснувшее тело,
Но все еще грозен убитый солдат!

И чудилось: должен в далеком Берлине
Солдат побывать, и, как прежде в бою,
Он будет сражаться, бессмертный
отныне,
Бок о бок с друзьями шагая в строю.

За мысли такие бойцов не судите,
Пусть он в Берлин и ногой не ступил,
Но в списках победных его помяните —
Солдат эту почесть в боях заслужил!

ТРУС

Страх за плечи схватил руками:
— Стой! На гибель идешь, ложись!
Впереди визг шрапнели, пламя...
Здесь окопчик — спасенье, жизнь!

Взвод в атаку поднялся с маху!
Нет, не дрогнул пехотный взвод.
Каждый липкие руки страха
Отстранил и шагнул вперед.

Трус пригнулся, дрожа всем телом,
Зашептал про жену, про дом...
Щеки стали простынно-белы,
Сапоги налились свинцом.

Взвод уж бился в чужих траншеях,
Враг не выдержал, враг бежал!
Трус, от ужаса костенея,
Вжался в глину и не дышал.

...Ночь подкралась бочком к пехоте,
В сон тяжелый свалила тьма,
И луна в золоченой кофте
Чинно села на край холма...

Мрак, редая, уходит прочь.
Скоро бой. Взвод с привала снялся.
Трус уже ничего не боялся,
Был расстрелян он в эту ночь!

ВЕЛИКИ ЛЬ БОГАТСТВА У СОЛДАТА?

Велики ль богатства у солдата?
Скатка, автомат, да вещмешок,
Да лопатка сбоку, да граната,
Да простой походный котелок.

А еще родимая земля,
От границ до самого Кремля.

НОВОБРАНЦЫ

Тяжелые ранцы,
Усталые ноги.
Идут новобранцы
По пыльной дороге.

Ремни сыромятные
Врезались в плечи.
Горячее солнце
Да ветер навстречу.

Седьмая верста,
И восьмая верста.
Ни хаты, ни тени,
Дорога пуста.

Броски, перебежки,
Весь день в напряженье,
Упасть бы в траву
И лежать без движенья.

Нет сил сапоги
Оторвать от земли.
Броски, перебежки,
«Коротким коли!».

О милой забудешь,
Шутить перестанешь,
Сдается, что так
Ты не долго протянешь...

Проходит неделя,
Проходит другая,
Ребята бодрее
И тверже шагают.

И, кажется, ветер
Гудит веселее
И пот утирает
Ладонью своею.

Ремни уж не режут
Плеча, как бывало.
Все чаще, все звонче
Поет запевала.

Светлее улыбки,
Уверенней взгляд,
И письма к любимой
Все чаще летят.

От выкладки полной
Не горбятся спины.
Былых новобранцев
Уж нет и в помине.

Широкая песня
Да крепкие ноги.
Шагают солдаты
Вперед по дороге!

БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ, МЕЧТАТЕЛИ!

Мещанин и обыватель
Про него бубнит весь век:
— Фантазер, пустой мечтатель,
Несерьезный человек!

Что ж, мечтам отнюдь не ново
Натыкаться на вражду,
С давних пор косятся совы
На сверкнувшую звезду.

И еще до книжной грамоты,
У пещеры, среди скал,
Пращур наш, свежая мамонта,
На товарища ворчал:

— До чего ведь люди странные,
Есть жилье, и сыт, так нет —
Про пещеры деревянные
Стал выдумывать сосед.

Чтоб в мороз не знать кручины —
Посреди костер с трубой,
Да «нетающие льдины»
Вставить в стены. Ну, герой!

— Не свихни мозгов, приятели! —
Так бурчал сосед один,
Первый древний обыватель
И пещерный мещанин.

Шли века, старели горы,
Высыхали сотни рек,
Но, как встарь, глядит с укором
Мещанин на фантазера:
— Несерьезный человек!

«Несерьезный»? А читает
Про луну и про сирень.
«Несерьезный»? А включает
Телевизор каждый день.

Эх вы, совы-порицатели!
Души, спящие во мгле!
Да когда бы не мечтатели,
Что бы было на земле?!

Вы бы вечно прозябали
Без морей и островов,
В самолетах не летали,
Не читали бы стихов.

Что б вы там ни говорили,
Но, наверное, без них
Вы бы до сих пор ходили
В шкурах пращуров своих!

А мечта, она крылата!
А мечта, она живст!
И пускай ее когда-то
Кто-то хмурый не поймет!

Пусть тот лондонский писатель,
Встретив стужу да свечу,
Произнес потом: «Мечтатель!»,
Не поверив Ильичу.

Пусть бормочут, пусть мрачнеют,
Выдыхаясь от хулы.
Все равно мечта умнее,
Все равно мечта сильнее,
Как огонь сильнее мглы!

Но брюзги не умолкают:
— Ведь не все горят огнем!
Есть такие, что мечтают
И о личном, о своем!

О назойливые судьи!
Что за грех в такой мечте?!
Ведь о чем мечтают люди?
Не о горе, не о хude,
А стремятся к красоте!

Приглядитесь же внимательно:
Сколько светлого подчас
В тех улыбках обаятельных
И в мечтательности глаз!

Сад с рекой перекликаются,
Звезды кружатся во мгле,
Песни в ветре зарождаются,
Сказки бродят по земле...

Мой привет вам, открыватели
Всех сокровищниц планеты!
Будьте счастливы, мечтатели,
Беспокойные искатели,
Фантазеры и поэты!

СТАТИСТИКА ВОЙНЫ

О, сколько прошло уже светлых лет,
А все не кончается горький след!

И ныне для каждой десятой женщины
Нет ни цветов, ни фаты невесты.
И ей будто злою судьбой завещано
Рядом навечно пустое место...

Но пусть же простит нас она, десятая.
Мужчины пред ней — без вины

виноватые:

Ведь в тяжкие годы в моей стране
Каждый десятый погиб на войне.

Безмолвье — ему. Безнадежность —
ей.

Только бы все это не забылось!
Только бы люди стали мудрей
И все это снова не повторилось!

ОН НАСТОЯЩИМ ДРУГОМ БЫЛ

У парня был хороший друг,
Задорен и смешлив.
Был друг как друг, но как-то вдруг
Стал тих и молчалив.

Проведал парень: у него
Был тяжело болен сын.
— Держись! — сказал он. — Ничего,
Ведь ты же не один!

Он продал мотоцикл без слов
Какому-то дельцу.
Кровь подошла? Даешь и кровь
Курносому мальцу!

Потом, когда прибой похвал
Приветственно гудел,
Он лишь плечами пожимал,
Сердился и краснел,

Как будто людям говорил:
За что хвалить его!
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего.

Друг раз кого-то зло поддел
И, смяв, перешагнул.
И парень вспыхнул, не стерпел,
Он друга взял и вздул.

Когда же кто-то упрекал
Потом в толкучке дел,
Он лишь плечами пожимал,
Сердился и краснел,

Как будто людям говорил:
Зачем корить его?
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего!

Зимой пошли на лыжах в лес.
Вот мостик и разъезд.
Вдруг, охнув, друг упал на рельс,
А в ста шагах — экспресс!

Уж бьет прожектор по глазам!
Он к другу подлетел,
Он друга вниз толкнул, а сам
Не спрыгнул. Не успел...

Потом был час, нелегкий час,
Прощанье и венки,
И митинг, и десятки глаз,
Застывших от тоски.

В речах сказали, что герой,
Что храбро пролил кровь.
А он лежал простой-простой,
Чуть приподнявши бровь,

Как будто людям говорил:
Зачем хвалить его?
Он просто искренне дружил,
Он настоящим другом был,
И больше ничего...

ЗВЕЗДЫ ЖИВУТ КАК ЛЮДИ

Ну как мы о звездах судим?
Хоть яркие, но бесстрастные.
А звезды живут по-разному,
А звезды живут как люди.

Одни — будто сверхкрасавицы —
Надменны и величавы.
Другие же улыбаются,
Застенчиво и лукаво.

Вон те ничего не чувствуют
И смотрят холодным взглядом.
А эти тебе сочувствуют
И всюду как будто рядом.

Взгляните, какие разные:
То огненно-золотые,
То яркие, то алмазные,
То дымчатые и красные,
То ласково-голубые.

Нельзя отыскать заранее
Единой для всех оценки:
У каждой свое сияние,
У каждой свои оттенки.

Людская жизнь быстротечна.
Куда нам до звезд! А все же
И звезды живут не вечно,
Они умирают тоже.

Природа шутить не любит.
Она подчиняет всякого.
Да, звезды живут как люди
И смерть свою, словно люди,
Встречают не одинаково.

Одни, замедляя ход,
Спиной обратясь к вселенной,
Скупно и постепенно
Гаснут за годом год...

И, век свой продлить стараясь,
Темнеют, теряя цвет,
В холодный кулак сжимаясь,
Тяжелый, как сто планет.

Такая не улыбнется,
И дружбы с ней не свести.
Живет она, как трясется,
И «Черной дырой» зовется,
Погаснув в конце пути.

А кто-то живет иначе,
А кто-то горит не так,
А кто-то души не прячет,
Огнем озаряя мрак.

И, став на краю могилы,
К живым пролагая мост,
Вдруг вспыхнет с гигантской силой,
Как тысяча тысяч звезд...

И все! И светила нет...
Но вспышки того сияния
Сквозь дальние расстояния
Горят еще сотни лет...

БУРУНДУЧОК

Блеск любопытства в глазишках черных,
Стойка, пробежка, тугой прыжок.
Мчится к вершине ствола задорно
Веселый и шустрый бурундучок.

Бегают так он не для потехи.
Трудыга за совесть, а не за страх.
В защечных мешочках, как в двух
рюкзачках,
Он носит и носит к зиме орехи.

А дом под корнями — сплошное чудо.
Это и спальня и сундучок.
Орехов нередко порой до пуда
Хранит в нем дотошный бурундучок.

Но жадность сжигает людей иных
Раньше, чем им довелось родиться.
И люди порою «друзей меньших»
Не бьют, а «гуманно» лишь грабят их,
Грабеж — это все-таки не убийство!

И если матерому браконьеру
Встретится норка бурундучка —
Разбой совершится наверняка
Самою подлою, злою мерой!

И разве легко рассказать о том,
Каким на закате сидит убитым
Хозяин, что видит вконец разрытым
И впрах разоренным родимый дом?

Охотники старые говорят
(А старым охотникам как не верить!),
Что слезы блестят на мордашке зверя,
И это не столько от злой потери,
Сколько обида туманит взгляд.

Влезет на ветку бурундучок,
Теперь его больше ничто не ранит,
Ни есть и ни пить он уже не станет,
Лишь стихнет, сгорбясь, как старичок.

Тоска — будто льдинка: ни жжет,
ни гложет.

Охотники старые говорят,
Что так на сучке просидеть он может
Порой до пятнадцати дней подряд.

От слабости шею не удержать,
Стук сердца едва ощутим и редок...
Он голову тихо в скрещении веток
Устроит и веки смежит опять...

Мордашка забавная, полосатая
Лежит на развилке без всяких сил...
А жизнь в двух шагах с чабрецом
и мятою,
Да в горе порою никто не мил...

А ветер предгрозя тугой, колючий
Вдруг резко ударит, потряхнет сучок,
И закачается бурундучок,
Повиснув навек меж землей и тучей...

Случалось, сова или хорь встревожит —
Он храбро умел себя защитить.
А подлость вот черную пережить
Не каждое сердце, как видно, может...

НЕПРИМЕТНЫЕ ГЕРОИ

Я часто слышу яростные споры,
Кому из поколений повезло.
А то вдруг раздаются разговоры,
Что, дескать, время подвигов прошло.

Лишь на войне кидают в дот гранаты,
Идут в разведку в логово врага,
По стеклам штаба бьют из автомата
И в схватке добывают «языка»!

А в мирный день такое отпадает.
Ну где себя проявишь и когда?
Ведь не всегда пожары возникают,
И тонут люди тоже не всегда!

Что ж, коль сердца на подвиги
равняются,
Мне, скажем прямо, это по душе.
Но только так проблемы не решаются,
И пусть дома пореже загораются,
А люди пусть не тонут вообще!

И споры о различье поколений,
По-моему, нелепы и смешны.
Ведь поколения, так же как ступени,
Всегда равны по весу и значенью
И меж собой навечно скреплены.

Кто выдумал, что нынче не бывает
Побед, ранений, а порой смертей?

Ведь есть еще подобие людей
И те, кто перед злом не отступают.

И подвиг тут не меньше, чем
на фронте!
Ведь дрянь, до пят пропахшая вином,
Она всегда втроем иль впятером.
А он шагнул и говорит им:
— Бросьте!

Там — кулаки с кастетами, с ножами,
Там ненависть прицелилась в него.
А у него лишь правда за плечами
Да мужество, и больше ничего!

И пусть тут быть любой неравной
драке,
Он не уйдет, не повернет назад.
А это вам не легче, чем в атаке,
И он герой не меньше, чем солдат!

Есть много разновидностей геройства,
Но я бы к ним еще приплюсовал
И мужество чуть-чуть иного свойства:
Готовое к поступку благородство,
Как взрыва ожидающий запал.

Ведь кажется порой, невероятно,
Что подвиг рядом, как и жизнь сама.
Но для того, чтоб стало все понятно,
Я приведу отрывок из письма:

«...Вы, Эдуард Аркадьевич, простите
За то, что отрываю Вас от дел.
Вы столько людям нужного творите,
А у меня куда скромней удел!

Мне девятнадцать. Я совсем недавно
Окончил десять классов. И сейчас
Работаю механиком комбайна
В донецкой шахте. Вот и весь рассказ.

Живу как все. Мой жизненный
маршрут —
Один из многих. Я смотрю реально:
Ну, изучу предметы досконально,
Ну, поступлю и кончу институт.

Ну, пусть пойду не узенькой тропой.
И все же откровенно говорю,
Что ничего-то я не сотворю
И ничего такого не открою.

Мои глаза... Поверьте... Вы должны
Понять, что тут не глупая затея...
Они мне, как и всякому, нужны,
Но Вам они, конечно же, нужнее!

И пусть ни разу не мелькнет у Вас
Насчет меня хоть слабое сомненье.
Даю Вам слово, что свое решение
Я взвесил и обдумал много раз!

Ведь если снова я верну Вам свет,
То буду счастлив! Счастлив,
понимаете?!
Итак, Вы предложение принимаете.
Не отвечайте только мне, что нет!

Я сильный! И, прошу, не надо,
слышите,
Про жертвы говорить или беду.

Не беспокойтесь, я не пропаду!
А Вы... Вы столько людям
донапишете!

А сделать это можно, говорят,
В какой-то вашей клинике московской.
Пишите. Буду тотчас, как солдат.
И верьте мне: я вправду буду рад.
Ваш друг, механик
Слава Комаровский».

Я распахнул окно и полной грудью
Вдохнул прохладу в предвечерней
мгле.

Ах, как же славно, что такие люди
Живут средь нас и ходят по земле!

И не герой, а именно герои!
Давно ли из Карелии лесной
Пришло письмо. И в точности такое ж,
От инженера Маши Кузьминой.

Да, именно... Но суть не только в них,
А в том, что жизнь подчас такая
светлая,
И благородство, часто неприметное,
Живет, горит в товарищах твоих.

И пусть я на такие предложенья
Не соглашусь. Поступок золотой
Ничуть не сник, не потерял значенья.
Ведь лишь одно такое вот решенье
Уже есть подвиг. И еще какой!

И я сегодня, как поэт и воин,
Скажу, считая всяческую ложь,

Что я за нашу молодежь спокоен,
Что очень верю в нашу молодежь!

И никакой ей ветер злой и хлесткий,
И никакая подлость не страшна,
Пока живут красиво и неброско
Такие вот, как Слава Комаровский,
Такие вот, как Маша Кузьмина!

ХОРОШИЕ ЛЮДИ

*Моему старшему другу
генерал-лейтенанту
Стрельбицкому И. С.*

Ветер, надув упругие губы,
Гудит на заре в зеленые трубы.
Он знает, что в городе и в селе
Хорошие люди живут на земле.

Идут по планете хорошие люди.
И, может быть, тем уж они хороши,
Что в труд свой, как в песню, им хочется
всюду
Вложить хоть частицу своей души.

На свете есть счастье — люби, открывай.
Но слышишь порой: «Разрешите
заметить,
Ведь хочется в жизни хорошего
встретить,
А где он, хороший! Поди, угадай!».

Как узнавать их? Рецептов не знаю.
Но вспомните сами: капель, гололед...
Кружили вокруг фонарей хоровод
Снежинки. А вы торопились к трамваю.

И вдруг, поскользнувшись у поворота,
Вы больно упали, задев водосток.
Спешили прохожие мимо... Но кто-то
Бросился к вам и подняться помог,

Быстро вам что-то сказал, утешая,
К свету подвел и пальто отряхнул,
Подал вам сумку, довел до трамвая
И на прощанье рукою махнул.

Случай пустячный, конечно, и позже
В памяти вашей растаял, как снег.
Обычный прохожий... А что, если, может,
Вот это хороший и был человек?!

А помните, было однажды собрание,
То, где работника одного
Суровый докладчик подверг растерзанью,
Тысячу бед свалив на него.

И плохо б пришлось горемыке тому,
Не выступи вдруг сослуживец один.
Ни другом, ни сватом он не был ему,
Просто обыкновенший гражданин.

Но встал и сказал он: — Неладно,
друзья!
Пусть многие в чем-то сейчас правы,
Но не рубить же ему головы.
Ведь он не чужой нам. И так нельзя!

Его поддержали с разных сторон.
Людей будто новый ветер коснулся.
И вот уже был человек спасен,
Подвергнут критике, но спасен,
И даже робко вдруг улыбнулся.

Такой рядовой эпизод подчас
В памяти тает, как вешний снег.
Но разве тогда не прошел возле вас
Тот самый — хорошей души человек?!

А помните... Впрочем, не лишка ли
будет?!

И сами вы, если услышите вдруг:
Мол, где они, эти хорошие люди? —

Ответьте уверенно:

— Здесь они, друг!

За ними не надо по свету бродить,
Их можно увидеть, их можно открыть
В чужих или в тех, что знакомы нам
с детства,

Когда вдруг попристальней к ним
приглядеться,

Когда вдруг самим повнимательней быть.

Живут на планете хорошие люди.
Красивые в скромности строгой своей.
Привет вам сердечный, хорошие люди!
Большого вам счастья, хорошие люди!
Я верю: в грядущем Земля наша будет
Планетою только хороших людей.

СТУДЕНТЫ

Проехав все моря и континенты,
Пускай этнограф в книгу занесет,
Что есть такая нация — студенты,
Веселый и особенный народ!

Понять и изучить их очень сложно.
Ну что, к примеру, скажете, когда
Все то, что прочим людям невозможно,
Студенту — наплевать и ерунда!

Вот сколько в силах человек не спать?
Ну день, ну два... и кончено! Ломается!
Студент же может сессию сдавать,
Не спать неделю, шахмат не бросать
Да плюс еще влюбиться ухитрится.

А сколько спать способен человек?
Ну, пусть проспит он сутки на боку,
Потом, взглянув из-под опухших век,
Вздохнет и скажет: — Больше не могу!

А вот студента, если нет зачета,
В субботу положите на кровать,
И он проспит до следующей субботы,
А встав, еще и упрекнет кого-то:
— Ну что за черти! Нё дали поспать!

А сколько может человек не есть?
Ну день, ну два... и тело ослабело...

И вот уже ни встать ему, ни сесть,
И он не вспомнит, сколько шестью шесть,
А вот студент — совсем другое дело.

Коли случилось «на мели» остаться,
Студент не поникает головой.
Он будет храбро воздухом питаться
И плюс водопроводною водой!

Что был хвостатым в прошлом
человек —
Научный факт, а вовсе не поверье.
Но, хвост давно оставя на деревьях,
Живет он на земле за веком век.

И, гордо брея кожу на щеках,
Он прашура ни в чем не повторяет.
А вот студент, он и с «хвостом» бывает,
И даже есть при двух и трех «хвостах»!

Что значит дружба твердая, мужская?
На это мы ответим без труда:
Есть у студентов дружба и такая,
А есть еще иная иногда.

Все у ребят отлично разделяется,
И друга друг вовек не подведет.
Пока один с любимую встречается,
Другой идет сдавать его зачет...

Мечтая о туманностях галактик
И глядя в море сквозь прицелы призм,
Студент всегда отчаянный романтик!
Хоть может сдать на двойку романтизм!

Да, он живет задиристо и сложно,
Почти не унывая никогда.

И то, что прочим людям невозможно,
Студенту — наплевать и ерунда!

И, споря о стихах, о красоте,
Живет судьбой особенной своею.
Вот в горе лишь страдает, как и все,
А может, даже чуточку острее...

Так пусть же, обойдя все континенты,
Сухарь этнограф в труд свой занесет,
Что есть такая нация — студенты,
Живой и замечательный народ!

Я могу тебя очень ждать,
Долго-долго и верно-верно,
И ночами могу не спать
Год, и два, и всю жизнь, наверно!

Пусть листочки календаря
Облетят, как листва у сада,
Только знать бы, что все не зря,
Что тебе это вправду надо!

Я могу за тобой идти
По чащобам и перелазам,
По пескам, без дорог почти,
По горам, по любому пути,
Где и черт не бывал ни разу!

Все пройду, никого не коря,
Одолею любые тревоги,
Только знать бы, что все не зря,
Что потом не предашь в дороге.

Я могу для тебя отдать
Все, что есть у меня и будет.
Я могу за тебя принять
Горечь злейших на свете судеб.

Буду счастьем считать, даря
Целый мир тебе ежечасно,
Только знать бы, что все не зря,
Что люблю тебя не напрасно!

Есть люди, что, веря в пустой туман,
Мечтают, чтоб счастье легко и весело
Подсело к ним рядом и ножки свесило,
Мол, вот я, бери и клади в карман!

Эх, знать бы им, счастье совсем иное:
Когда, задохнувшись от высоты,
Ты людям вдруг сможешь отдать порою
Что-то взволнованное, такое,
В чем слиты и труд и твои мечты!

Есть счастье еще и когда в пути
Ты сможешь в беду, как зимою в реку,
На выручку кинуться к человеку,
Подставить плечо ему и спасти.

И в том моя вера и жизнь моя.
И в грохоте времени быстротечного
Добавлю открыто и не тая,
Что счастлив еще в этом мире я
От женской любви и тепла сердечного...

Борясь, а не мудрствуя по-пустому,
Всю душу и сердце вложив в строку,
Я полон любви ко всему живому:
К солнцу, деревьям, к щенку любому,
К птице и к каждому лопуху!

Не веря ни злым и ни лстивым судьям,
Я верил всегда только в свой народ.
И, счастлив от мысли, что нужен людям,
Плевал на бураны и шел вперед.

От горя — к победам, сквозь все этапы!
А если летел с крутизны порой,

То падал, как барс, на четыре лапы,
И снова вставал и кидался в бой.

Вот то, чем живу я и чем владею,
Люблю, ненавижу, борюсь, шучу.
А жить по-другому и не умею,
Да и, конечно же, не хочу!

СТАРЫЙ БОЛЬШЕВИК

*Моему тестю
Константину Георгиевичу Емельянову*

1

О нем посмертных не издали книг,
Да и в газетах не было ни слова.
Солдат, подпольщик, старый
большевик...
Все это так. Но что же здесь такого?

И в самом деле, вроде ничего.
Да разве мало было их на свете?
И все же, все же именно с него,
С таких, как он, с товарищей его
Багряный свет родился на планете.

Никто для первых не вбивает вех,
И нет для них в истории примера.
Ведь первым, им всегда труднее всех,
И тут нужна кристальнейшая вера.

И нужен душ особенный закал.
Пускай свинец и в день
осьмушка хлеба,
Была бы воля тверже, чем металл,
Жила бы нежность синяя, как небо...

И знаю я, что разные всегда,
Они в основе лишь такими были.

А будь они иными — никогда
Им не свершить бы то, что совершили.

Пушай они на пенсии давно,
И сколько бы их ни было на свете,
Но в смертный час о каждом
все равно
Хоть пару строк, а надо бы в газете...

2

Без недостатков человека нет.
Есть только люди лучше или хуже.
Пусть это так, но вот за тридцать лет
(Знакомство-то какое — тридцать
лет!)

Я как-нибудь бы это обнаружил.

Критиковать? Но что критиковать,
Когда душа была светлее зеркала?!
И если пятен в человеке не было,
Нельзя же их нарочно сочинять!

Был скуп? Напротив: ширь и доброта.
Подвел ли в деле? Никогда, ни разу!
Так, может, лгал? Нигде и никогда!
Таких определяют иногда:
Правдив, как совесть или грань
алмаза!

Дружил вот так: отныне и навек.
И так любил: однажды и до смерти.
И в ангелах не хаживал, поверьте,
А просто был красивый человек.

И ни чинов, ни званий не хотел,
И в белые одежды не рядился.

Он был земным: и водку пить умел,
Был строгим, и смеялся, и скорбел,
И на работе бурно горячился.

Всегда была в нем радостная сила!
Жил для других. Не мерил, не считал.
И людям щедро сердце раздавал,
А для себя-то вот и не хватило...

И все... И ни о чем не попросил...
Ушел из жизни, как ушел из дома.
Так, словно вышел навестить
знакомых,
Ушел и дверь неслышно притворил...

И ни шагов, ни голоса за дверью...
Ушел — как жил: не причинив хлопот.
И оттого внезапная потеря
Еще острее за душу берет!

И все же в мире, в вечной эстафете,
Как ты ни горек, траурный венок,
Не для того отцы живут на свете,
Чтоб лишь печаль оставить как итог!

И близким людям в этот час утраты
Мне задушевно хочется сказать:
Не надо долго плакать о солдате,
Его делами надо поминать!

Солдат упал, но песня не допета,
Возьми его оружие... ничего...
Оно еще теплом его согрето,
И, зубы сжав, идя к иным рассветам,
Всю жизнь свою равняйся на него!

И если посложнее станет жить,
Что ж, значит, ты живешь отнюдь
не плохо.
Дружи лишь так, как он умел дружить,
И так люби, как он умел любить,—
Всю жизнь, навек, до замершего
вздоха!

Не попирая честь ни для кого,
Смотри на лесть
презрительно-спокойно,
А лгать случится — вспомни про него
И молви правду смело и достойно.

И я уверен абсолютно в том,
Что плакать проще, это облегчает...
Но жить, как он, идти его путем —
Наверно, лучшей памяти о нем
И не было, и нет, и не бывает!

3

Плывет июнь по синей глади рек,
За кладбищем вдали звенят трамваи...
Три клена шепчут, тихо повторяя:
— Ушел из жизни светлый человек...

Шепчите же, шепчите днем и ночью:
— Тут спит герой эпохи Октября,
Простой наборщик, питерский
рабочий,
Что прожил жизнь красиво и не зря!

Я шапку снял, а тополиный снег
Все кружит, кружит белою порошей...

Ну вот и все... Прощайте,
мой хороший!
Мой старший друг и близкий человек!

Спасибо, что в часы нелегких дней
Во мне всегда вы укрепляли веру,
Что были для меня живым примером,
Моим теплом и совестью моей!

И пусть глаза уже не улыбнутся,
Но ваши мысли, и мечты, и труд,
Они не растворятся; не умрут,
Они навек с живыми остаются.

За старою кладбищенской стеной
Шумит столица: жизнь, улыбки,
взгляды,
Гудят цеха, сверкают автострады.
А тут — безмолвье, вечность и покой,
Чуть слышно клены шелестят листвою
И ничего-то здесь уже не надо...

И будут плыть года, года, года...
Как облака. А в головах, над вами,
Пусть день и ночь, раскинувшись
лучами,
Горит огнем багряная звезда!

САМОЕ ПРОЧНОЕ НА ЗЕМЛЕ

Скала, подставляя под волны грудь,
Стоит всем ветрам открыта.
А есть ли на свете хоть что-нибудь,
Что было б прочней гранита?

На это ответ был наукой дан
Еще из столетней дали:
— Крепче гранита — металл титан
И твердые марки стали.

А тверже? Не шурьте пыливо глаз,
Ответ ведь известен тоже:
— Прочнее, чем сталь и титан, —
алмаз. —

Пусть так. Ну а есть на земле у нас
Хоть что-то алмаза тверже?

Да, есть на земле вещество одно,
И тут ни при чем наука:
Всех крепче и было и быть должно
Твердое слово друга!

ВСЕ РАВНО Я ПРИДУ

Если град зашумит с дождем,
Если грохнет шрапнелью гром,
Все равно я приду на свиданье.
Будь хоть сто непогод кругом!

Если зло затрещит мороз
И завоет метель, как пес,
Все равно я приду на свиданье,
Хоть меня застуди до слез!

Если станет сердиться мать
И отец не будет пускать,
Все равно я приду на свиданье,
Что бы ни было — можешь ждать!

Если сплетня хлестнет, ну что ж,
Не швырнет меня подлость в дрожь,
Все равно я приду на свиданье,
Не поверя в навет и ложь!

Если я попаду в беду,
Если буду почти в бреду,
Все равно я приду. Ты слышишь?
Добреду, доползу... дойду!

Ну, а если пропал мой след
И пришел без меня рассвет,
Я прошу: не сердись, не надо!
Знай, что просто меня уже нет...

ЭДЕЛЬВЕЙС

(Лирическая баллада)

Ботаник, вернувшийся с южных широт,
С жаром рассказывал нам
О редких растениях горных высот,
Взбегающих к облакам.

Стоят они гордо, хрустально чисты,
Как светлые шапки снегов,—
Дети отчаянной высоты
И дикого пенья ветров.

В ладонях ботаника жгучая синь,
Слепящее солнце и вечная стынь
Качаются важно, сурово.
Мелькают названия — сплошная латынь,
Одно непонятней другого.

В конце же сказал он: — А вот
эдельвейс,
Царящий почти в облаках.
За ним был предпринят рискованный
рейс,
И вот он в моих руках!

Взгляните, он блещет, как горный снег,
Но это не просто цветок.
О нем легенду за веком век
Древний хранит Восток.

Это волшебник. Цветок-талисман.
Кто завладеет им,

Легко разрушит любой обман
И будет от бед храним.

А главное, этот цветок таит
Сладкий и жаркий плен:
Тот, кто подруге его вручит,
Сердце возьмет взамен.

Он кончил, добавив шутливо: — Ну вот.
Наука сие отрицает.
Но если легенда веками живет,
То все-таки кто его знает?..

Ботаника хлопали по плечам,
От шуток гудел кабинет:
— Теперь хоть экзамен сдавай
по цветам!
Да ты не ученый — поэт!

А я все думал под гул и смех:
Что скажет сейчас она?
Та, что красивей и тоньше всех,
Но так всегда холодна,

Так холодна, что не знаю я,
Счастье мне то иль беда?
Вот улыбнулась: — Это, друзья,
Мило, но ерунда...

В ночи над садами звезды зажглись,
А в речке темным-темно...
Толкаются звезды и, падая вниз,
С шипеньем идут на дно.

Ветер метет тополиный снег,
Мятой пахнет бурьян....

Конечно же, глупо: атомный век —
И вдруг цветок-талисман!

Пусть так! А любовь? Ведь ее порой
Без чуда не обрести!
И разве есть ученый такой,
Чтоб к сердцу открыл пути?!

Цветок эдельвейс... Щемящая грусть,
Легенда... Седой Восток...
А что, если вдруг возьму и вернусь,
И выпрошу тот цветок?!

Высмеян буду? Согласен. Пусть.
Любой ценой получу!
Не верит? Не надо! Но я вернусь
И ей тот цветок вручу!

Смелее! Вот дом его... поворот...
Гашу огонек окурка,
И вдруг навстречу мне из ворот
Стремительная фигурка!

Увидела, вспыхнула радостью: — Ты!
Есть, значит, тайная сила.
Ты знаешь, он яростно любит цветы,
Но я смогла — упростила...

Сейчас все поймешь... Я не против чудес,
Нет, я не то говорю...—
И вдруг протянула мне эдельвейс:
— Вот... Принимай... дарю!

Звездами вспыхнули небеса.
Ночь в заревом огне...
Люди, есть на земле чудеса!
Люди, поверьте мне!

ПОД ДОЖДЕМ

Солнце и гром отчаянный!
Ливень творит такое,
Что, того и гляди, нечаянно
Всю улицу напрочь смое!

Кто издали отгадает:
То ли идут машины,
То ли, фырча, ныряют
Сказочные дельфины?

В шуме воды под крыши
Спряталось все живое.
Лишь в скверике, где афиши,
Стоят неподвижно двое.

Сверху потоки льются,
Грозь затопить всю улицу.
А двое вовсю смеются
И, больше того, целуются!

Шофер придержал машину
И, сделав глаза большие,
Чуть приоткрыл кабину:
— Вы что,— говорит,— дурные?

Те, мокрые, но смешливые,
Только заулыбались:
— Нет,— говорят,— счастливые!—
И снова поцеловались.

«ТРУСИХА»

Шар луны под звездным абажуром
Озарял уснувший городок.
Шли смеясь по набережной хмурой
Парень со спортивной фигурой
И девчонка — хрупкий стебелек.

Видно, распалясь от разговора,
Парень между прочим рассказал,
Как однажды в бурю ради спора
Он морской залив переплывал.

Как боролся с дьявольским теченьем
Как швыряла молнии гроза.
И она смотрела с восхищеньем
В смелые, горячие глаза...

А потом, вздохнув, сказала тихо:
— Я бы там от страху умерла.
Знаешь, я ужасная трусиха,
Ни за что б в грозу не поплыла!

Парень улыбнулся снисходительно,
Притянул девчонку не спеша
И сказал: — Ты просто восхитительна,
Ах ты, воробынная душа!

Подбородок пальцем ей приподнял
И поцеловал. Качался мост,
Ветер пел... И для нее сегодня
Мир был сплошь из музыки и звезд!

Так в ночи по набережной хмурой
Шли вдвоем сквозь спящий городок
Парень со спортивною фигурой
И девчонка — хрупкий стебелек.

А когда, пройдя полосу света,
В тень акаций дремлющих вошли,
Два плечистых темных силуэта
Выросли вдруг как из-под земли.

Первый хрипло буркнул: — Стоп,
цыпленки!
Путь закрыт, и никаких гвоздей!
Кольца, серьги, часики, деньжонки —
Все, что есть, на бочку, и живей!

А второй, пуская дым в усы,
Наблюдал, как, от волненья бурый,
Парень со спортивною фигурой
Стал спеша отстегивать часы.

И, довольный, видимо, успехом,
Рыжеусый хмыкнул: — Эй, коза!
Что надулась?! — И берет со смехом
Натянул девчонке на глаза.

Дальше было все как взрыв гранаты:
Девушка беретик сорвала
И словами: — Мразь! Фашист
проклятый! —
Как огнем детину обожгла.

— Комсомол пугаешь? Врешь,
подонки!
Ты же враг! Ты жизнь людскую
пьешь! —

Голос рвется, яростен и звонок:
— Нож в кармане? Мне плевать
на нож!

За убийство стенка ожидает.
Ну а коль от раны упаду,
То запомни: выживу, узнаю!
Где б ты ни был — все равно найду!

И глаза в глаза взглянула твердо.
Тот смешался: — Ладно... Тише,
гром...—
А второй проямлил: — Ну их
к черту! —
И фигуры скрылись за углом.

Лунный диск, на млечную дорогу
Выбравшись, шагал наискосок
И смотрел задумчиво и строго
Сверху вниз на спящий городок,

Где без слов по набережной хмурой
Шли, чуть слышно гравием шурша,
Парень со спортивной фигурой
И девчонка — «слабая натура»,
«Трус» и «воробьиная душа».

Ах, как мне хотелось, наделав бед,
Хлопнуть по лапищам этим длинным!
Но ты говорила мне:— Будь
объективным,
Ведь это ж приятель мой с детских лет!

В другую каверзную минуту
Ты улыбалась: — Угомонись!
Будь объективным и не сердись,
Это товарищ по институту!

Ты только не спорь, а люби и верь.—
И я не спорил и соглашался.
И до того уже «достарался»,
Что чуть ли не сам отпирал им дверь.

И так, может, длилось бы целый век,
Но сердце не вечно уму внимает,
И, если ты искренний человек,
Сердце все-таки побеждает.

И раз, дойдя уже до отчаянья,
Я дверь размашисто растворил
И вместе с бутылками всю компанию
С громом по лестнице проводил!

Прав или нет я — не мне судить.
Но в чувствах немислимо быть
пассивным.

Тут так получается: либо любить,
Либо быть объективным!

СТИХИ О РЫЖЕЙ ДВОРНЯГЕ

Хозяин погладил рукою
Лохматую рыжую спину:
— Прощай, брат! Хоть жаль мне,
не скрою,
Но все же тебя я покину.

Швырнул под скамейку ошейник
И скрылся под гулким навесом,
Где пестрый людской муравейник
Вливался в вагоны экспресса.

Собака не взывала ни разу,
И лишь за знакомой спиною
Следили два карие глаза
С почти человеческой тоскою.

Старик у вокзального входа
Сказал: — Что? Оставлен, бедняга?
Эх, будь ты хорошей породы...
А то ведь простая дворняга!

Огонь над трубой заметался,
Взревел паровоз что есть мочи,
На месте, как бык, потоптался
И ринулся в непогодь ночи.

В вагонах, забыв передраги,
Курили, смеялись, дремали...
Тут, видно, о рыжей дворняге
Не думали, не вспоминали.

Не ведал хозяин, что где-то
По шпалам, из сил выбиваясь,
За красным мелькающим светом
Собака бежит, задыхаясь!

Споткнувшись, кидается снова,
В кровь лапы о камни разбиты,
Что выпрыгнуть сердце готово
Наружу из пасти раскрытой!

Не ведал хозяин, что силы
Вдруг разом оставили тело,
И, стукнувшись лбом о перила,
Собака под мост полетела...

Труп волны снесли под коряги...
Старик! Ты не знаешь природы:
Ведь может быть тело дворняги,
А сердце — чистейшей породы!

Каков человек по душе, по уму?
И что в нем за сердце бьется?
Порой можно просто судить по тому,
Как человек смеется.

И пусть будет трижды его голова
Лукава иль осторожна,
Все можно выдумать: жест и слова,
Но смеха выдумать невозможно.

У злых, у неискренних и у тех,
Чья совесть — сплошные пятна,
Как правило, грубый и резкий смех,
Фальшивый и неприятный.

И только у добрых людей всегда,
Наверно, во всей вселенной,
Смех, словно горной реки вода,
Чувств не скрывающий никогда —
Звонкий и откровенный!

ДЕВУШКА

Девушка, вспыхнув, читает письмо.
Девушка смотрит пытливо в трюмо.
Хочет найти и увидеть сама
То, что увидел автор письма.

Тонкие хвостики выцветших кос,
Глаз небольших синева без огней,
Где же «червонное пламя волос»?
Где две «бездонные глубины морей»?

Где же «классический профиль», когда
Здесь лишь кокетливо вздернутый нос?
«Белая кожа»... но, гляньте сюда,
Если он прав, то куда же тогда
Спрятать веснушки? Вот в чем вопрос!

Девушка снова читает письмо,
Снова с надеждою смотрит в трюмо.
Смотрит со скидками, смотрит
пристрастно,
Ищет старательно, но... напрасно!

Ясно, он просто над ней пошутил.
Милая шутка! Но кто разрешил?!
Девушка сдвинула брови. Сейчас
Горькие слезы брызнут из глаз...

Как объяснить ей, чудачке, что это
Вовсе не шутка, что хитрости нету!

Просто, где вспыхнул сердечный накал,
Разом кончается правда зеркал!

Просто весь мир озаряется там
Радужным, синим, зеленым...
И лгут зеркала. Не верь зеркалам!
А верь лишь глазам влюбленным!

НЕНУЖНЫЕ СПОРЫ

Двое ссорились, даже кричали,
Потом устали в конце концов.
Сердито затихли. И так молчали,
Наверно, не меньше пяти часов.

А где-то в это время смеялись,
Ходили в кино и читали стихи,
Работали, пели, мечтали, влюблялись,
Смотрели спектакль, напряженно-тихи.

Где-то дома к небесам возводили,
Играли в теннис, ловили бычков,
Короче, дышали! Короче, жили!
А здесь будто склеп: ни улыбок, ни слов...

И вряд ли обоим сейчас понятно,
Что эти часы, как бессмысленный бег,
Для них потеряны безвозвратно,
Из жизни вычеркнуты навек!

Наука на все ответы находит.
Она утверждает: — Имейте в виду,
Пол человеческой жизни уходит
На сон, на транспорт и на еду.

А чем порой эта жизнь полна?
И много ль отпущено нам от века?
Ведь если подумать, то жизнь человека
Не так уж и слишком длинна...

Какой же статистик за нас учтет
Время, ушедшее на раздоры,
На злые слова, на обиды, на споры?
А жизнь ведь не поезд, она не ждет.

Конечно, можно хитрить, улыбаться:
«Подумаешь, важный какой разговор!»
А если по совести разобраться,
Сколько на свете ненужных ссор!

Поссорились, вспыхнули, побледнели...
Только б не сдаться! Не уступить!
А это ведь дни, а это недели
И, может быть, годы, коль все сложить.

И хочется мне постучать, обратиться
В тысячи окон, в сотни квартир:
— Кто в ссоре, прошу вас,
идите мириться!
Милые люди! Давайте учиться
В собственном доме бороться за мир!

АРТИСТКА

Концерт. На знаменитую артистку,
Что шла со сцены в славе и цветах,
Смотрела робко девушка-хористка
С безмолвным восхищением в глазах.

Актриса ей казалась неземною
С ее походкой, голосом, лицом,
Не человеком — высшим божеством,
На землю к людям посланным
судьбою.

Шло «божество» вдоль узких
коридоров,
Меж тихих костюмеров и гримеров,
И шлейф оваций, гулкий, как прибой,
Незримо волочило за собой.

И девушка вздохнула: — В самом деле,
Какое счастье так блистать и петь!
Прожить вот так хотя бы две недели,
И, кажется, не жаль и умереть!

А «божество» в тот вешний поздний
вечер
В большой квартире с бронзой
и коврами
Сидело у трюмо, сутуля плечи
И глядя вдаль усталыми глазами.

Ступай сейчас к начальству в кабинет.
И не волнуйся, отказать не могут.
Все будет точно: сделают, помогут,
Еще спасибо скажешь за совет!

А третий друг ни слова не сказал.
Он снял с руки часы, пошел и продал.
Он никаких советов не давал,
А молча другу деньги отдал...

СЛОВО К МУЖЧИНАМ

У нас сегодня было бы смешно
Решать вопрос о равноправье женщины,
Оно, как говорится, «обеспечено»
И жизнью всей давно подтверждено.

Мы говорим: жена, товарищ, мать.
Мы произносим: равенство, свобода.
И все-таки природа есть природа,
И что-то здесь не надо забывать.

Ведь часто милым сами ж до зари
Мы шепчем: — Зяблик... Звездочка
родная! —
А через год, от силы через три,
Все это тихо, напрочь забываем.

И вот уже вам просто наплевать,
Что «зяблик» ваш, окончив
день рабочий,
Такие тащит сумки, между прочим,
Каких и слон не смог бы приподнять!

И почему ж душа у вас не стынет
И на себя не разбирает злость,
Когда вас в дрему телевизор кинет,
А «звездочка» уют в прихожей чинит
Иль в кухне заколачивает гвоздь!

А матери, что дарят день-деньской
Нас лаской и заботами своими...

Они не согласятся на покой,
Но и нельзя ж крутиться им порой
Почти в каком-то тракторном режиме!

Да, никакой их труд не испугает.
Все, если надо, смогут и пройдут.
Но нас это навряд ли возвышает,
И я без колебаний утверждаю:
Есть женский труд и есть
не женский труд!

Не зря же в нашем лексиконе есть
Слова или понятие такое,
Как «рыцарство», или «мужская честь»,
Иль попросту «достоинство мужское»!

Нет, ведь не скидка женщине нужна,
А наша чуткость в счастье и кручине.
И если нету рыцарства в мужчине,
То, значит, просто грош ему цена!

И я к мужчинам обращаю речь:
Давайте будем женщину беречь!

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Ревет в турбинах мощь былинных рек,
Ракеты, кванты, электромышление...
Вокруг меня гудит двадцатый век,
В груди моей стучит его биенье.

И если я понадобится потом
Кому-то вдруг на миг или навеки,
Меня ищите не в каком ином,
А пусть в нелегком, пусть в пороховом,
Но именно в моем, двадцатом веке.

Ведь он, мой век, и радио открыл,
И в космос взмыл быстрее ураганов,
Кино придумал, атом расщепил,
И засветил глаза телеэкранов.

Он видел и свободу и лишенья,
Свалил фашизм в пожаре грозовом,
И верю я: что все-таки о нем
Потомки наши вспомнят с уваженьем.

За этот век, за то, чтоб день его
Все ярче и добрее разгорался,
Я не жалел на свете ничего
И перед смертью даже не сгибался!

И, горячо шагая по планете,
Я полон дружбы к веку моему.
Ведь как-никак назначено ему,

Вот именно, и больше никому,
Второе завершить тысячелетье.

Имеет в жизни каждый человек
И адрес свой и временные даты.
Даны судьбой и мне координаты:
«СССР. Москва. Двадцатый век».

И мне иного адреса не надо.
Не знаю, как и много ль я свершил?
Но если я хоть что-то заслужил,
То вот чего б я пожелал в награду:

Я честно жил всегда на белом свете,
Так разреши, судьба, мне дошагать
До новогодней смены двух столетий,
Да что столетий — двух тысячелетий,
И тот рассвет торжественный обнять!

Я представляю, как все это будет:
Салют в пять солнц, как огненный
венец,
Пять миллионов грохнувших орудий
И пять миллиардов вспыхнувших
сердец!

Судьба моя, пускай дороги круты,
Не обрывай досрочно этот путь.
Позволь мне ветра звездного глотнуть
И чрез границу руку протянуть
Из века в век хотя бы на минуту!

И в тишине услышать самому
Грядущей эры поступь на рассвете,
И стиснуть руку дружески ему —

Веселому потомку моему,
Что будет жить в ином тысячелетье.

А если все же мне не суждено
Шагнуть на эту сказочную кромку,
Ну что ж, я песней постучусь в окно!
Пусть эти строки будут все равно
Моим рукопожатием потомку!

ПОЭМЫ

ПЕСНЯ О МУЖЕСТВЕ

*Памяти болгарской пионерки
Вали Найденовой посвящаю.*

А в т о р

Валя, Валентина, что с тобой теперь?
Белая палата, крашеная дверь...
Э д у а р д Б а г р и ц к и й

Я эту поэму с детства читал,
Волнуясь от каждой строки.
Читал и от боли бессильно сжимал
Мальчишечьи кулаки.

Я шел по проулку вечерней Москвой,
Зажженный пламенем темы,
И, словно живая, была предо мной
Девочка из поэмы.

Те строки бессмертны. Но время не ждет.
И мог ли я думать, что ныне
Судьба меня властной рукой приведет
К другой, живой Валентине?!

Нет прав на сомненье: смогу — не смогу?
Когда невозможно молчать!
Я помню. Я в сердце ее берегу,
Я должен о ней рассказать!

Пусть жизнь эта будет примером для нас
Самой высокой мерки.
Но хватит. Пора. Начинаю рассказ
О маленькой пионерке.

I

Новая пациентка

Машина... Рессоры тряские...
Больница. Плафонов лучи.
Русские и болгарские
Склонились над ней врачи.

Лечиться? Значит, лечиться.
Сердца неровный стук,
Худенькие ключицы,
Бледная кожа рук.

Дышала с трудом, белея
В подушках и простынях.
Лишь галстук на тонкой шее
Костром полыхал в снегах.

Отглаженный, новенький, красный,
Всем в мире врагам — гроза,
Такой же горячий и ясный,
Как девочкины глаза.

Кто-то сказал: — Простите,
Но он ей может мешать.
Прошу вас, переведите:
Что лучше пока бы снять.

Но Валя сдержала взглядом
И с мягким акцентом: — Нет!
Пожалуйста. Снять не надо.
Он мне хорошо надет!

Клянусь вам, он не мешает!
Вот, кажется, все прошло.

Он даже мне помогает,
Когда совсем тяжело.

Откинулась на подушки,
Сердце стучит, стучит...
Русская доктор слушает,
Слушает и молчит...

Сердце, оно тугое,
Оно с кулачок всего,
А это совсем иное:
Измученное, больное,
Ни сил, ни мышц — ничего!

Порок. Тяжелый и сложный.
Все замерли. Ждут тревожно.
Может, побьем, победим?
Но вывод как нож: безнадежно,
Пробовать было бы можно,
Когда бы не ревматизм.

А вслух улыбнулась: будет,
Полечимся, последим.
Вот профессор прибудет,
Тогда мы все и решим.

Боли бывают разными:
То острыми вроде зубной,
То жгут обручами красными,
То пилят тупой пилой.

А ей они все достались.
Вот они... снова тут!
Как волки, во тьме подкрались,
Вцепились разом и рвут!

Закрыла глаза. Побелела.
Сомкнутый рот горяч..
А свора кромсает тело.
Сдавайся, мучайся, плачь!

Но что это? Непонятно!
Звон в ушах или стон?
Песня? Невероятно!
Похоже, что просто сон!

«Орленок, Орленок, мой верный
товарищ!
Ты видишь, что я уцелел.
Лети на станицу, родимой расскажешь
Как сына вели на расстрел!»

Доктор губу закусил:
— У девочки, видно, бред.—
Та смолкла. Глаза открыла.
И ясно проговорила:
— Доктор, поверьте. Нет!

Врач на коллег взглянула.
Одна шепнула: — Прошу! —
Тихо на дверь кивнула:
— Выйдем, я расскажу.

II

Рассказ о Валином дедушке

Дед был у Вали солдатом.
Трубил мировую войну.
Контужен был на Карпатах,
Потом был в русском плену.

Вот там и была развеяна
Ложь короля, как дым.
Развеяна правдой Ленина
И словом его живым.

Когда ж довелось вернуться им
К селам родных Балкан,
Он стал бойцом революции
И совестью партизан.

Был дерзким, прямым, открытым,
Смертником был — бежал.
Сам Георгий Димитров
Не раз ему руку жал.

А в час, когда на Балканы
Фюрер прислал «егерей»,
Их встретили партизаны
Вспышками батарей.

Однажды у Черных Кленов,
В бою прикрывая брод,
Упал партизан Найденов
На замерший пулемет...

Вдруг стало безвольным тело,
Повисла рука как плеть.
И с хохотом посмотрела
В лицо партизану смерть...

Один на один с врагами.
Не долго осталось ждать.
Сейчас его будут штыками
Мучительно добивать.

И все-таки рано, рано
Над ним панихиду петь!

Раны всего лишь раны!
И это еще не смерть!

Как он сумел и дожил?
Никто теперь не поймет.
Но только вдруг снова ожил
Замерший пулемет.

Всю ночь свинцовой струею,
Швыряя фашистов в снег,
Стрелял одною рукою
Израненный человек!

Потом в партизанской землянке
Фельдшер молчал, вздыхал,
Трогал зачем-то склянки
И, наконец, сказал:

— Рука никуда не годится.
И нужно срочно... того...
Короче, с рукой проститься,
А у меня — ни шприца,
Ни скальпеля, ничего!

Только вот спирт да ножовка,
Бинт да квасцов кристалл,
Да, может, моя сноровка,
Ну вот и весь «арсенал»!

Без капли новокаина
От боли возможен шок...
— Но я покуда мужчина!
И вот еще что, сынок:

Когда-то в красной России
Мне дали характер без дрожи.

Не надо анестезии!
Водки не надо тоже.

Теперь приступай к задаче
И брось, молодец, вздыхать.
Мы боль победим иначе,
Как всё должны побеждать.

Он встал под низким накатом,
В холодный мрак поглядел
И голосом хрипловатым
Вдруг тихо-тихо запел.

От боли душа горела
И свет был сажу черней!
От боли горело тело...
А песня росла, гремела
Все яростней, чем больней!

Летела прямо к порогу,
Вторая ночной пальбе:
«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!»

Вот так, только щурясь глазом,
Он боль, как врага, крушил.
Не застонал ни разу.
Выдержал, победил!..

Кончив, болгарка смолкла.
В комнате — тишина...
Плыла кораблем сквозь стекла
Матовая луна...

Тени на шторах дрожали
И таяли, как туман.

— Вот каким был у Вали
Дед ее, партизан.

До самой своей кончины
Ни разу не отступал.
Таким он вырастил сына
И внучку так воспитал!

Наверно, таких едва ли
Сломают беда или страх.
Вот откуда у Вали
Этот огонь в глазах.

Все боли выносит стоически,
А если совсем прижмет,
Закроет глаза и поет,
Русские песни поет —
И самые героические!

Русская врач невольно,
Встав, отошла к окну.
— Я все поняла. Довольно.
И лишь одно не пойму:

Там в бурях держались стойко
Солдаты: отец и дед.
А тут ведь ребенок только,
Девчушка в двенадцать лет!

— Вы верно сейчас сказали.
И разница лет не пустяк.
Но если спросите Валию,
Она вам ответит так:

«Нельзя нам, не можем гнуться мы,
Если не гнулись отцы.

Потомки бойцов Революции
Тоже всегда бойцы!»

III

Профессор, я поняла...

— Прошу приподнять изголовье!
Вот так. До моей руки.—
Профессор нахмурил брови,
Сдвинул на лоб очки.

К лопатке прижался ухом.
Сердце, ровней стучи!
Сзади немym полукругом
Почтительные врачи.

Смотрит кардиограмму.
Молчание как гроза...
А там возле двери — мама...
Нет, только ее глаза!

Огромные и тревожные,
Они заполняют весь свет!
Скажите: можно ли? Можно ли?
Или надежды нет?!

Профессор глядит на дорогу,
На клены, на облака,
Наука умеет многое,
Да только не все пока...

Сердце девочки лапами
Сжал ревматизм, как спрут.
Еле живые клапаны,
Тронь — и совсем замрут.

Глаза... Они ждут тревожно.
Ну как им сейчас сказать
О том, что все безнадежно,
Не сложно, а невозможно,
И нечего больше ждать?!

И все-таки пробовать будем!
На край кровати присел:
— Давай, Валюша, обсудим
Подробности наших дел!

Беседовал непринужденно
О будущем, о делах,
Пошучивал бодрым тоном
И прятал печаль в глазах...

Хотел улыбнуться взглядом,
А душу боль обожгла...
— Все ясно, доктор... Не надо.
Спасибо. Я поняла...

IV

Последнее утро

Сколько воздуха в мире?
Кто подсчитать бы смог?
Над Африкой, над Сибирью
Огромный течет поток.

Он кружит суда морские,
Несет паутинок вязь,
И клены по всей Софии
Раскачивает, смеясь.

Сколько воздуха в мире?
Разве охватит взор?

Он всех океанов шире
И выше громадных гор.

Он все собой заполняет,
Он в мире щедрей всего.
Так почему ж не хватает
Маленьким легким его?!

Распахнуты настежь стекла
В залитый солнцем сад.
Листва от росы намокла,
Птицы в ветвях свистят.

Ползет по кровати солнце,
Как яркий жук по траве.
Томик о краснодонцах
Раскрыт на шестой главе.

Сегодня сердце не знает,
Как ему отдохнуть.
Колотится, замирает,
Всю грудь собой заполняет
И не дает вздохнуть!

Боли бывают разными:
То острыми вроде зубной,
То жгут обручами красными,
То пилят тупой пилой.

Вот они под знаменами
Злобных фашистских рот
Мерными эшелонами
Двигаются вперед.

Но сердце все-таки бьется,
Упорное, как всегда.

Тот, кто привык бороться,
Не сломится никогда!

Пусть боль обжигает тело!
Бой не окончен. И вот
Она поднялась, и села,
И, брови сведя, запела,
Прямо глядя вперед.

Трубы поют тревогу.
К светлой зовя судьбе:
«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!»

Халаты, бледные лица,
Но что в их силах сейчас?
Бессильно молчит больница,
Не подымая глаз.

В приемной коврик от солнца,
Ползет по стеклу мотылек...
А из палаты несется
Тоненький голосок.

И столько сейчас в нем было
Красных, как жар, лучей,
И столько в нем было силы,
Что нету ее сильнее!

Пусть жизнь повернулась круто,
Пускай хоть боль, хоть свинец!
До самой последней минуты
Стоит на посту боец!

Полдень застыл на пороге,
А в коридоре, в углу,

Плакал профессор строгий,
Лбом прислонясь к стеклу...

Голос звучит, он слышен,
Но гаснет его накал,
Вот он все тише... тише...
Дрогнул и замолчал...

Ползет по кровати солнце,
Как яркий жук по траве.
Томик о красnodонцах
Раскрыт на шестой главе...

Стоят в карауле клены
Недвижно перед крыльцом.
Склоняет весна знамена
В молчании над бойцом.

И с этой печалью рядом
Туманится болью взгляд.
Но плакать нельзя, не надо!
В ветре слова звучат:

«Нельзя нам, не можем гнуться мы,
Когда не гнулись отцы.
Потомки бойцов Революции
Тоже всегда бойцы!»

Она не уйдет, не исчезнет,
Ее не спрятать годам.
Ведь сердце свое и песню
Она оставила нам.

Вручила, как эстафету,
Той песни огонь живой,

Как радостный луч рассвета,
Как свой салют боевой!

Вручила в большую дорогу
Мне, и тебе, и тебе...
«Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе!»

ШУРКА

Вступление

Я тебя почти что позабыл,
В спешке дней все реже вспоминаю,
И любил тебя иль не любил —
Даже сам теперь уже не знаю.

Но когда за окнами пройдут
С боевою песнею солдаты
Или в праздник прогремит салют,
Отмечая воинские даты,

Вот тогда я, словно бы с экрана,
Вижу взгляд твой серо-голубой,
Портупею, кобуру нагана,
Рыжую ушанку со звездой...

Легкая, упрямая фигурка,
Дымные, далекие края,
Шурка! Шурка! Тоненькая Шурка —
Фронтная молодость моя!

Где-то взрывы над степями катятся,
Бьют крылами всполохи ракет,
Кажется мне все или не кажется,
Было это в жизни или нет?

Впрочем, что там, было или не было,
Если вот он, твой безмолвный взгляд,
Если столько молодость извела,
Если раны полночью болят!

Глава I

Перед боем

В сумрачной степи под Перекопом
По-пластунски к дремлющим бойцам,
Подползая, крался по окопам
Лунный свет с тревогой пополам.

Смотрит сны усталая пехота.
Каждый, зная, что наутро бой,
Спит в обнимку с собственной судьбой,
Подложив под голову заботы.

А у Сиваша, почти что рядом,
Там, где воду вспарывает сушь,
Ждет подразделения «катюш»
Наша знаменитая бригада.

Помнишь, Шурка, утренний снежок,
Забелевший в марте незнакомо,
Будто мягкий девичий платок
На плечах трудяги чернозема.

Может, снег тот за Онегой где-то
По неделям пляшет у костра.
Здесь же он всего лишь до утра,
До прихода южного рассвета.

И сейчас по хрусткой пелене
Ты бежишь легко и окрыленно —

Военфельдшер артдивизиона
С докторскою сумкой на ремне.

И друзья по боевой судьбе
Все, что на пути тебе встречаются,
До чего же славно улыбаются
И кивают ласково тебе.

Все тебе тут неизменно рады,
Ибо и в походе и в бою
Ты была любимицей бригады,
И не за отвагу и награды,
А за жизнь хорошую твою.

Сколько раз, рискуя головою,
С неизменной сумкой за спиной
Ты тащила раненых из боя,
Сколько ран, под бомбами порою,
Собственной заштопала рукой.

А еще, наверное, за то,
Что, живя со смертью по соседству
(Где не стал бы осуждать никто),
Не терпела женского кокетства.

А порой ведь были «чудеса»,
Вспомни только повариху Настю,
Ту дуреху из соседней части,
Что смотрела каждому в глаза.

Шла на все. А отповедь услышит —
Хохотнет: — Ты это про кого?
Раз война, она, брат, все и спишет! —
Только нет. Не спишет ничего...

Ничего не спишет, не пропустит,
Сколько ни хитри и ни гречи,

Ни трусливой подлости не спустит
Ни опустошения души.

Может быть, нигде, как на войне,
Все, в душе доселе неприметное,
Проступало словно бы вдвойне,
Разом все: и темное, и светлое.

Ты с друзьями шутишь, и сейчас
Взгляд твой добрым отсветом лучится.
Сколько женщин, может быть, у нас
Прямоте спокойных этих глаз
И теперь могли бы поучиться.

Я бы им без длительных тирад
Так промолвил: — Задержите взгляды!
Вот девчонка — смелый лейтенант,
Бог, в огне спасающий солдат,
Да еще любимица бригады.

Но бои бывают не всегда,
И теперь, представьте на мгновенье:
Передышка. Шутки или пенье,
Над селом вечерняя звезда.

Вы нашли бы правильную меру,
Если б вдруг без всяких громких слов
В вас влюбились, скажем для примера,
Ровно сто четыре офицера
И семьсот отчаянных бойцов?!

И вот тут, признайтесь только сами,
Вы смогли бы, пусть без ерунды,
Ну хотя бы не играть глазами,
Никогда не пошутить сердцами?
Никакой не замутить воды?

Может быть, с улыбкою сейчас
Вы вздохнете: — Не простое дело
Быть спокойной среди сотен глаз.—
А она умела всякий раз,
И, признаться, как еще умела!

И, теплея, изменялись взгляды.
Так девчонка с сумкой на ремне
Стала и в походах и в огне
Навсегда любимицей бригады.

Как же улыбались ей. Увы,
Это надо было только видеть!
И попробуй кто ее обидеть —
Черта б с два сносил он головы!

Видно, в ней жила такая сила,
Что хитрить не стала б ни на миг.
И когда однажды полюбила,
То ни чувств, ни мыслей не таила,
А пошла как в пламя — напрямик!

Глава II

1. Перекоп

Фронт катился за врагом, как лава,
И внезапно, как на стену,— стоп!
Не пройти ни слева и ни справа,
Впереди твердыня: Перекоп!

Он рычал, сплошную сталью лязгая,
Полыхая бешеным огнем.
Но ведь брали мы его в гражданскую,
Значит, в эту как-нибудь возьмем!

И однажды, нарубив ступеньки
И врезаясь с ходу, как кинжал,
Дьявольские хлопцы Кириченко
Прорвались через Турецкий вал.

Что же, фриц, не вышла остановочка?!
Дальше жди покрепче чудеса!
Хороша гвардейская сноровочка?
То-то, немец-перец-колбаса!

И хоть дали мы врагу острастку,
Но, пока тылов не подвели,
Прорвались на километр к Армянску
И шабаш! Зарылись, залегли.

И туда, где залегла пехота,
Прижимаясь кузовом к земле,
Шли машины медленно во мгле
Сквозь одни разбитые ворота.

Каждой миной огрызался враг.
Весь белел от пулеметной дрожи,
Да и был он вовсе не дурак
И про те ворота ведал тоже.

И из дальнобойки по воротам
Клал снаряды, будто сахар в чай.
Через три минуты, как по нотам,
Хоть часы по взрывам проверяй.

Выход был тяжелый, но простой:
Взрыв! И мчишься в дым
без промедленья.
Проскочил — и грохот за спиной,
Не успел — остался без движенья..

2. Мужество

Залп наш — в семь пятнадцать,
на рассвете,
Все в работе. Звякают ключи,
Сняты маскировочные сети,
И снаряды бережно, как дети,
С газака сгружаются в ночи.

— Что случилось? Почему затор?
Где четвертый? В чем у вас причина?—
Не пришла последняя машина,
Где-то призамешкался шофер.

И, послав его сначала к черту,
А затем по дальним адресам,
Кинулся назад комвзвод четвертый:
— Если цел — получит по мозгам!

Добежал до взорванных ворот,
Да забыл о пушке у залива.
Надо б выждать, вычислить разрывы,
А комвзвода ринулся вперед.

И когда над шпалами взметнулся
Огненно-грохочущий цветок,
Лейтенант вдруг словно бы
споткнулся,
Уронил ушанку, повернулся
И скатился с насыпи в песок.

Не успел опомниться народ,
Как уже к дымящимся воротам
Пулей мчался напрямую кто-то
По воронкам, к насыпи, вперед!

Старшина присвистнул, холодея:
— Метров сто осталось... Молодец!
Только нет, ей-богу, не успеет...
Вот сейчас накроет — и конец!

Шурка! Шурка! Светлая девчонка,
Как успела, даже не понять.
Затащила взводного в воронку,
Но от взрыва некуда бежать!

Торопилась, сумку открывая,
Только вот он, ледящий вой,
И тогда она, не размышляя,
Кинулась, комвзвода заслоня
От осколков собственной спиной!

В грохоте сначала показалось,
Что навеки наступила мгла,
Только смерть, наверно, просчиталась,
Лишь горячим дымом обожгла.

Ах, как время тянется порой!
Но секунды на краю у смерти
Мчат с непостижимой быстротой,
Словно пули в пулеметной ленте!

Может, и минута не прошла,
Как взвалила взводного на плечи,
И пошла, пошла, пошла, пошла
К тем, кто мчал на выручку навстречу.

Через час, спеленатый бинтами,
Чтобы как-то боль угмонить,
Шевеля бескровными губами,
Взводный уже пробовал шутить.

— Ты, Шурок, наверно, понимала,
Что за птицу тащишь из огня.
Ты, конечно, верно рассуждала:
Вот, мол, выйдет парень в генералы
И тотчас посватает меня.

И она, укладывая в таз
Иглы и пинцет для кипяченья,
Бледная еще от напряженья,
Улыбнулась искорками глаз:

— Ладно уж, помалкивай, герой,
Унижение рода человечьего!
Просто нынче делать было нечего,
Вот я и сходила за тобой.

А сейчас вот села, пошабашила.
Ну а замуж если и пойду,
Ты уж это поймей в виду,
То никак не меньше, чем за маршала.

Глава III

1. Праздничный день в Москве

Что за день сегодня, что за дены!
Снег под солнцем розовато-белый,
Он душистый нынче, как сирень,
И, как плод, хрустяще-загорелый!

Солнечные зайчики сидят
На ажурных жердочках балконов,
А под ними царственно горят
Клены в звонко-ледяных коронах.

Мастер-ветер, празднично-хмельной,
Пробежит то крышами, то низом,
Белою, пушистою рукой
Полируя стены и карнизы.

Будут пушки вечером слышны,
Прошагает с песнею пехота,
Только нету никакой войны,
Нынче мирный день моей страны —
Гордый праздник Армии и Флота!

Сколько раз поздравит телефон
С праздником поэта и солдата.
Сколько прилетит со всех сторон
Телеграмм взволнованно-крылатых,

Сколько писем, сердце теребя,
Что-то стародавнее разбудит,
Только знаю точно: от тебя
Ни звонка, ни весточки не будет...

2. Передышка

Степь спала в предчувствии весны,
В зябкой дымке сумрака ночного.
Только не бывает у войны
Ни цветов, ни трепета хмельного.

Нету здесь улыбчивых зарниц,
Есть лишь брызги всполохов ракетных
Да взамен звонкоголосых птиц —
Перебранка пушек предрассветных.

Все живое словно бы во тьму
Тут в дыму сражений погружается.
Лишь сердца наперекор всему
Даже здесь порою улыбаются...

За селом артиллерийский склад.
Впрочем, склад — скорей, одно
название,
Просто в яме, вырытой заранее,
Штабелями ящики лежат.

Я — комбат, дежурный по бригаде,
Обошел вечерние посты.
Солнце рыжегривое в леваде,
Словно конь, ни на кого не глядя,
Мирно щиплет чахлые кусты.

И вокруг такая тишина,
Что не знаешь, да война ли это?!
Что ж, устала, видно, и война:
Ни дымка, ни взрыва, ни ракеты.

Можно сесть, пока в низине тьма,
Вынуть письма, что пришли из дома.
Мне сегодня целых три письма
Из Москвы, от мамы и знакомых.

Чьи-то руки на плечи легли.
Легкая, знакомая фигурка,
Русый локон в солнечной пыли...
— Ишь забрался, аж на край земли,
Здравствуй, что ли?!
— Ты откуда, Шурка?

— Что ж мне, только склянки
да бинты?
Нынче вот решила между делом
Просто подышать без суеты.
Впрочем, что там прятаться в кусты,
Вот тебя увидеть захотела.

Господи! Какая тишина!
А закат, ну как у нас, в Лопасне...
Вот сейчас бы кончилась война...
Э, да что трезвонить понапрасну!

Слушай, только ты не отрицай,
Ну, насчет стихов... Ведь я же знаю.
Вот прошу, ну просто умоляю:
Сделай одолжение, почитай!

Шурка, Шурка, помнишь этот час:
Степь, затишье... В золоте закатном
Мы сидим на ящике снарядном
Как-то близко-близко в первый раз.

Впереди — минута тишины.
Позади же — месяцы и годы
Грохота, лишений и походов —
Всех «веселых прелестей» войны.

Вот мы: к силуэту силуэт,
Два ремня, погоны с алым кантом,
Два лихих, бывалых лейтенанта,
А обоим вместе — сорок лет!

Тени, как десантники по склону,
Лезли вверх, бесстрастные и тихи,
А затем вдруг замерли смущенно,
Слыша, как почти что отрешенно
Я читал солдатские стихи.

Ей же богу, может быть, в стихах
Есть и вправду «взрывчатая» сила,
Коль сидишь на ящиках тротила,
На сплошных снарядных штабелях!

Шутка шуткой, а невольно где-то
Верую, волненья не тая,
Что и впрямь горела, как ракета,
Фронтная молодость моя!

И читал я о боях, о громе,
О ветрах и гибели друзей,
А потом о нежности, о доме,
О солдатской матери моей.

Ты смотрела в поле не мигая
И сказала тихо, как во сне:
— Я в стихах не очень понимаю,
Только вечер нынешний, я знаю,
Навсегда останется во мне...

Может, вправду быть тебе поэтом?!
Нет, не смейся. Кончится война,
И представь, что августовским летом
Позвонит вам девушка одна.

Ну, вот так же, на исходе дня.
«Извините, если помешала!
Я стихи в газете прочитала...
Это Шура. Помните меня?»

Ты ответишь холодно и хмуро,
А в глазах презрительный прищур:
«Шура, Шура, что еще за Шура?
Мало ли звонит мне всяких дур!»

Искра смеха — будто лучик света!
Редкая минута тишины
Посреди грохочущей войны.
Мир... звонки... Да сбудется ли это?!

Все казалось призрачно-забавным.
И обоим было невдомек,
Что случись и вправду твой звонок —
Там, в далеком мире, в должный срок,
Как все было б здорово и славно!

Увидала письма. Улыбнулась:
— Девушки?
— Допустим, что и так.
— Что же ты нахмурился, чудака?
Мне-то что! — И с хрустом потянулась.

А затем с лукавинками глаз:
— Извини, что так спроста и сразу,
Любопытство исстари у нас.
Ты сказал кому-нибудь хоть раз
О любви?
— Да нет еще. Ни разу.

— Вот и славно! Честное же слово,
Болтунов... Ведь их не сосчитать!
Не успеют «здравствуйте» сказать —
И «люблю», пожалуйста, готово!

— А вот это,— тронула письмо,—
Мамино. Я верно угадала?
Если б мне когда-нибудь само
Вдруг пришло такое вот письмо,
Я б луну от радости достала!

Что застыл безмолвно, как вопрос?
Нет, с рождением у меня в порядке:
Дед меня нашел в капустной грядке,
Говорят, скворец меня принес.

Что ж, я впрямь невесело росла,
Золушка и та того не ведала;

Тиф, невзгоды... Мама умерла...
Мне и четырех-то даже не было...

Вечно хмурый пьяница-отец.
Мачеха — еще вторая рюмка.
Это в сказке: туфельки, дворец...
Жизнь суровой: девушка-боец,
Сапоги и докторская сумка.

Впрочем, жизнь всегда за что-то бой!
Все настанет: и цветы и платья.
Будем живы, мы еще с тобой
Побываем где-нибудь во МХАТе!

Ну, пора. Смеркается. Пойду! —
Протянула руку. Быстро встала
И легко тропинкою сбежала,
Помахав ушанкой на ходу.

Глава IV

Праздничный вечер в Москве

В ледяную топая броню,
Пляшет вьюга над Москвой-рекою,
Заметая белою крупую
Голубую, тонкую лыжню.

Нынче день капризен, как судьба:
Утром солнце звякало капелью,
А затем прихлынула с метелью
Белая сплошная ворожба.

Я сижу, не зажигая света,
И включать приемник не хочу.

Нынче время, памятью согрето,
Шлет сигнал из дальнего рассвета
Кодом по сердечному ключу.

Тот рассвет у неба в изголовье
Был крутым от просмоленных слов,
Красно-белым от бинтов и крови,
Черным от воронок и дымов.

Тяжкий грохот, прокатясь по крышам,
Прогремел за праздничным окном.
Только сердце почему-то слышит
Тот, другой артиллерийский гром!

Тот, другой, что, силы не жалея,
Был тараном схваток боевых.
Помнишь, Шурка, наши батареи?
Помнишь хлопцев, павших и живых?!

Помнишь жмыхи, что порою лопали?
Помнишь шулки, раны, ордена?
Помнишь, как катилась к Севастополю
Фронтная грозная весна!

Ишуньские позиции

1

В линзах солнце дымное дробится,
Степь — как скатерть с блюдами
озер.

Мы берем Ишуньские позиции.
Впереди, как в сводке говорится,
«Полный стратегический простор».

Ни куста, ни крыши, ни забора,
Широта, простор и благодать.
Только лупят из того «простора»
Так, что от свинцового напора
Головы порою не поднять.

Ну а мы, однако, поднимали.
Как смогли? У господ спроси!
Но таким огнем прогремыхали,
Что земля качнулась на оси!

Их окопы, танки, минометы —
Разом — огнедышащий погост.
И рванулась матушка-пехота
И пошла, как говорится, в рост!

Хорошо ли обогрелись, фрицы?
Жарьтесь, за огнем не стоим!
Мы берем Ишуньские позиции,
Мы идем, освобождая Крым!

2

В полдень зуммер, тонкий, как заноза:
— Вал пехоты выдохся, ослаб.
Враг застрял в траншеях, у совхоза.
Через час, не позже, новый залп!

Турченко не любит разговоров.
Развернул планшетку.
— Вот смотри:
Здесь совхоз. А там, у косогора,
Мы им зад прихлопнем ровно в три!

Вдруг застыв, прислушался всей кожей
И — в окоп.

— А ну, давай сюда! —
Я снарядный вой услышал тоже,
Но решил: минует, ерунда!

Взрыв раздался рядом, за спиной,
Вскинув кверху ящики и глину!
Оглушил, ударил, опрокинул,
Резкий и грохочуще-тугой!

Как в живых случилось мне остаться,
И теперь не ведаю о том.
Пролетев, как щепка, кувырком,
Чуть успел за бруствер задержаться
И, нарушив все субординации,
Придавил «начальство» животом!

Турченко неторопливо сел,
Осмотрел меня тревожным взглядом:
И, довольный, крикнул:
— Уцелел!
Повезло, брат, лучше и не надо!

Подав лягу.
— На-ка, укрепись.
Все равно наружу не соваться.
Вот как начал минами плеваться.
Ничего. Потом не прогневись!

Взрывы, гарь... И вдруг песок на шею,
Сумка вниз из дымной темноты,
Кто-то следом прыгает в траншею.
— Покажите, что с ним?!
— Шура, ты?

— Жив! А я... А мне-то показалось...
Видю вдруг — разрыв, и ты пропал...

Господи, ну как же напугал! —
И к плечу беспомощно прижалась.

Турченко ей сунул было флягу.

Отстранила:

— Не люблю. Учти.—

А сама как белая бумага,
Как латунь медали «За отвагу»,
Что сияла на ее груди.

Закурила, шапку подняла.

— Ну, пойду я... Хватит

прохлаждаться! —

Улыбнулась:

— У меня дела.

Ну а вам счастливо оставаться!

Ладно, знаю: смелые солдаты.

Кстати, в стрельбы почти уж нет.

Помогите выбраться, ребята! —

И за нами зашагала вслед.

Ласково похлопав по спине,

Турченко шепнул мне, улыбаясь.

— Если я хоть в чем-то разбираюсь,
Ты везуч, по-моему, вдвойне!

3

Ах, как нас встречали, как встречали

Горем опаленные сердца!

Женщины навстречу выбегали,

Плакали, смеялись, обнимали

И кричали что-то без конца.

Руки загорелые раскинув,

Встав толпою посреди пути,

Так, что ни проехать, ни пройти,
Окружали каждую машину.

Возле хаток расстилали скатерти
С молоком и горками еды
Русские, украинские матери,
Всем нам, всем нам дорогие матери,
Вдовы и столетние деды.

И, в толпе разноголосой стоя,
Хлопцы, улыбаясь широко,
Часто, не остывшие от боя,
С уваженьем пили молоко.

С уваженьем? Нет, с благоговеньем!
Ибо каждый точно понимал
Все их муки, беды, униженья,
И ржаное, темное печенье
Было повесомей, чем металл.

И везде о самых долгожданны
Вопрошали мать или сестра:
— Вы не знали Мухина Ивана?
Или, может, бачили случайно
Пехотинца Марченко Петра?

Только где он, Мухин этот самый,
Как его отыщешь на войне?
Может, бьется за рекою Ламой,
Может, сгинул в Западной Двине?

Тот, кто любит, неотступно ждет.
У любви терпение найдется.
— Не волнуйтесь, мама, он вернется,
Вот побьет фашистов и придет!

Если ж не пришел, простите, милые,
Светлые пророчества бойцов,
Что дрались с любой бедой постылою,
С черной злобой пулеметнорылою,
Только вот не обладали силою
Воскрешать ни братьев, ни отцов.

Да и нас отнюдь не воскрешали,
Скажем без бодряческих речей,
Что не все мы снова увидали
Те края, где верно ожидали
Нас глаза сестер и матерей.

Глава V

В совхозе

Фронтная крымская весна,
Гарью припорошенные розы
(Хоть не время, все-таки война)
Пряно пахнут в садах совхоза.

О, как дорог незнакомый дом,
Где ты мог с удобствами побриться,
Не спеша до пояса умыться
И поест ватрушек с творогом,

Где хозяек щедрые сердца
Так приветить воина стараются,
Что тот дом и люди вспоминаются
Иногда до самого конца!

Над совхозом полная луна,
Как медаль на гимнастике неба.
Пахнет свежесвеженным хлебом,
И плывет в проулки тишина...

И в дому, и на крылечке хаты,
Ощувив тот истинный уют,
Разомлев, усталые солдаты
Пишут письма, чистят автоматы
И порой вполголоса поют.

Постучалась, отворила дверь
И сказала строго и печально:
— Я не лгу ведь никогда, поверь,
Не скажу лукаво и теперь,
Что зашла как будто бы случайно.

Ничего, не думай, не стряслось.
Просто я сегодня размышляю
И хочу задать тебе вопрос,
Только дай сперва мне чашку чая.

— Но ведь ваш дивизион сейчас
У высот, отнюдь не замолчавших!
Три версты, не больше. И как раз
Ты могла нарваться в этот час
На любых: на наших и не наших!

— Опоздал, брат. Наша высота.
Впрочем, и не в этом даже дело.
Враг не тот, да и война не та.
Он ночами не такой уж смелый.

А пугаться при ночной поре —
Это новобранцу только можно.
Да и спутник у меня надежный.—
И — рукой себя по кобуре.

Люди мирных и далеких лет,
Вам, наверно, даже непонятно,
Как же это дьявольски приятно —
Сесть под лампу с парюю газет!

И какое светлое открытие —
Вдруг изведать досыта и всласть
Радости простого чаепития,
На скрипучем стуле развальясь!

Не в траншее на хвосте у гибели,
Не в пути под снегом и дождем,
Не согнувшись где-то в три погибели,
А под крышей, в доме за столом!

Ставнями закрытое окошко,
Самовар, ватрушки, тишина...
А за дверью, крадучись, как кошка,
Ходит прокопченная в бомбежках,
Злобою набитая война.

— Может, глупо душу открывать,
Только я вот не могу иначе,
Нет, ты должен правильно понять,
Я пришла... Мне хочется узнать,
Что такое для тебя я значу?

Не сочти горячность неуместною,
Если глупо, так и говори.
Дай мне руку честную-пречестную
И в глаза мне прямо посмотри!

Взгляды, встретясь, вдруг
заулыбались,
И не помню, как произошло,
Только мы с тобой поцеловались.
Да, впервые вдруг поцеловались
Бурно и доверчиво-светло!

И война, что разъяренно билась
В грохоте, походах и дымах,

Вдруг на миг как будто растворилась
В серых запрокинутых морях!

Крымская военная весна.
Свет дробит колодезную воду.
И большая белая луна
Медленно плывет по небосводу.

Да, не тот, как говорится, враг.
Где бывала точность канонады?
Шелестят над крышами снаряды
И все время бухают в овраг.

— Вот ты ценишь твердые сердца.
Ну так помни: войны ли, не войны —
За меня ты можешь быть спокойным,
Я честна во всем и до конца.

Может статья, цельная натура.
Только, знаешь, без высоких слов,
Вот сейчас с тобой я просто Шура,
Тихая, счастливая, как дура,
В мире повстречавшая любовь.

Пусть я буду твердой, хоть стальнойю,
Но теперь мне хочется с тобой,
Только ты не смейся надо мною,
Стать на миг какою-то иною,
Беззащитной, ласково-простой,

Мягкою, до глупости застенчивой,
Может быть, капризной, наконец,
Девочкою, девушкою, женщиной,
Ведь не век, оружием увешанной,
Мне шагать, как парень и боец!

Знаю, скажешь, мнительная дура.—
Быстро прядь отбросила с лица.
— Ну к чему такие мысли, Шура!
— Нет, постой. Дослушай до конца!

Я хочу, чтоб ведал ты заране,
Как я этой встречей дорожу.
Почему пришла без колебаний
И зачем назад не ухожу.

Знаешь сам, что никакой войной
Никогда не оправдаю связи,
И сейчас, не ведавшая грязи,
Я как снег чиста перед тобой!

Повторяю без красивых фраз,
Что душой навек с тобою спаяна
И люблю без памяти, отчаянно,
Может, в первый и в последний раз!

Бросила на скатерть портупею,
Обернулась вспыхнувшим лицом:
— Да, люблю. И вправе быть твоею.
Ни о чем потом не пожалею!
Ни о чем, ты слышишь? Ни о чем!

Ночь клубилась черно-золотая,
Бился ветер в шорохе ветвей,
И кружились звезды, осыпая
Крышу хаты брызгами лучей.

Сухарям же с душами пустыми
Я б сказал из той далекой тьмы:
Дай вам бог быть нежными такими
И такими честными, как мы!

Глава VI

Севастополь

Может, помоложе, чем Акрополь,
Но стройней и тверже во сто крат
Ты звенишь, как песня, Севастополь—
Ленинграда черноморский брат.

В День Победы, на исходе дня,
Вижу я, как по твоим ступеням
Тихо всходят три знакомых тени
Постоять у Вечного огня.

И, глазами корабли окинув,
Застывают, золотом горя,
Три героя, три богатыря —
Ушаков, Корнилов и Нахимов.

Севастополь — синяя волна!
Сколько раз, шипя девятым валом,
На тебя со злобой налетала
Под любыми стягами война?!

И всегда, хоть любо, хоть не любо,
Та война, не ведая побед,
О тебя обламывала зубы
И катилась к черту на обед!

Потому что, позабыв о ранах,
Шли в огонь, не ведая преград,
Тысячи героев безымянных —
Стриженных «братишек» и солдат.

И горжусь я больше, чем наградой,
Тем, что в страдной, боевой судьбе,

Сняв с друзьями черную блокаду,
Словно петлю, с шеи Ленинграда,
Мы пришли на выручку к тебе!

И, прижав нас радостно к груди,
Ты кулак с усилием расправил
И врага по челюсти ударил,
Так что и следов-то не найти!

Мчится время, на чехлы орудий
Падает цветочная пыльца...
Только разве позабудут люди
Подвиги матроса и бойца?!

И над чашей негасимый пламень
Потому все жарче и красней,
Что любой твой холмик или камень
Тепл от крови павших сыновей!

Шелестит над обелиском тополь,
Алый флаг пылает над волной,
Севастополь, гордый Севастополь —
Город нашей славы боевой!

И недаром в звании героя
Ты стоишь, как воин, впереди
Часовым над кромкою прибоя
С Золотой Звездой на груди!

Последний рубеж

1

Сколько верст проехали, протопали
По воронкам выжженной земли,
И сегодня наконец дошли
До морского сердца — Севастополя.

Наша радость — для фашиста горе.
Как в падучей, бесновался враг.
Но не в силах вырваться никак,
Вновь сползал и окунался в море.

Превосходный оборот событий:
Никакого выхода нигде!
Получалось так, что, извините,
Нос сухой, а задница в воде.

Под Бельбеком жарко и бессонно.
Севастополь — вот он, посмотри!
Снова резкий зуммер телефона.
Генерал Стрельбицкий возбужденно:
— Поднажмите, шут вас побери!

Дать, братва, гвардейскую работу!
Приготовьтесь к новому огню!
Жмите, шпарьте до седьмого пота!
Если ночью не пройдет пехота,
Залп с рассветом. Я вам позвоню.

Вот он наш «артиллерийский бог»!
В генеральских полевых погонах,
И, хоть был он и суров и строг,
Все-таки в лихих дивизионах,
В пересвисте пуль на огневой,

В громе залпов на переднем крае,
Всюду по-суворовски простой,
С честною и храброю душой,
Был он и любим и почитаем.

Враг плевался тоннами тротила,
Только врешь, не выдержишь, отдашь!
Три-четыре дня еще от силы
И — конец! И Севастополь наш!

Три-четыре... Ну совсем немного...
Да была загвоздочка одна
В том, что многотрудная дорога
Под конец особенно трудна.

Ведь тому, кто вышел из огня
Сотен битв, где и конца не видно,
Как-то до нелепого обидно
Пасть вот в эти три-четыре дня.

Впрочем, что с судьбою препираться?!
Фронтовик бессменно на посту.
Здесь война. И надобно сражаться
И кому-то солнцу улыбаться,
А кому-то падать в темноту...

2

Ах, как буйно яблони цвели
Той военной, майскою весною,
Будто вновь рванулись от земли
Парашюты в небо голубое!

Или будто, забывая страх,
В трех шагах от грохота и горя
Сотни чаек, прямо из-за моря
Прилетев, расселись на ветвях.

Словно снегом, ветви осыпали
Все вокруг на целую версту.
Только хлопцы вряд ли замечали
Неземную эту красоту.

Мать-земля, не сетуй на ребят,
Ибо сад в жестокой обстановке

Мог ли быть хоть чем-то для солдат,
Кроме белопенной маскировки?!

Будет время, и настанет час,
И ребята где-нибудь у дома
Белым жаром яблонь и черемух
Встретят свет привороженных глаз.

Ну а тех, кто не придет домой,
Ты, как мать, и примешь и укроешь,
Соловьиной песней успокоишь
И осыплешь белою пургой...

Память, память. Нелегко, не скрою,
Возвращать исчезнувшую тень,
Что ж, давай же вспомним этот день,
Перед тем, перед последним боем...

Быстро цифры множа в голове
И значки условные рисуя,
Я сижу под яблоней, в траве,
Нанося на карту огневую.

Муравей по карте пробежал,
Сел и пузо лапками погладил.
Ну ни дать ни взять солидный дядя,
Пусть в сравненье с буквой даже мал...

Обошел сердито огневую,
Ус потрогал: дескать, молодец!
А потом, отчаянно рискуя,
Дунул прямо на «передовую»,
Наплевав на вражеский свинец.

Не спеша у немцев покрутился,
Вдруг насторожился и затих,

И затем обратно припустился...
То-то, брат, не бегай от своих!

Вот и нам бы действовать так юрко!
Кто-то веткой хрустнул за спиной,
Почему-то сразу, всей душой,
И не обернувшись, понял: Шурка!

Села, быстро за руку взяла.
— Извини... Не помешаю? Можно?
До чего же рада, что нашла.
Я ведь нынче даже не спала,
Вот тревожно как-то и тревожно.

Словно сыч, уставилась во тьму
И не сплю. Себя не укоряю,
Но причину так и не пойму.
— А теперь-то знаешь почему?
— А теперь как-будто понимаю.

Завтра ты идешь на огневую?
— Нет, наверно, не пойдет никто.
— Не шути. Я знаю.
— Ну и что?
Ведь не с прошлой пятницы воюю!

С ревом пролетев над головами,
Грохнул за оврагами снаряд.
И, тряхнув испуганно плечами,
Сад рассыпал белый снегопад.

— Можешь ехать. Ну и шут с тобой!
— Тоже мне веселое напутствие.
— Нет, прости... Я глупая.. Постой...
Но сейчас прошу вот всей душой,
Я ведь не шутила о предчувствии.

Понимаю, чушь и ерунда.
Я сама ругать себя готова,
Ничего не будет никогда!
Но послать ведь можно же туда
Ну хоть раз кого-нибудь другого?!

Вроде улыбнуться попыталась,
А потом упала на плечо
И впервые горько разрыдалась,
Как-то вдруг по-детски, горячо.

Ни от горя, ни от резкой фразы,
Ни от злых обид или похвал,
Никогда, нигде еще ни разу
Я тебя в слезах не заставлял.

Замолчала, руку отвела.
— Погоди, не утешай, не надо.—
Улыбнулась повлажневшим взглядом:
— Видишь, вот и Шура не скала.

От пригорка к морю — две дороги.
На поселок издали взгляни —
Словно путник, вытянувший ноги,
Сунул в воду голые ступни.

Две дороги — разные пороги,
За спиной двадцатая весна,
Две дороги у войны в залоге
И бог весть, какая суждена...

Но какие б ни гремели грозы,
Шурка, Шурка, светлая душа,
С этою улыбкою сквозь слезы
До чего ж была ты хороша!

— Так скажи мне, честно, как бывало:
Даже жизнь до ярости любя,
Ты б в огонь когда-нибудь послала
Ну хоть раз кого-то за себя?

Я спросил. И ты молчала хмуро.
Ах, как долго мучился ответ.
— Хорошо... Ну, вероятно, нет...
Но пойми!
— Я понимаю, Шура.

Ты мой самый задушевный штаб.
Только что нам краешек передний!
А к тому же ведь последний залп.
Понимаешь, самый распоследний!..

Годы, годы... Рыжий листопад,
Голубые зимние метели,
Где сейчас тот яблоневый сад,
В шрамах от пожаров и шрапнели?

Может, сгинул в душный суховей
Или стал ворчливее и гуще,
Только вечно в памяти моей
Он все тот же: юный и цветущий!

Вот и нас с тобою, вот и нас
Вижу вдруг взволнованно и четко:
Эту грусть тревожно-серых глаз
И слезинку возле подбородка.

Вижу пальцев легкую печаль,
Гладящих мне голову и руку,
И морскую, ветровую даль,
Словно предвещавшую разлуку.

Встала. Взглядом обежала сад.
— Ох и яблок тут, наверно, зреет!
Жаль, нельзя вот так: цветы белеют,
А под ними яблоки висят...

Ну пора. Но поймей в виду,
Завтра я приду на огневую.
Что смеешься? Думаешь, впустую?
Да хоть в ад упрячешься — найду!

Я смотрю, как ты мне улыбаешься,
И отнюдь не ведаю сейчас,
Что в душе ты навсегда останешься
Вот такой, как в этот самый час.

Как стоишь ты, глаз не опуская,
Словно бы задумалась о чем,
Тоненькая, светлая, прямая,
С яблоневою веткой за плечом...

Я смотрю и даже не предвижу,
Что ни глаз, ни этого лица
Никогда уж больше не увижу,
Никогда... До самого конца...

Надо бы листок перевернуть,
Но сейчас, в последнюю минуту,
Я не в силах, кажется, шагнуть
И все медлю, медлю почему-то...

На душе щемящая печаль,
Был иль нет я в юности счастливым,
Только нынче, вглядываясь в даль,
Мне до боли расставаться жаль
С этим днем весенним и красивым.

И пока не опустилась тень,
Тшусь запомнить все его приметы.
Ибо это мой последний день,
Полный красок, облаков и света...

Жизнь не ждет. Она торопит в путь.
Ах, как было б славно, вероятно,
Если б каждый почему-нибудь
Мог хоть раз свой день перевернуть,
Словно лист тетрадный, обратно....

Ну да раз нельзя, так и нельзя!
Было все обычным: огневая,
Рев машин, хорошие друзья
И в дыму дорога фронтовая.

Враг, пока не наступил рассвет,
Бил всю ночь, снарядов не жалея,
И разгрохал нашу батарею,
А у друга, у соседа,— нет.

Значит, было до зарезу надо,
Чтоб напор пехоты не ослаб,
Передать товарищу снаряды
И рвануть наш знаменитый залп.

Сделать быстро, точно по часам
И расстаться с краешком передним.
Но комбат, как в море капитан,
Пусть хоть смертью пахнет ураган,
Все же сходит с мостика последним.

И уж вспоминать так вспоминать:
О дороге в огненной завесе,
О пехоте, что не может ждать,
И о том, и о последнем рейсе...

Но хоть боль не схлынет никогда,
Я хочу, чтоб знала ты и ведала:
Да, стряслась тяжелая беда,
Было горько, даже страшно, да,
Было все, но вот ошибки не было!

Ложь ни разу не была меж нами,
Так поверь, что в трудные часы,
Сколько раз бессонными ночами
Все бывшее клал я на весы.

Зло стряслось. И самое-пресамое...
Но, весь путь в сознание повторяя,
Говорю открыто и упрямо я:
Ничего не получилось зря!

Разве груз, сквозь пламя пробивая,
Я доставить к сроку не сумел?
Разве, доты к небу подымая,
Наш последний залп не прогремел?

Разве следом не пошла работа
Остальных армейских батарей?
И сквозь дым не ринулась пехота
Штурмовать остатки рубежей?

Не разбили разве, не расхлопали
Каждый метр, где огрызался враг?
Разве кровью полыхнувший стяг
Не забился в небе Севастополя?!

Люди гибли, падали во тьму,
Хоть, конечно, горько умиралось,
Но когда на свете и кому
Без потери счастье доставалось?!

И за тех, кто не дошел до цели,
Говорю я мирным этим днем:
Пусть не все мы увидеть сумели
Стяг победы, взмывший над Кремлем,

Каждый, кто упал на поле боя,
Твердо знал заранее, поверь,
Хоть непросто жертвовать собою.
Только мир и счастье над страной
Стоят этих тягот и потери!

Глава VII

Праздничная ночь в Москве

Ветер, будто выжав тормоза,
Взвыл и стих устало под балконом.
У витрин слипаются глаза,
Фонари мигают полусонно.

И под каждым дремлющим окном
Вдоль домов, подобно темным рекам,
Льется ночь, разбавленная снегом,
Будто черный кофе с молоком.

Спят деревья в лунных балахонах,
Синий свет качается в окне,
И солдаты в дальних гарнизонах
Смотрят нынче фильмы о войне.

Сталь от жара на экранах плавится,
Бьют «катюши» в зареве огней,
Мне ж сегодня почему-то кажется,
Что сквозь полночь движется и катится
Тихо-тихо множество людей...

Здесь же скальпель вместо автомата,
Здесь бинты и белые халаты
И своя нелегкая война.

И боец, спеленатый бинтом,
Пусть кому-то это будет странно,
Говорил с соседом обо всем:
О простом, о мудром, о смешном,
Обо всем, но только не о ранах.

Кто впервые приходил сюда,
Может, даже и решал подспудно,
Что не так ребятам уж и трудно,
Вон ведь как смеются иногда!

Да, смеялись, как это ни странно!
И никто почти что не стонал.
Только тот, кто был здесь постоянно,
Это все, пожалуй, понимал.

Пусть непросто было воевать,
Но куда, наверное, сложнее,
Потеряв, не дрогнув, осознать
И затем упрямо привыкать
К ней, к дороге будущей своей.

Делать снова первые шаги,
Веря в то, что песнь не отзвенела,
Без руки, без глаз или ноги —
Не совсем простое это дело...

Пусть дорога будет неплохой,
Пусть с любой радостью-удачей,
Только быть ей все-таки иной,
Потрудней, погорше, не такой,
И не надо говорить иначе!

И чтоб в сердце не тревожить раны,
Хлопцы, истомленные жарой,
Так шутили солоно порой,
Что валились с тумбочек стаканы!

Лишь когда во тьме за тополями
Город тихо забывался сном,
Кто-нибудь бессонными ночами
Долго-долго думал о своем.

Думал молча, сердца не жалея.
Сколько чувств металось и рвалось!..
Мне, пожалуй, было посложнее,
Потому всех чаще не спалось.

Горем я делиться не любил.
И лишь с Борей — другом по палате,
Что сидел бессонно у кровати,
Молча сердце надвое делил.

Шурка! Шурка! Милый человек,
Где сейчас лежит твоя дорога?
За окном торжественно и строго
Падает, покачиваясь, снег...

Ах, как я сегодня дорожу
Нашим прошлым, песнею согретым!
Но пора! И вот я подхожу,
Только дай мне руку, я прошу,
К нашей встрече августовским летом.

Будни. Тихий госпитальный вечер.
Кто-то струны щиплет в тишине.
Нет, ничто не подсказало мне,
Что сейчас случится эта встреча.

Как добилась, вырвалась, смогла —
Никому того не объясняла.
Может, это сердце помогало,
Но меня ты все-таки нашла.

Увидав, не дрогнула, не вскрикнула,
Подлетела тоненькой стрелой,
Крепко-крепко пальцы мои стиснула
И к бинтам припала головой.

Первые бессвязные слова,
Под рукою дрогнувшие плечи,
Скомканные, сбивчивые речи
И в сплошном угаре голова...

— Я же знала, знала, что найду! —
Улыбнулась. Нервно закурила.
— Ты же помнишь... Я же говорила:
Разыщу хоть в чертовом аду!

Сожалеть бессмысленно и поздно.
Это так, но выслушай, постой,
Как бы это ни было серьезно,
Все равно я рядом и с тобой!

А ребята, знаешь, как страдали,
Все тобой отчаянно горды.
Говорят, что, если бы не ты,
Никакого залпа бы не дали!

А начмед мне только что сказал, —
И в глазах — торжественная
радость, —
Что тебе недавно благодарность
Маршал Жуков в госпиталь прислал.

Господи, да что я говорю!
Слава, благодарности, приветы...

Не об этом надо, не об этом!
Ты прости, что глупости порю!

Смолкла и вздохнула глубоко.
— Шурка, Шурка, посидим-ка рядом,
Только ты не нервничай, не надо...
Мне и вправду очень нелегко.

Как мне дальше жить и для чего?
Сам себя же сутками терзаю.
Только ничего еще не знаю.
Ничего, ну просто ничего.

— Нет, неправда. Превосходно
знаешь!
Знаешь с самых босоногих лет,
Ты же от рождения поэт.
Как же ты такое отмечаешь?!

Вечер перьями жар-птицей
Мягко сел на ветку под окном.
То ли ветер в форточку стучится,
То ли птица радужным крылом?

— Знаешь, Шура, улыбнись-ка, что ли!
Что нам вправду разговор вести
Обо всех там сложностях и болях,
Их и так довольно впереди!

— Да, конечно, милый человек.
Ну давай о чем-нибудь другом.
Знаешь, там, в приемной, перед
встречей
Можно все услышать обо всем.

Ждешь халата в строгой тишине,
Ну а сестры... Им же все известно...

— Вот так штука. Это интересно...
Что ж тебе сказали обо мне?

— Да сказали, очень было плохо.
Раз решили даже, что конец...
Только ты не дрогнул и не охнул.
В общем, был взаправду молодец.

— А еще о чем порассказали?
А еще, пожалуй, о друзьях,
Что на фронт всегда тебе писали,
И сидят тут у тебя едва ли
Менее, чем в собственных домах.

Видно, что отличные друзья.
Кто они?

— Да большей частью школьные.

— И при этом скажем, не тая,
Что среди них есть даже
и влюбленные...

Прибегут в наглаженной красе
С теплотой и ласковым приветом.
— Кто тебе рассказывал об этом? —
Улыбнулась: — Да буквально все.

От врача и до швейцара дедушки!
Говорят, не помнит никогда,
Чтобы одному четыре девушки
Предложили сердце навсегда!

А какая я, уж и не знаю.—
Замолчала, за руку взяла.
— Шурка, Шурка, что ты за дурная!
Да сейчас я просто отметаю
Все эти сердечные дела.

Может, и наделаю ошибок,
Но в бинтах, в сомненьях и крови
Мне сейчас не очень до улыбок
И, прости, совсем не до любви!

Что мне шепот и уста влюбленные,
Если столько раз еще шагать
В дверь с табличкой «Операционная»,
Э, да что там долго объяснять!

Закурили. Оба помолчали.
— Да, конечно...— выдавила ты,—
Я пойму, наверное, едва ли,
Что такое раны и бинты.

Это страшно, если хочешь, жутко,
Даже я, как в пламени, горю.
Только я же вырвалась на сутки,
Потому вот так и говорю!

Может быть, я в чем-то ошибаюсь,
Только знаю, знаю все равно:
Одному, сквозь ветер пробиваясь,
Тяжело. А я не пригибаюсь,
Наплевать, светло или темно!

Если б знать мне, если б только знать,
Что вернусь из пламени обратно,—
Никому на свете, вероятно,
У меня тебя бы не отнять!

Нет, ты веришь, я же не боюсь,
Только сам ведь знаешь, как
 предчувствую,
И теперь вот, ну, как будто чувствую,
Что легко обратно не вернусь....

Ты не спорь, но поймей в виду:
Хоть безвестна буду, хоть прославлена,
Только, если крепко буду ранена,
Я к тебе такую не приду.

Если уж сражаться, то сражаться
За любовь, которая б смогла
Дать тебе действительное счастье,
А не грусть от шкафа до стола!

Помню, как, поднявшись на постели,
Я сказал в звенящей тишине:
— Ну чего ты, Шурка, в самом деле,
Мучишь душу и себе и мне!

— Это верно. И давай забудем!
Я и вправду нервов не щажу.
А писать-то хоть друг другу будем?
— Как же без письма хорошим
людям?! —
Я махнул рукой: — Да напишу!

Шура, Шура, через много лет
Ты сними с души моей камень
И прости за это раздраженье
И за тот бесчувственный ответ.

Если можешь, вычеркни, прошу.
Мне сказать бы мягко и сердечно:
— Что ты, Шурка, напишу, конечно! —
Я же как отбрил: — Да напишу!

Был я весь как бьющийся костер.
Встретиться мы хоть чуточку попозже —
Может быть, сердечнее и проще
Получился б этот разговор.

Долго-долго, словно бы во сне,
Мы сидели рядом и молчали.
Вдруг в какой-то тягостной печали
Ты прильнула бережно ко мне.

— Завтра я уеду. И не знаю
Ничего о собственной судьбе.
Но тебе, ты слышишь, но тебе
Я, как жизни, светлого желаю!

Я хочу, чтоб было впереди
Что-то удивительно большое
И душа, звенящая в груди,
Вечно знала, что бороться стоит!

Пусть тебе сейчас не до любви,
Но в бинтах не вечно же солдаты!
И зови ее иль не зови,
А любовь придет к тебе когда-то!

И тебе я от души желаю,
Впрочем, нет... Прости меня... Постой...
Я ведь тех, кто ждет тебя, не знаю,
Кроме, кроме, может-быть, одной.

Той, что мне халат свой отдала.
Сразу ведь меня не пропустили.
Но потом, когда она сошла,
Мы с ней на ходу поговорили.

Кажется, она-то вот и главная...—
Вдруг на сердце набежала тень.
— Ничего... Молоденькая. Славная.
А приходит часто?
— Каждый день.

— Что же, это трогает, признаться! —
Потонула в папиросной мгле.
— Мне, конечно, трудно разбираться,
Но не знаю, много ли в семнадцать
Можно знать о жизни на земле?

Быть женой поэта и бойца —
Значит сквозь любые испытанья
Верить до последнего дыханья
И любить до самого конца!

Вот и все. Прости, коль взволновала.
Просто недомолвок не терплю.
Всякого я в жизни повидала,
Потому так прямо и рублю.

Да, вот если знать бы, если б знать,
Что живой притопаю обратно,
Никому на свете, вероятно,
У меня бы счастья не отнять!

Ну прощай, мой светлый человек...
До чего же трудно расставаться!
Ты прости, но только может статься,
Что сейчас прощаемся навек...

Нет, не бойся, рук не заломлю.
Нам, бойцам, ведь и нельзя иначе.
Ну а то, что вот стою и плачу,
Так ведь это я тебя люблю...

И пускай ты о невзгоды бьешься,
Ты обязан. Слышишь? Ты такой,
Все равно ты встанешь и добьешься
И до звезд дотянешься рукой!

Нет дорожке для меня награды,
Чем твоя улыбка. Ну, прощай!
И прошу, пожалуйста, не надо,
Никогда меня не забывай!

Крепко-крепко пальцы мои сжала
И почти с тоскою пополам
Вдруг с каким-то трепетом припала
К пересохшим, дрогнувшим губам.

— Повторяю без высоких фраз,
Что душой навек к тебе припаяна
И люблю без памяти, отчаянно,
В самый первый и в последний раз!

Ну а если вдруг судьба мне хмуро
Где-то влепит порцию свинца,
Помни, что жила на свете Шура,
Что была твоею до конца!

Глава VIII

Раннее утро в Москве

Тихо ночь редет над Москвою,
За окошком розовеет снег,
Так мы и не встретились с тобою,
Шурка, Шурка, славный человек!

Так и не увиделись ни разу.
И теперь сквозь ветры и года
Ничего — ни жеста и ни фразы —
Не вернуть обратно никогда.

И друзей, что вместе воевали,
Дальние дороги развели: . . .

Те — на Волге, эти — на Урале,
Ну а те, что адресов не дали,
Просто из сражений не пришли.

Впрочем, мир не так уж и широк,
И при всех работах и заботах,
Смотришь, вдруг и объявился кто-то,
Забежав порой на огонек.

Ну а чьи-то души постоянно
Где-то рядом, полные тепла,
Помнишь, Шурка, Турченко Ивана —
Нашего веселого хохла?!

Что в походе, в радости, в печали,
Наплевать, устал иль не устал,
Требуя, чтоб хлопцы поддержали,
Удалые песни запевал!

И теперь, взволнованные встречей
И забросив будни, иногда
Мы садимся рядышком под вечер
И уходим в давние года.

Мы уходим в дымные рассветы,
В мокрый ветер, в хмурый листопад,
Проверяя мощные ракеты
И встречаясь с сотнями ребят.

Вспомним всех, с кем тяготы и радости
Мы несли сквозь дали и года.
Лишь тебя из высшей деликатности
Он не вспоминает никогда.

Лишь в столе однажды обнаружив
Твой портрет в шинели фронтовой,

Он, поежась словно бы от стужи,
Все стоял, стоял перед тобой.

А затем с растроганною силой
Тихо молвил, глядя на портрет:
— Ну и сердце золотое было!
До чего ж она тебя любила...
Только знал ты это или нет?!

Впрочем, если молвить откровенно,
Хоть и узок дружбы старой круг,
Есть еще большой и светлый друг
У меня с той замяти военной.

Сам Иван Семенович Стрельбицкий,
Наш любимый, грозный генерал
(Вот чего уж я не ожидал!),
Не забыл, запомнил, отыскал,
Вдруг звонит мне с площади
Никитской.

Повстречались, обнялись, и снова
Встречи, разговоры без конца
И теперь я, честное же слово,
Словно сын, дождавшийся отца!

Утро, красно-бурою лисицей
Развалясь на мягких облаках,
Потянулось сладко над столицей
И лизнуло снег на фонарях.

Снова прячась в давнее, бывшее,
Вслед за тенью уплывает тень.
И шагает шумною Москвою
Энергичный и веселый день.

Отразясь улыбкой молодой
Даже в самом крохотном оконце,
Поднялось огромное солнце
Над моей огромною страной.

И сияет в животворной силе
Вплоть до рубежей моей земли
Все, что мы когда-то защитили,
Все, что от пожаров сберегли!

И не зря над крышами, над тополем,
Над Сапун-горою поутру
Жаркий стяг над гордым
Севастополем
Алой птицей бьется на ветру!

Эпилог

Вот и спета песнь, как говорится:
Кончена финальная глава,
Пережита каждая страница,
Сказаны последние слова.

Голубеют горные отроги,
К рекам реки радостно бегут,
Только нас, наверное, дороги
Никогда уж больше не сведут.

Ну так что же, сожалеть не будем!
Ведь, пожалуй, главное сейчас,
Что, горя, мы отдавали людям
Все, что было лучшего у нас!

Если даже нет тебя на свете,
Разве можно погасить мечту?!

Я б хотел, чтоб каждый на планете
Повстречал такую чистоту!

Мчится время. Уплывают лица,
Как в реке осенняя листва.
Кончена последняя страница,
Сказаны последние слова.

О, как часто трудно оглядеться
В спешке дел! И все же иногда
Что-то остро вдруг уколёт сердце
И напомним давние года.

И тогда вдруг словно из тумана
Вижу взгляд твой, строгий и прямой,
Портупею, кобуру нагана,
Рыжую ушанку со звездой...

Легкая, знакомая фигурка,
Дымные, далекие края,
Где ж ты нынче, тоненькая Шурка —
Фронтная молодость моя?

22 июня 1972 г. — 23 февраля 1973 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стихотворения

	<i>Стр.</i>
Запоминайте нас, пока мы есты!	5
Золотая кровь.	7
Баллада о Ленине и комсоре	9
Падает снег	13
Моя звезда	15
Доброта	18
Россия начиналась не с меча	20
Моя любовь	22
Письмо с фронта	24
Зимняя сказка	26
Родине (<i>Лирический монолог</i>)	29
Лесная река	36
Отцы и дети	39
Красота народа	43
В звездный час	46
Баллада о ненависти и любви	48
Девушка и лесовик (<i>Сказка-шутка</i>)	58
Прислали к нам девушку в полк медсестрой	61
О славе Родины	64
На исходный рубеж	67
Я поэт сугубо комсомольский	69
Мой рассказ о войне	73
Моему старому другу Борису Шпицбургу	76
В лесном краю	79
Созвездие Гончих Псов	81

Письмо любимой	85
Обидная любовь	87
Пусть меня волшебником назначат (<i>Шутка</i>) . . .	89
Баллада о граните	91
Моему сыну	94
На рассвете	97
Когда порой влюбляется поэт	100
«Ничья»	102
В троллейбусе	104
Весенняя песня	107
Могила Неизвестного солдата	109
Свидание с детством (<i>Лирический монолог</i>) . . .	111
У реки	115
Воробей и подсолнух	117
Стихи, не претендующие на ученый трактат . . .	119
Цвета чувств	122
Ледяная баллада	124
Моей маме	129
Мещанство	131
«Чудачка»	134
Всегда в бою	136
Товарищу по войне	138
Слово о любви	140
Древнее свидание	143
Разговор с другом	145
О брани	147
Ленинграду	150
В землянке (<i>Шутка</i>)	152
Дружеский совет	153
Оценка любви	155
В кафе	157
Оттепель	159
Баллада о друге	161
Звезды светят влюбленным	166
Баллада о буланом «Пенснере»	168
Одна	172

Романтики дальних дорог	174
На пороге двадцатой весны	177
Два маршрута	179
Важные минуты	180
Разговор в поезде (<i>Дорожная поэма</i>)	182
«Ты часто вздыхаешь...»	187
«Плохой ли, хорошей рождается птица...»	188
Солдат	189
Трус	191
Велики ль богатства у солдата?	192
Новобранцы	193
Будьте счастливы, мечтатели!	195
Статистика войны	198
Он настоящим другом был	199
Звезды живут как люди	201
Бурундучок	203
Неприметные герои	205
Хорошие люди	210
Студенты	213
«Я могу тебя очень ждать...»	216
О смысле жизни	217
Старый большевик	220
Самое прочное на земле	225
Все равно я приду	226
Эдельвейс (<i>Лирическая баллада</i>)	227
Под дождем	230
«Трусиха»	231
Ах, как же мы славно на свете жили	234
Стихи о рыжей дворняге	236
«Каков человек по душе, по уму?...»	238
Девушка	239
Ненужные споры	241
Артистка	243
Три друга	246

Слово к мужчинам	248
Двадцатый век	250

Поэмы

Песня о мужестве	255
Шурка	269

Асадов Э. А.

А90 Годы мужества и любви. Стихи, поэмы. М., Воениздат, 1978.

326 с. с портр.

Стихи Эдуарда Асадова пользуются у читателей большой популярностью, в них выражена ясная гражданская позиция автора, его непримиримость ко всему, что аморально, безнравственно, бесчеловечно.

В книгу помимо известных произведений вошли и новые — о мужестве и славе, о фронтовом братстве.

А 70402-109
068(02)-78 167-78

Р2

ИБ № 653

Эдуард Аркадьевич Асадов

ГОДЫ МУЖЕСТВА И ЛЮБВИ

Стихи, поэмы

Редактор А. Ф. Землянский

Художественный редактор Е. В. Поляков

Художник Е. И. Дорон

Технический редактор М. В. Федорова

Корректор С. З. Михайлина

Сдано в набор 24.11.77 г. Подписано в печать 27.1.78 г.
Г-12628. Формат 70 × 90/32. Бумага № 1. Литературн.
Высокая печать. Печ. л. 10¹/₄. Усл. печ. л. 11,99+1 вкл.
¹/₁₆ печ. л., 0,075 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,351.
Тираж 75 000 экз. Изд. № 4/3442. Зак. 57. Цена 1 р. 40 коп.

Воениздат, 103160, Москва, К-160

Набрано в московской типографии № 13 Союзполиграф-
прома при Государственном комитете Совета Министров
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли, 107005, Москва, Б-5, Денисовский пер., д. 30.

Отпечатано с матриц во 2-й типографии Воениздата.
191065, г. Ленинград, Д-66, Дворцовая пл., д. 10.

